

В. П. СЕКИРИН

**ЗАИМСТВОВАНИЯ
В АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ УССР

КИЕВСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В. П. СЕКИРИН

ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1964

Монография «Заимствования в английском языке» является первым в советском языкознании трудом, освещающим не только отдельные стороны данной проблемы, но и всю проблему в целом. Она посвящена чрезвычайно важному разделу лексикологии и истории английского языка — заимствованиям и их роли в пополнении словарного состава английского языка. Как известно, заимствованные слова составляют свыше 60% всей английской лексики. На основе изучения богатого фактического материала и обобщения работ советских и зарубежных языковедов по этому вопросу дается систематическое изложение заимствований, пополнявших английский язык на протяжении его истории. В работе освещаются причины появления заимствований, пути их введения в язык, их связь с историческим развитием Англии, описывается классификация иноязычных слов, их соотношение с синонимичной исконной лексикой, указываются пути развития этих слов в английском языке, их ассимиляции в нем. Особое внимание уделяется развитию словообразовательной продуктивности и многозначности заимствований, а также особенностям их употребления в современном английском языке.

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена одной из актуальных проблем исторической и современной лексикологии английского языка — заимствованиям, пополнявшим его словарный состав на протяжении всей истории его развития. Особое внимание уделяется вопросу о лексической ассимиляции заимствований, который по сравнению с проблемой фоно-морфологического усвоения слабо разработан и в целом еще не решен в советском и зарубежном языкознании. Важность и актуальность этого вопроса не вызывает сомнения. Английский, как и другие языки, пополнялся и продолжает пополняться заимствованными словами. Для английского языка особенно характерно наличие большого количества романских элементов в силу конкретных исторических условий развития Англии. «В любом современном развитом языке первоначально самобытная речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке»¹.

По подсчетам зарубежных лингвистов в английском языке свыше 60% слов романского происхождения. На основании этих данных в зарубежном языкознании имеется тенденция переоценивать заимствование как способ пополнения английской лексики. Справедливо критикуя ошибочные взгляды Э. Бауэра на этот счет, К. Маркс писал: «Английский язык», по его мнению «жалок», совершенно романизирован. На это, ему (речь идет о Бауэре. — В. С.) в утешение, я сказал, что голландцы и датчане говорят то же самое о немецком языке и что «исландцы» — единственные истинно германские парни, не испорченные романским влиянием»².

Несмотря на обширный приток иноязычных слов, английский язык подчинил их закономерностям не только звукового строя и грамматики, но и своей лексической системы.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. IV, М., 1933, стр. 144.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 28, М., 1962, стр. 389.

Таким образом тысячи иноязычных слов были ассимилированы, усвоены английским языком, стали его неотъемлемой частью.

Основной целью данной работы является систематическое изложение и критический обзор взглядов советских и зарубежных лингвистов относительно процесса лексической ассимиляции заимствований и их последующего развития в английском языке, поскольку, по замыслу автора, закономерности лексической ассимиляции иноязычных слов на основе обширного исследования языковых памятников будут изложены в отдельной монографии.

В работе рассматриваются и другие вопросы: причины появления заимствований, пути их введения в язык, их связь с историческим развитием Англии, классификация иноязычных слов, их соотношение с исконной лексикой, освещаются особенности их употребления в современном английском языке.

Монография рассчитана на преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся вопросами истории и лексикологии английского языка.

КЕЛЬТСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Завоевание Британии германскими племенами

Вопрос о кельтских заимствованиях в английском языке довольно подробно освещен в зарубежном языкознании.

К числу важнейших событий в истории английского языка относится завоевание Британии германскими племенами. Сведения об этом событии в основном взяты из хроники *Ecclesiastical History of the English Race*, написанной на латинском языке Беде примерно в 730 г., почти три столетия после того, как первые юты — Хенгест и Хорса (*Hengest and Horsa*) высадились под Эббсфлитом (*Abbsfleet*) на острове Тэнет в 449 г.

До начала переселения на Британские острова германские племена — англ, саксы и юты — проживали вдоль побережья Северного (Немецкого) моря, юты — на территории Ютландии, саксы — в Гольштинии, а англ, — в Шлезвиге и говорили на различных нижненемецких диалектах.

Бриты (название кельтов, проживающих в Британии) после вывода римских войск вынуждены были в течение длительного времени отражать нападения воинственных племен пиктов с Севера и вскоре обратились к германским племенам с просьбой оказать помощь в их борьбе. Это послужило поводом для вторжения германских племен на Британские острова, которое подробно описано Беде в вышеупомянутой работе. Юты первыми перебрались с континента и поселились в Кенте, Южном Гемпшире и на острове Уайт. Саксы вслед за ними заняли остальную Англию южнее Темзы, а англ, — области на север от Темзы [75, р. 19]. Англо-саксонская хроника сообщает, что при *Andredesceaster* или *Revensney* произошло ожесточенное сражение между кельтами и англо-саксами, и ни один кельт, принимавший в нем участие, не остался живым. Однако, исконное население было истреблено лишь в отдельных районах, основная его масса была подчинена англо-саксам.

Большое число кельтов, потерпевших поражение, бежало на запад — в Корнуолл, Уэлс и на север. В отдельных западных областях кельтское население сохранилось вплоть до настоящего

времени. Вероятно, много кельтов попало в подчинение завоевателей и стали их рабами [43, р. 83]. Тевтонское завоевание Британии в основном завершилось в VI веке. Значительная часть кельтов с течением времени утратила свои национальные особенности и растворилась в массе завоевателей.

Кельтские элементы в словарном составе английского языка

Следы кельтского влияния встречаются не только в древнеанглийском, но и в других языках германской группы, поскольку кельты жили не только на Британских островах, но и на европейском континенте. К числу этих слов принадлежат др. англ. *gise* «власть» «властный», «могущественный»; *gisein* «управлять» (ср. немецкое *Reich*). *Rise* является составной частью некоторых собственных имен, таких как *Frederick* и *Roderick*, а также слова *bishoprick* [84, р. 4].

Существительное и прилагательное *gise* пользуются большой употребительностью в древнеанглийском языке. В других германских диалектах обнаружены соответствующие слова (др. верх. нем. *gihti*, в готском *geiks* «мощный», «могущественный» [79, р. 55].

Другим таким словом является древнеанглийское *ambeht*, которое в латинской форме *ambactus* приводится еще Цезарем и употреблялось в древнеанглийском в значении «слуга», «служба», «должность» (ср. *amt* в современном немецком языке) [84, р. 4].

В готском языке это слово имеет форму *ambahts*, в др. верхненемецком *ambaht*, в др. сакс. *ambahto*; *ambeht* распространено в древнеанглийском языке как самостоятельное слово и в составе композитов *ambeht-secg*, *-mann*, *-thegan* в значении «слуга».

Слова *rich* и *embassy* такого же происхождения как и древнеанглийское *gise* и *ambeht*, но они являются вторичными заимствованиями от романских корней.

Зарубежные лингвисты, рассматривающие вопрос о кельтских заимствованиях, единодушно отмечают исключительно слабое влияние кельтского языка на английский, малочисленность кельтских элементов в английской лексике.

Однако, у зарубежных лингвистов нет единого мнения о причинах такого слабого влияния, их доводы часто носят бездоказательный субъективный характер. Так, Лаунсбери причиной слабого влияния кельтского языка на английский язык считает чувство ненависти, которое питали победители—англо-саксы и побежденные кельты друг к другу, и религиозные противоречия между ними [68, р. 38].

По мнению Толлера, показательным для отношений, существовавших между кельтами и англо-саксами, являются слова

wales или Bret Wales, сохранившиеся в современном английском языке в форме wales и welsh. Слово waih (в единственном числе waih и wealn), которое вначале служило названием какой-то кельтской народности, приобрело более общее значение «чужой», «иностранный» в английском и других германских языках (напр., в совр. нем. языке welsch «итальянский», «чужеземный»). В древнеанглийском языке слово woelsh служило для передачи понятия «варвар», а несколько позже приобрело значение «раб».

Употребление слова weal в указанных выше значениях, утверждает Толлер, характеризует враждебные отношения между англо-саксами и кельтами и свидетельствует о том, что последние находились в подчинении завоевателей.

Отвергая теорию массового истребления кельтского населения, Гринаф и Киттридж отмечают большое несходство между кельтами и англо-саксами и значительную романизацию кельтских языков как факторы, препятствующие их влиянию на английский язык.

Касаясь причин малочисленности кельтских заимствований в словарном составе английского языка, Есперсен прибегает к теории смешанных языков Виндиша. Эта теория гласит, что при смешении языков не иностранный язык, а язык коренного населения становится смешанным под влиянием иностранного языка. Так, в вымершем корнском диалекте (языке жителей Корнуолла) встречаются многочисленные английские заимствования, тогда как в английский язык попало очень незначительное количество кельтских слов в связи с тем, что сами жители Корнуолла избегали употреблять корнские слова, говоря по-английски. Есперсен считает эту теорию в основном правильной, подчеркивая, что английский язык находился на более высоком уровне развития по сравнению с кельтским и стал в дальнейшем языком цивилизации и культуры [64, р. 35—36].

Бездоказательность и тенденциозность таких рассуждений очевидна, если вспомнить, что Есперсен и ряд других языковедов рассматривают все историческое развитие английского языка с точки зрения его «превосходства» над другими языками. Зарубежные языковеды не располагают конкретными фактами политических, экономических, лингвистических взаимоотношений англо-саксонских племен, находившихся в то время на весьма низкой ступени развития, с коренным кельтским населением.

Кельтские элементы в географических названиях

Наибольшее количество кельтских элементов проявляется в географических названиях. Значительное количество географических названий кельтского происхождения в английском

языке свидетельствует о несомненном наличии контактов между англо-саксами и кельтами.

Названия многих районов на западе и юго-западе Англии сохраняют в настоящее время следы их раннего кельтского происхождения. Слово *Cumberland* означает «страна кимров или бритов». Первые элементы названий городов *Win (chester)*, *Ciren (cester)*, *Exeter*, *Gloucester*, *Lich (field)*, *Salis (bury)*, *Ikley* заимствованы из кельтских диалектов. Географические названия кельтского происхождения составляют наибольший процент в западной части страны: в Корнуоле — около 80%, в Девоне — 32%, в Суффольке 21% [42, p. 41]. Но особенно большое количество кельтских элементов сохраняется в названиях рек. Так, слово Темза (*Thames*) представляет собой кельтское название реки. Кельтские слова, обозначающие реку или воду *avon*, *iska*, сохранились в названиях *avon*, *esk*, *usk* [42, p. 45].

Некоторые другие кельтские элементы, такие как *cumb* «глубокая долина», входят в состав названий *Duncomb*, *Hollcombe*, *Winchcombe*; *torn* «высокая скала», «вершина» в *Toireross*, *Torhill* [43, p. 85]; *carr (caer)* «город» в *Cardigan*, *Carlisle*, *Carmathers* и т. д.; *dun* «укрепленное место» в *Dunedin*, = *Edinburgh*, *Dunbar*, *Dundee*, *Dumbarton*; *llan* «святыня», «церковь» в *Llandovery*, *Llangollen*; *strath* «широкая долина» в *Strathclyde*, *Strathmere* [65, p. 9]; *tre* «деревня» в *Tredegar* и вероятно, *lin* «глубокий водоем» в *Lincoln*.

В этой связи Лаунсбери приводит весьма любопытную английскую поговорку — *By Tre, Ros, Pol, Lan and Pen you know the most of Cornish men (pol «болото»)* [68, p. 40]. Робертсон проводит параллель между сохранением кельтских географических названий в Англии и большим количеством географических названий индийского происхождения в США, хотя индийские заимствования в английском языке США, как и кельтские в Британии, малочисленны [76, p. 43].

Характеристика кельтских ранних заимствований

После тевтонского завоевания Британии из кельтского языка в основном были заимствованы слова, обозначающие географические понятия, названия животных и предметов домашнего обихода [79, p. 56—58].

В древнеанглийском языке употреблялись слова кельтского происхождения: *banposc* «овсяная лепешка»; *brat* «плащ», «накидка»; *bin* «закром», «ясли»; *brock* «барсук»; *cart* «тележка», «повозка»; *cradle* «колыбель»; *crossa* «горошек»; *dun* «холм»; *dunn* «темный»; *gafeloc* «маленькое копье»; *dale* «брошка»; *luh* «озеро»; *sloh* «топь», «трясина»; *torr* «скала», «скалистая вершина», «холм» и др. Слово *assa* «осел», рассматриваемое обычно

под рубрикой латинских заимствований, попало в английский язык из древнеирландского в форме *assen*.

Между списками кельтских заимствований у отдельных авторов имеются значительные расхождения, что свидетельствует о слабой разработанности этого вопроса.

Некоторые широко распространенные кельтские слова были заимствованы латинским языком и оттуда проникли в английский язык. К числу таких слов вероятно кельтского происхождения относятся *budget*, *car*, *career*, *cargo*, *carry*, *carpenter*, *league*, *valet*, *varlet*, *vassal* [84, p. 67]. Следует оговориться, что часть этих слов (*battle* от старофранц. *bataile*, *charge*, *mutton*, *barter*, *beak*, *cloak*, *gravel*, *harness*, *javelin*, *tunnel* и др.) была заимствована непосредственно из французского языка и что кельтское происхождение многих из них является сомнительным.

Некоторые языковеды делают попытки подсчета слов кельтского происхождения в ранний период развития английского языка. Есперсен [64, p. 35] насчитывает около 12 таких слов, а Бо около 20. Точный подсчет этих элементов представляется затруднительным в связи с неясной этимологией многих из них. Многие слова, которые были отнесены к кельтским заимствованиям, как показали более поздние исследования, таковыми не являются.

В ряде работ зарубежных языковедов отмечается слабая употребительность большей части кельтских слов. Большинство кельтских заимствований не стало неотъемлемой частью английской лексики, они не были ею усвоены и сохранили свой чужеродный экзотический характер. Многие из них подверглись архаизации и выпали из английского языка.

Поздние заимствования из кельтских языков

Число поздних кельтских заимствований по-прежнему остается незначительным, хотя оно несколько возросло по сравнению с древнеанглийским периодом.

В работах зарубежных языковедов кельтские заимствования нового периода принято делить на слова шотландского и ирландского происхождения. Список слов, заимствованных из обоих языков, приведен Сарджентсон, Скитом и другими авторами.

Большинство этих слов появилось в английском языке не раньше конца XIV столетия. Некоторые из этих заимствований были полностью ассимилированы, хотя в большинстве своем они обозначают предметы и товары, специфичные для той страны, откуда они взяты. Из ирландского диалекта заимствованы слова: *bard* «бард», «поэт»; *bog* «болото»; *brogue* «туфель»; *fun* «шутка», «забава»; *glib* «прядка», «локон волос»; *lough* «озеро»;

pillion «седло без стремян»; shamrock «трилистник» (травя); usque-baugh «водка особого приготовления»; ogham «старинные ирландские письма цифрами»; tory «тори» <ирл. toraide «тот, кто преследует» от глагола toir «преследовать» применяется с XVII столетия в отношении ирландских бандитов и употребляется впервые как название политической партии в 1679 г.

Из шотландского (гаэльского) диалекта заимствованы слова: cosy «уютный»; creel «корзина для рыбы»; galloway «лошадь мелкой породы» (пони); glen «долина»; gowan «маргаритка»; inch «дюйм»; inge «племя»; loch «озеро»; mackintosh «макинтош»; ribgach «шотландская, народная песня, которую играют на волынке»; plaid «плед»; quaff «пить большими глотками»; reel «катушка»; slogan «лозунг»; whiskey «виски». Небольшое количество слов заимствовано из кимрского диалекта (welsh), распространенного в Уэльсе. К ним относятся bragget «напиток из меда и солода»; sam «лопасть»; clutter «куча»; cogacle «рыбачья лодка»; cromlech «друидический памятник»; crowd «толпа»; flannel «фланель»; flummery «кашица», «овсянка»; hawk «прочищать горло»; ken «зрение»; kibe «трещина на коже» (от отмораживания); kick «удар».

Следует также иметь в виду, что inge, kail, inch, в конечном счете, латинского происхождения (< ignis, callis, uncia), тогда как brose, ribgach в действительности происходят от исконно-английских слов (broth и pipe).

Зарубежные лингвисты не указывают, когда и в силу каких причин эти слова появились в английском языке, не исследуют их взаимоотношений с исконной лексикой и их ассимиляцию в английском языке. В их работах встречаются лишь отдельные замечания о слабой употребительности большей части новых кельтских заимствований [76, p. 330]. Большинство кельтских заимствований нового периода за исключением таких слов, как bard, sam, crag, flannel, inch, plaid, pony, slogan, whiskey не приобрели общенародной употребительности в английском языке.

На основании исследования кельтских поздних заимствований Скит делает вывод, что английский язык заимствовал большее количество слов из шотландского языка по сравнению с ирландским и что слова шотландского происхождения стали проникать в английский язык в более ранний период, чем ирландская лексика. Это является следствием географической близости Шотландии и более тесных политических и культурных связей Шотландии и Англии на протяжении длительного исторического периода.

Новые заимствования из шотландского и ирландского диалектов более подробно описаны в работе Грума, который в ряде случаев указывает пути и дату их проникновения в английскую

лексику. Грум отмечает довольно сильное влияние шотландского диалекта на литературный английский язык. Шотландские писатели и поэты Барбор, Дуглас, Данбар, Линдсей и др., а в новое время Бёрнс, Скотт, Стивенсон содействовали распространению отдельных слов шотландского происхождения в английском литературном языке.

Сгооп и еегу попали в английский язык из произведений Бёрнса, фраза lang syne приобрела известность благодаря его известной песне с тем же названием. Большое количество слов шотландского происхождения употребляется в произведениях В. Скотта, напр. glen «долина», «поток»; burn «река и др [61, р. 82—83].

ПРОБЛЕМА КЛАССИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Классические континентальные заимствования

Торговые военные и культурные контакты германских племен, проживавших на европейском континенте, с римской цивилизацией начались задолго до того, как англо-саксы появились в Англии и длились на протяжении всего древнеанглийского периода. Благодаря этим контактам англо-саксы и другие древнегерманские племена еще в период, предшествующий германскому завоеванию Британии, заимствовали значительное количество латинских слов [47, р. 35]. Позднее, когда германские племена вторглись в Британию, они увидели следы долгого римского господства в Британии и узнали от кельтов ряд новых латинских слов. Через полтора столетия в связи с введением христианства было заимствовано много слов латинского происхождения, в основном религиозного характера. Исходя из этого, Бо, Барфильд и многие другие языковеды прослеживают три латинских влияния в древнеанглийский период: латинские континентальные заимствования (так называемые заимствования нулевого периода); латинские слова, проникшие в английский язык из кельтского — заимствования I периода; латинские слова, связанные с введением христианства в Англии — заимствования II периода.

Некоторые языковеды, например, Есперсен причисляют слова латинского происхождения, проникшие в германские диалекты на континенте, к 1-му периоду латинских заимствований [64, р. 26]. Эта точка зрения вызывает возражение, поскольку английского языка в ту эпоху еще не существовало.

Обмен словами между лицами, говорящими на германских диалектах и на латинском языке, в течение первых 2-х столетий нашей эры происходил в области разговорной речи, т. е. слова заимствовались обычно не из классического латинского языка, а из широко распространенной вульгарной латыни, которая была предком современных романских языков и еще в III ст. начинала распадаться на отдельные диалекты в разных частях Римской империи.

Всего в древнеанглийский период заимствовано по подсчету Барфильда около 400 слов латинского происхождения [42, р. 52].

Согласно другим подсчетам по меньшей мере 600 слов латинского происхождения, не считая производных, проникли в древнеанглийский язык до норманского завоевания Англии [68, р. 42].

Марш объясняет слабое распространение латинских слов в древнеанглийских произведениях пуристическими тенденциями древнеанглийских авторов [70, р. 51]. Дело, однако, не в пуристических тенденциях, а в том, что древнеанглийский язык еще не приобрел навыков широкого заимствования иноязычной лексики, и этот способ пополнения словарного состава не получил в нем широкого развития.

Латинские континентальные заимствования свидетельствуют о значительных контактах между римлянами и германскими племенами. В пределах Римской империи в IV столетии насчитывалось несколько миллионов германцев. Они занимали различное общественное положение. Римские торговцы поддерживали постоянные сношения с местным населением. Юноши германских племен служили в римской армии и были знакомы с жизнью городов. Такое близкое общение населения с римлянами содействовало проникновению слов из одного языка в другой.

Около пятидесяти слов латинского происхождения, как можно установить с большой степенью вероятности, было заимствовано предками английских племен еще в период их проживания на континенте. Заимствованные слова естественно выражают новые понятия, усвоенные тевтонами благодаря влиянию более высокой цивилизации [43, р. 90—91].

Говоря о причинах заимствования отдельных латинских слов таких, как *street*, *wall*, Файст отмечает, что они выражают новые для древних германцев понятия, поскольку римляне достигли более высокого уровня развития по сравнению с варварскими тевтонскими племенами [57, s. 2].

Наиболее подробные списки ранних заимствований приведены Сарджентсон, Бо и Скитом. Между работами этих авторов имеются значительные расхождения, которые проявляются в том, что одни и те же слова отнесены к различным периодам, выделены разные семантические группы ранних классических заимствований.

Особенно эти различия заметны при рассмотрении слов, относящихся к какой-то определенной области, например, военного дела.

Наряду с сельским хозяйством одним из основных занятий древних германцев, живших в пределах Римской империи, было ведение военных действий. Это нашло свое отражение в таких

словах, заимствованных из латинского языка, как *segn* «знамя», «флаг» < лат. *signum*; *weal* «стена», «вал» < лат. *vallum*; *pyt* «яма» < лат. *puteus*; *straet* «дорога», «улица» < лат. *strata*, *stratum* совр. *street*; *mil* «миля» < лат. *mille passuum* «тысяча шагов» [43, p. 91].

В противоположность Бо, Сарджентсон относит существительное *mile* к группе слов, обозначающих единицы веса и расстояния. Слово *sign* включено в состав заимствований, проникших в древнеанглийские диалекты на территории Британии в 450—650 гг.; *pile* и *wleall* — в группу слов, обозначающих дома и постройки; *pit* — в раздел «растения и сельское хозяйство» [79, p. 272].

Такое расхождение свидетельствует об отсутствии у зарубежных языковедов четких критериев для отнесения заимствованных слов в ту или иную группу по семантическим признакам. Слова *aced* «уксус» < лат. *acetum*; *cest* «сундук» < вульг. лат. *cesta* лат. *cista* и другие отнесены Бо к континентальным заимствованиям, а Сарджентсон — к более поздним заимствованиям из кельтского языка.

Не имея возможности подробно изложить все слова, указанные Сарджентсон, Бо, Скитом и другими языковедами, приведем наиболее важные из них (преимущественно те, которые имеют соответствующие формы в современном английском языке).

Большое количество заимствованных слов связано с торговлей. Древние германцы торговали янтарем, шелком, рабами и, вероятно, сырьем для римских ремесленников, покупали предметы роскоши, домашнего обихода, вино, украшения, продукты питания и проч.

К континентальным заимствованиям из области торговли относятся слова торговой лексики *pund* «фунт» (вес или деньги), совр. *round* < лат. *pondo* «мера веса»; *tolne*, *toll* «пошлина»; совр. *toll* < вульг. лат. *tol* < лат. *telonium* < др. греч. *telonion*; *mangere* «купец», «продавец», ср. совр. *monger* в *fishmonger*, *ironmonger* < лат. *mango* «мелкий, розничный торговец»; *man-gian* «торговать»; *unse*, совр. *inch* «дюйм», *ounce* «унция» < лат. *uncia*.

Большое количество заимствованных слов является названиями всякого рода сосудов или хранилищ, напр. *supre* < вульг. лат. *supra* «чаша» < лат. *supra*; *disc* «тарелка», «блюдо», совр. *dish*, *disk* < лат. *discus* < др. греч. *diskos*; *cytel*, *cetel* «котел», совр. англ. *kettle* < лат. *catellus*; *scrin* «сундук», позже *shrine* «святыня» < лат. *scrinium*.

Из латинского языка заимствованы названия плодовых деревьев, растений и сельскохозяйственных терминов (всего 136 слов): *box*, *box-tree* «самшит» < лат. *buxus* < др. греч. *rixos*;

minte «мята» < лат. *mint*, *minthe*; паер «репа», совр. *turnip* < < лат. *parus*, вероятно, из египетского, возможно, через греческий язык; *rise*, *peose* «горох», совр. *pea* < лат. *pisum* < др. греч. *pisos*; *pin*-(beam) «сосна», совр. *pine* < лат. *pinus*; *piper* «перец», совр. *pepper* < лат. *pipere* < др. греч. *piperi*; *pirie* «груша», совр. *pear-tree* < лат. *pirea*; *plume* «слива», совр. *plum* < лат. *prunum* < др. греч. *proumnon*; *popig*, *rapig* «мак», совр. *poppy* < лат. *paraver*; *gaedic* «редька», совр. *radish* < лат. *radicem* «корень»; *ynne* «огурец», совр. *onion* < лат. *union-em*; *mylen* «мельница» < лат. *mulina*; *plante* «растение», совр. *plant*, глагол *plantian* «садить» < лат. *planta*; *sicol* «серп» < лат. *secula*.

Римское влияние на строительное дело проявляется в таких словах, как *seals* «мел», совр. *chalk* < лат. *calcem*, *calx*; *сорог* «медь» < позднелат. *сиргит*, ранее *aes сиргиум* < др. греч. *киргιον* в честь острова Кипра *Суррос*; *pic* «смола», совр. *pitch* < < лат. *picem*, *pix*; *tigele* «черепица», «кирпич» < лат. *tegula*; *сусене* «кухня», совр. *kitchen* < лат. *сокина*; *cylen* «печь», совр. *kiln* < лат. *culina*; *pile* «кол», «свая» < лат. *pila*.

Отдельные заимствованные слова обозначают предметы домашнего обихода, украшения, различные виды одежды, например: *linen* «белье» (родственно или происходит от лат. *linum* «лен»): *line* «веревка» < лат. *linea*; *gimn* «драгоценный камень»; *purpur*, *purple* «пурпурная одежда» < лат. *purpura* < < др. греч. *porphura*; *belt* «пояс» < лат. *balteus*, возможно, этрусского происхождения; *saesse* «сумка», «мешок» < вульг. лат. *saccium* < лат. *saccus*; *sock* «туфель», «носок», совр. *sock* < < лат. *soccus* < др. греч. *sokchos*; *candel* «свеча», совр. *candle* < < лат. *candela*; *spunge* «губка», совр. *sponge* заимствовано из франц. языка < лат. *spongea* < др. греч. *sphoggia*.

Можно упомянуть также названия животных и птиц, в том числе мифологических, напр. *mul* «мул», совр. *mule* < лат. *mulus*; *draca* «дракон», совр. *dragon* < лат. *draco* < др. греч. *drakon*; *pea*, *рава* «павлин», совр. *peacock* < лат. *pavo* восточного происхождения; *elpend*, *ylpend* «слон», совр. *elephant* < лат. *elephant* < др. греч. *elephant*; *eosel* «осел», совр. *ass* < лат. *asellus* «ослик» *ostre* «устрица», совр. *oyster* < лат. *ostria* < от др. греч. *ostreon*; *turtle* «черепаха» < лат. *turtur*.

Названия продуктов питания: *butore* «масло», совр. *butter* < < лат. *butyrium* < др. греч. *bouturon*; *cese*, *ciese* «сыр», совр. *cheese* < лат. *caseus*.

Сравнивая рассмотренные слова с более поздними заимствованиями, следует отметить их конкретный, обыденный характер. Германские предки не были подвержены большому влиянию римской философии, литературы и искусства. По уровню своего развития они еще не могли воспринять этого влияния и в своей варварской простоте они усвоили названия предметов, имеющих

суто практическое назначение и необходимых в быту. Названия этих предметов несомненно передавались посредством устной речи. Это является характерной чертой самых древних латинских заимствований в противоположность более поздним слоям.

Завоевание Британии римлянами. Господство римлян в Британии. Классические заимствования I периода (из кельтского языка)

В связи с Гальской войной Цезарь предпринял две военные экспедиции в Британию (55—54 до н. э.), которые не привели к длительному ее завоеванию. Британия стала римской провинцией только при императоре Клавдии, который начал планомерную оккупацию страны. Римский полководец Агрикола одержал победу над кельтами под Mons Graupins в Шотландии в 84 г. н. э. [67, р. 3] и распространил римское господство до рек Форс и Клайд. Латинская цивилизация распространилась в основном в укрепленных городах, таких как Manchester, Lancaster, Chester, Winchester, Worchester, Exeter (от caster, chester, cester), которые возникли по всей стране на пересечениях дорог, прокладываемых римлянами.

Одной из наиболее трудных проблем является вопрос о распространении латинского языка в Британии и степени романизации острова. Учеными высказываются по этому вопросу противоречивые взгляды. Английский ученый Guldas (VI век н. э.), считавший себя римским гражданином, говорит, что страна представляла собой римский остров [47, р. 36]. Однако, по мнению большей части ученых, латинский язык был распространен в городах и крупных сельских виллах [75, р. 18], тогда как в сельских местностях население по-прежнему говорило на кельтских диалектах. Латинский язык не вытеснил язык кельтов в Британии, как язык галлов во Франции.

Вероятно, вскоре после вывода римских легионов из Британии латынь перестала употребляться в разговорной речи, и следы такого употребления были утеряны во время тевтонского нашествия. Таким образом, между латинским и древнеанглийским языком в Англии не было непосредственного контакта и латинские слова могли попасть в английский язык лишь через посредство кельтского языка, что обусловило малочисленность этих заимствований. Причины этой малочисленности заключаются в слабом влиянии кельтского языка на английский.

По мнению Бо, с римской оккупацией Британии связано не свыше пяти слов латинского происхождения, за исключением элементов, входящих в состав географических названий [43, р. 93].

Слово *ceaster* < лат. *castra* «лагерь» распространилось в английском языке как название города или обособленной общины.

К числу других латинских заимствований, проникших в английский язык через кельтский, относятся слова: *port* «город», «пристань», «порт» < лат. *portus* «гавань»; *fountain* < лат. *fontana*, *fossa* «ров» < лат. *fossa*; *mont* «гора», совр. *mountain* < лат. *mons*, *montem*; *torr* совр. *tower*, возможно, от лат. *turris*, *vice* «деревня» < лат. *vicus*. Почти все эти слова встречаются также в качестве элементов географических названий.

Классические заимствования в древнеанглийском языке (II период)

Латинский язык оказал значительное влияние на древнеанглийский. Источником заимствований II периода явилась в большей степени классическая, чем вульгарная латынь в связи с распространением на западе произведений классической литературы [79, р. 14]. Введение христианства в Англии в 597 г. сыграло важную роль в политической и культурной жизни страны и имело серьезные лингвистические последствия. Оно содействовало заимствованию латинского алфавита и созданию литературных памятников преимущественно религиозного содержания. Появились новые понятия и представления, а с ними возникли и новые слова. Такая ситуация привела к заимствованиям значительного количества иноязычных элементов из латинского языка.

Действительно, активной и передовой литературой в Англии, как и во всей Европе в то время, была *латинская научная проза*, а не поэмы, созданные на темы древнегерманского героического эпоса, и христианские мифы, получившие широкое распространение в ту эпоху [51, р. 92].

Несмотря на то, что Эльфрик был образованным человеком и владел латинским языком, в его произведениях, являющихся лучшими образцами прозы X столетия, количество слов, заимствованных из латинского языка, невелико. То же наблюдается и в других памятниках этого периода, в которых исконная лексика преобладает над латинской [68, р. 57]. Приток латинских заимствований усилился значительно позднее в результате норманского завоевания Англии и является в большей мере следствием нормано-французского светского, чем римского религиозного влияния [70, р. 57].

Есперсен анализирует причины сравнительной малочисленности классических заимствований в древнеанглийском языке. К ним относится отсутствие живого языкового контакта в связи с тем, что латинский язык был в основном распространен среди ограниченного числа миссионеров и применялся главным образом в письменной речи [64, р. 43]. С этим доводом Есперсена

можно вполне согласиться. Нет ничего удивительного в том, что количество иноязычных элементов в древнеанглийском языке невелико, т. к. для него характерно использование своих внутренних ресурсов, прежде чем он прибегает к заимствованиям в больших размерах. Есперсен упускает еще один фактор — значительная часть заимствований II периода представляла собой слова религиозного содержания, не выражавшие важных понятий для народных масс того периода.

Несмотря на наличие слов религиозного происхождения (*altar, creed, disciple, temple*), среди классических заимствований преобладают бытовая лексика и слова, относящиеся к различным областям — *belt, fox, castle, fan, fiddle, lake, lobster, mallow, mortar, muscle, pool* и др. Это свидетельствует о том, что нельзя сводить латинские заимствования II периода к религиозной лексике, как это делает большинство иноязычных лингвистов, и связывать латино-греческие заимствования исключительно с введением христианства.

Бытовая и научная лексика латино-греческого происхождения в древнеанглийский период исследована слабо по сравнению с религиозной лексикой, которая находится в центре внимания почти всех рассмотренных работ.

Вопрос о соотношении латинских и греческих элементов в классических заимствованиях древнеанглийского периода слабо освещен в работах зарубежных лингвистов, не рассматривающих греческие заимствования отдельно от латинских. Многие слова, проникшие в английский язык из латинского, прежде были заимствованы последним из древнегреческого языка, особенно это характерно для терминов, относящихся к науке и искусству. Прямые заимствования из древнегреческого языка почти полностью отсутствуют в древне- и среднеанглийский период. Из древнегреческого языка еще до введения христианства в Англию заимствованы *church, devil, angel, priest*, однако, можно с уверенностью утверждать, что они проникли в английский язык из латинского и в латинской форме.

К числу слов греческого происхождения, проникших в древнеанглийский язык из латинского, Скит относит слова: *alms, anthem, apostle, archbishop, canon, capon, christ, clerk, comb, deacon, dish, imp, lily, martyr, minster, mint, monk, palm, peace, pepper, phenix, plum, pope, psalm, school, stole, tippet, trout* и др. — всего 38 слов [78, p. 438—439].

От введения христианства до норманского завоевания прошло свыше пяти столетий. Таким образом в течение всего древнеанглийского периода латинские слова постепенно проникали в английский язык.

Бо делит латинские заимствования II периода на две группы, более или менее равные по своей численности, но разные

по характеру. Одна группа представляет слова, фонетическая форма которых свидетельствует о том, что они относятся к ранним заимствованиям. Эти слова прослеживаются уже в текстах эпохи короля Альфреда. Ко второй группе заимствований относятся слова, которые впервые употребляются в текстах X—XI ст. и в большинстве своем принадлежат к религиозной лексике [43, р. 98].

В состав латинских заимствований I-ой группы включены широко употребительные слова *cap* «шапка», *silk* «шелк», *mat* «матрас», «цыновка». Воздействие латинского языка на английскую лексику носило всесторонний и разнообразный характер и охватывало различные стороны жизни и быта англо-саксов. В древнеанглийский язык проникли латинские названия деревьев, растений и трав (часто выращиваемых для медицинских целей и для украшения), напр. *aloewe* «алоэ», совр. *aloes* < лат. *aloe*; *balsam*, *balsam*, *balm* < лат. *balsamum* < др. греч. *balsamon*; *laug*, *lawog* «лавр», совр. *laurel* < лат. *laurus*; *lilie* «лилия», совр. *lily* < лат. *lilium* < др. греч. *leirion*; *palm(a)*, *paelm* «пальма», совр. *palma* < лат. *palma*; *rose* «роза» < лат. *rosa* < др. греч. *rhodon*.

Отдельные слова I-ой группы являются названиями растений, служащими продуктами питания, напр. *caul*, *cal*, *sawel* «капуста», совр. *cole* < лат. *caulis*; *cucumber* «огурец» < лат. *cucumer*; *lactuce* «салат», совр. *lettuce*; *persic* «персик», совр. *peach* < лат. *persicum*.

Следует отметить также группу слов, являющихся названиями животных, с которыми англо-саксы познакомились, читая произведения латинской литературы: *camel* «верблюд» < лат. *camelus*, вульг. лат. *camellus* < др. греч. *kamelos*; *cancer* «краб», «рак» < лат. *cancer*; *fenix* «феникс» < лат. *phoenix* < др. греч. *phoinix*; *leo* «лев», совр. *lion* < лат. *leo* < др. греч. *leōn*; *lorust*, совр. *locust* < лат. *locusta* изменилось под влиянием др. англ. *lorpestre*, совр. *lobster*; *pard*, совр. *leopard* < лат. *pardus* < др. греч. *pardos*, вероятно, персидского происхождения.

Группа слов заимствована из области образования и учебы, науки и литературы: *canon* «правило», «канон» < лат. *canon* < др. греч. *kanon*; *carte* «бумага», «карта» < лат. *charte* < др. греч. *khartes*; *cranic* «хроника», совр. *chronicle* < лат. *chronica* < др. греч. *khronikon*; *fers* «стих», совр. *verse* < лат. *versus*; *grammatik* «грамматика», совр. *grammar* < лат. *grammatika* < др. греч. *grammatikē*; *not* «оценка», совр. *note* < лат. *nota*; *notere* «переписчик», совр. *notary* < лат. *notarius*; *paper* «бумага», совр. *paper* < лат. *papyrus* < др. греч. *papyros*; *philosoph* «философ» < лат. *philosophus* < др. греч. *philosophos*; *pigment* «пигмент» < лат. *pigmentum*; *scol* «школа», совр. *school* < лат. *schola* < др. греч. *skholēs*; *termen* «назначенный срок», совр.

term < лат. terminus; studdian «смотреть за кем-либо», «заботиться» < лат. studere; titol «титул», «надпись» < лат. titulus. Небольшое количество классических заимствований относится к музыке и искусству, напр.: antefn «гимн», совр. anthem < позднелат. antefana; chor «хор», «танец», совр. chorus < лат. chorus; citer, совр. cithern < лат. cithara < др. греч. kithara; fidele «скрипка», совр. fiddle < вульг. лат. vitula; theater «театр», совр. theatre < лат. theatrum < др. греч. theatron; organ «песня».

Из классических языков заимствованы отдельные медицинские термины, напр. plaster «пластырь» < лат. emplastrum < др. греч. emplastron; paralysis «паралич». Несколько слов относятся к строительству и архитектуре, напр.: marman, marmel stan «мрамор», совр. marble < лат. marmor; plaetse, plaese «открытое место в городе», «улица» < лат. platea; tempel «храм», совр. temple < лат. templum; castel «деревня», «маленький город» < лат. castellum.

Из различных областей заимствованы слова consul «консул» < лат. consul; gigant, giant «гигант», совр. giant < др. греч. gigant; talente «талант», совр. talent < лат. talenta; cristalla «кристалл», совр. crystal < лат. crystallum < др. греч. crystallos; part «часть» < лат. partem; сос, сосере «повар», совр. cook < вульг. лат. сосus.

Заимствования, принадлежащие к I-ой группе, являются преимущественно существительными, но среди них имеются также отдельные глаголы, напр., (а) cordian «примирять» < вульг. лат. accordare; acusan «обвинять», совр. accuse < лат. accusare; spendan «тратить», совр. spend < лат. expendere; temprian «закалять» < лат. temperare.

К числу слов 2-ой группы относятся: abbod «аббат», совр. abbot < вульг. лат. abbadem < лат. abbatem; alter, altare «алтарь», совр. altar < лат. altar, altare; apostle «апостол», совр. apostle < лат. apostolus < др. греч. apostolos; cleric «священник», совр. clerk < лат. clericus < др. греч. klerikos; cгuc «крест», совр. cross < лат. cгucem; dēcān «наставник монахов», «декан» < лат. decanus; discipul «ученик», «последователь» < лат. discipulus; idol «идол» < лат. idolum < др. греч. eidolon; martir «мученик», совр. martyr < лат. martyr < др. греч. martur.

Слова этой группы отличаются от более ранних заимствований тем, что они пользовались гораздо меньшей употребительностью в обиходе и выражали более абстрактные понятия.

Зарубежные языковеды не исследуют утраты заимствованными словами (напр. anthem, cell, clerk, creed, disciple, shrine, rule) религиозного значения, приобретение ими общенародной употребительности и не рассматривают случаев переосмысления

и метафорического употребления таких слов, как *angel*, *devil*, *idol*, *prophet* и некоторых других.

Ограничиваясь в большинстве случаев простым перечислением латинских заимствований, зарубежные языковеды уделяют недостаточно внимания вопросу о времени и причинах проникновения этих слов в английский язык, их ассимиляции и дальнейшему развитию, а также их взаимоотношению с исконной лексикой.

Применение исконных слов для выражения новых понятий. Соотношение исконной и заимствованной лексики в древнеанглийском языке

Древнеанглийский язык в целом был беден заимствованными словами и в основном использовал исконную лексику для выражения новых понятий. Чтобы возместить недостаток слов иноязычного происхождения, широко применялись различные методы обогащения словарного состава путем развития многозначности исконной лексики и дальнейшего словообразования. В древнеанглийском, как в современном немецком языке, создавались сложные слова из исконного лексического материала, вместо равнозначных заимствованных слов [71, p. 112].

В работах зарубежных авторов приводятся примеры (в основном на материале религиозной и научной лексики) употребления исконных слов, вместо соответствующих слов латинского происхождения, указанных ниже, например: *heafeader*, дословно *high father* — *patriarch*; *witega*, дословно *wise one* — *prophet*; *haliga* — *saint*; *feond* — *devil*; *treow* или *galga* — *cross*; [43, p. 104—105], *gecythneth* — *testament*; *costnung* — *temptation*; *bocere* — *scribe*; *biddan* — *preach*; *fullian* — *baptise*; *Ʒast* — *spirit* [47, p. 145]. Другими примерами исконных производных и композитов, которые в течение долгого времени употреблялись вместо соответствующих латинских слов и в конце концов были все же частично вытеснены последними, являются: *ut-faereld* — *outjourney*, *mild-heortnisse* (*gentle-heartedness*) — франц. *mercy* < лат. *misericordia*; *daegred* (*dagred*). — *aurora*; *wundor* — *miracle*; *woesse* — *vigils*.

Передача латинских слов с помощью исконных элементов особенно интересна в случае со словом *discipulus* (дословно «маленький ученик», которое переводится как *leorning-cniht*, *leorning-boy*).

Древнеанглийское слово *ymbsellan* «окружать», дословно *give around* возникает вследствие неправильного понимания лат. *circumdo*, которое воспринимается как состоящее из двух частей: *circum* «вокруг» и *do* «давать» [71, p. 112].

Научные и абстрактные понятия в древнеанглийском языке

часто выражаются с помощью исконных слов, напр. *laese-craft* (*leech-craft*) «медицина»; *tungol-oe* (*star-law*) «астрономия»; *efnriht* «равнодействие» (*equinox*); *sunstede* и *sunnihte* «солнцестояние»; *sunfolgend* «гелиотроп»; *tid* (*tide*) и *gemet* (*measure*) в значении «время» и «наклонение» в грамматике; *foresetness* «предлог» и т. д. Подобное количество научных терминов, образованных на основе исконной лексики, среди древних языков германской группы встречается только в исландском [64, р. 43].

Характерно, что для выражения понятия «писать» англо-саксы не заимствовали латинского глагола *scribere* (ср. немецкое *schreiben*), а употребляют исконный глагол *writen* (собственно «вырезать», ср. нем. *schreiben*). Этот факт языковеды пытаются объяснить тем, что в Англии довольно долго сохранялось руническое письмо, и слово, служащее для обозначения надписей на рунах, употреблялось и в тот период, когда для письма стал использоваться пергамент. Лат. *scribe* обладало в древнеанглийском языке специальными значениями, относящимися к деятельности церкви [67, р. 79]. На основе анализа приведенных языковых фактов Бо делает важный вывод: иноязычное влияние определяется не только количеством заимствованных слов, но и характеризуется также тем, в какой мере оно побуждает язык к самостоятельным творческим усилиям и заставляет его использовать свои внутренние ресурсы [43, р. 105].

В ходе дальнейшего развития (в средне- и новоанглийский период) большинство исконных слов, относящихся к религиозной и научной лексике, было вытеснено терминами, заимствованными из латинского и французского языков. В приведенных парах слов первое исконное было вытеснено вторым словом латинского или французского происхождения, например: *halig* (совр. *hallow*), сохранившееся в выражении *All Hallows Day* — *saint* < лат. *sanctus*, *had* — *order*, *hadian* — *consecrate*, *begnung* — *service*, *throwian* — *to suffer*, *throwere* — *martyr*, *throworhad* или *throwung* — *martyrdom*, *ealdor* — *prior*, *hrithe* — *fever* [64, я. 40].

В других случаях исконное слово употреблялось наряду с заимствованным. Так, в произведениях короля Альфреда и в более поздних памятниках *mont* < лат. *mons*, *montis* встречается наряду со словами *dup*, (совр. *down*), *beorg* [69, р. 42].

Лексическая ассимиляция классических заимствований в древнеанглийском языке

Лексическая ассимиляция латинских заимствований в древнеанглийской лексике в X—XI столетиях происходила путем вовлечения их в процессы словообразования, в частности, словосложения, как в современном немецком языке.

Словообразование в древнеанглийском языке охватывало как

исконную, так и заимствованную лексику латинского происхождения.

Образование новых производных от заимствованных слов, в том числе латинского происхождения, с помощью германских аффиксов было одним из способов пополнения словарного состава древнеанглийского языка. Таким образом создан ряд гибридных существительных с помощью суффиксов *-had* (совр. *-hood*), *-dom*, *-ung*, например: *preosthad* (совр. *priesthood*), *clerc-had*, *sacerdhad* «сан священника», *christendom* «христианство».

Приводятся также примеры отыменных глаголов, образованных с помощью суффикса *-ian*: *cristnian* «крестить», *biscopian* «конфирмировать» и прилагательных типа *biscoplic* «епископский», а также примеры гибридных композитов, в состав которых входят латинские компоненты: *biscopsetle* «должность епископа», *biscopscire* «епархия», *profostscire* «должность», звание старшины», *schriftscir* «приход» от *shrift* «исповедь» [64, p. 39—40], *scolmscor* «псалмопевец» < лат. *psalma* «псалом» и англ. *scor* «поэт» [79, p. 14].

Как видно из вышеприведенных примеров, зарубежные языковеды в основном ограничиваются анализом словообразовательной продуктивности латинской религиозной лексики, не исследуя других слоев заимствованных слов.

Ассимиляция большого количества латинских заимствований проявляется в образовании от существительных латинского происхождения прилагательных и наречий путем добавления исконных суффиксов. Например, от слова *regol* образовано прилагательное *regollic* (*regular*) и наречие *regollice*, [68, p. 8].

Бо пишет об ассимиляции в английском языке около 350 латинских заимствований II периода (из общего числа 450 слов) [43, p. 106].

Степень ассимиляции иноязычного слова зависит не только от того, сохранилось ли оно в заимствующем языке, а характеризуется главным образом, в какой степени данное слово было усвоено и перестало отличаться от исконной лексики настолько, что могло входить в состав композитов и образовывать другие слова путем аффиксации и конверсии. Так, например, от латинского существительного *planta*, попавшего в английский язык, образуется глагол *plantian* путем добавления окончания инфинитива (ср. также *gemartyrian* (лат. *martyr*), *fersian* «сочинять стихи», *glesan* «толковать», «комментировать», *crispan* «завивать»).

Слово *church*, относящееся к числу ранних заимствований, входит в состав более 40 композитов и производных еще в древнеанглийский период.

Проблема лексической ассимиляции ранних латинских заимствований детально не разработана в зарубежном языкознании.

Классические заимствования в среднеанглийский период

В отличие от французских заимствований латинские слова были менее распространенными и поступали в основном через письменную речь. Большая часть из них заимствовалась из латинской классической литературы, особенно из произведений Цицерона и Вергилия, которые пользовались большой популярностью в средневековой Европе.

Проникновению латинских слов в английский язык благоприятствовало то обстоятельство, что в средневековой Англии латинский язык чрезвычайно широко употреблялся в официальных документах и в литературе. На нем были написаны не только теологические произведения, но также хроники и библиографии (*Opus Majus* Роджера Бэкона, *Historia Anglorum* Генри Гантингтона и др.). Была создана также более популярная литература на латинском языке, например: *De Nugis Curialium*, *Goliardic Verses*.

Воззвания и декреты издавались на латинском языке. Воззвание английского короля к народу в 1258 г. было написано на английском, латинском и французском языках. Частная переписка также нередко велась на латинском языке, особенно до 1300 г.

Значительную роль в распространении латинского языка среди населения играло низшее духовенство, так как все религиозные обряды совершались на латинском языке.

Нет необходимости давать классификацию латинских заимствований в среднеанглийский период. Некоторое представление об их широте и характере можно получить на основании выборного списка латино-греческих заимствований этого периода, составленного Бо в алфавитном порядке. В него включены следующие слова: *abject, adjacent, allegory, conspiracy, contempt, custody, distract, frustrate, genius, gesture, history, homicide, immune, incarnate, include, incredible, incubus, incumbent, index, individual, infancy, inferior, infinite, innate, innumerable, intellect, interrupt, jumper, lapidary, legal, limbo, lucrative, lunatic, magnify, malefactor, mechanical, minor, missal, moderate, necessary, nervous, notary, ornate, picture, polite, popular, prevent, private, project, prosecute, prosody, pulpit, promote, quiet, rational, reject, remit, reprehend, rosary, script, scripture, scrutiny, secular, solar, solitary, spacious, stupour, subdivide, sugjugate, submit, subordinate, subscribe, substitute, summary, superabundance, supplicate, suppress, temperate, temporal, testify, testimony, tincture, tract, tributary, ulcer, zephyr* [43, p. 223].

Как видно из этого списка, в нем имеются термины, относящиеся к юриспруденции, медицине, теологии, науке и литературе. Некоторые из приведенных слов имеют терминологический

характер. Однако большая их часть приобрела широкое распространение в письменной и устной речи.

Как и при рассмотрении более ранних латинских заимствований, Бо не дает исчерпывающего анализа путей развития латинских слов в английском языке, их ассимиляции в нем, не выделяет слов греческого происхождения от непосредственных заимствований из латинского языка.

По степени важности и общенародной употребительности выражаемых ими понятий большинство приведенных слов уступает ранним латинским заимствованиям.

Английский язык обогатился многими словами, которые первоначально относились к философской лексике, а затем приобрели более широкое распространение. Схоластическая философия в такой степени овладела умами образованных людей в XIII и XIV столетиях, что некоторые из терминов проникли в общенародный язык, напр., *quality* < лат. *qualis* «какого сорта», *quantity* < лат. *quantum* «сколько», *quiddity* < лат. *quid* «что» [59, p. 17].

Широкое распространение таких слов, как *philosopher*, *predestination*, *necessity* свидетельствует о том, что философские диспуты этой эпохи приобрели известность вне монастырских или университетских стен [61, p. 43].

Многие слова из области астрологии, распространенной в средневековье в связи с низким уровнем научного развития, подверглись переосмыслению и вошли в состав общенародной лексики, напр. *disaster*, дословно «плохая звезда» < лат. *dis* «прочь» «противный» < др. греч. *astrum* «звезда»; *aspect* «вид» < *aspectus of the heavens* «взаимное расположение планет»; *influence* (< лат. *in* «в», *fluo* «течь») «влияние»; *predominance*, *predominant* < лат. *predominare* «господствовать» [59, p. 17].

В отношении человека употреблялись эпитеты *jovial*, *mercurial* и *saturnine*, происходящие от названий планет. В настоящее время их первоначальные значения, относящиеся к движению и положению небесных тел, уже забыты [61, p. 44].

Гринаф и Китридж приводят отдельные идиоматические выражения, связанные с астрономией (напр., *his star is in the ascendant*, *born under a lucky star* и др.) [59, p. 17].

Из средневековой медицины заимствованы широко употребительные в настоящее время слова. Древняя медицина считала, что в состав человеческого тела входят 4 жидкие вещества — *humours* < лат. *hūmor* «влага», «жидкость»: кровь, флегма, желчь и черная желчь (последней в действительности не существует). Считалось, что состояние здоровья зависит от сохранения правильной пропорции между ними, которое было известно, как *temperament* или *complexion* < лат. *com* «вместе», *placo* «ткать». Если у человека было больше крови, чем другой жид-

кости, он обладал сангвиническим темпераментом — *sanguinary temperament* < лат. *sanguis* «кровь»; если преобладала флегма или желчь, говорили о флегматичном или меланхолическом темпераменте [59, p. 14].

Кроме перечисленных слов, среднеанглийский язык заимствовал ряд других терминов из области науки и искусства. В XIII—XIV столетиях получили распространение названия семи наук: *grammar, logic, rethoric, arithmetic, geometry, music, astronomy*, а также слова *melody, tragedy, comedy, history*.

Значительная часть латинской лексики имеет слабые корни в языковом сознании народных масс.

Многие из них являются принадлежностью поэтической лексики (так называемые *aureate terms*) и почти полностью отсутствуют в обиходной речи.

Однако отдельные слова, относившиеся вначале к числу *aureate terms*, утратили свою необычность и новизну, приобретя всеобщее распространение (напр., слова *laureate, mediation, oriental* в поэзии Чосера). В целом, так называемые *aureate terms* играют незначительную роль в потоке латинских слов, заимствованных английским языком в средние века.

По мере того, как английский язык становился средством выражения абстрактных понятий, он все чаще прибегал к латинским заимствованиям даже в тех случаях, когда в древнеанглийском языке существовали соответствующие слова. В XIV ст. *theaw* заменено латинским синонимом *moal*. В конце этого столетия *moal* употреблялось только как существительное. Вместо древнеанглийского *foreseonnes*, Виклифф использует слово *providence*. В этом же столетии появляется ряд латинских абстрактных слов: *apprehension, attribute* «свойство», *essence* «сущность», *matter* «материя», «вещество», «тело».

Классические заимствования эпохи Возрождения

На смену средним векам пришла эпоха Возрождения, которая характеризуется быстрым развитием науки и техники, небывалым расцветом литературы и искусства, изобретением книгопечатания, великими географическими открытиями, успехами материалистической философии в борьбе против церковных догматов и освобождением людей из плена религиозного мракобесия и засилья церкви.

В этот период английский язык заимствовал особенно много слов из классических языков. Ренессанс из Италии и Франции стал распространяться в Англии еще в XIV ст., и с той поры классические заимствования вливались в английский язык непрерывным потоком вплоть до настоящего времени, причем количество вводимых слов было особенно значительным в XIV—XV и XIX столетиях [64, p. 105].

Количество заимствованных слов латинского и древнегреческого происхождения в эпоху Возрождения и в последующий период настолько велико, что по подсчетам некоторых ученых почти $\frac{1}{4}$ часть всей латинской лексики проникла в словарный состав английского языка [42, р. 54].

Заимствования из латинского языка в этот период настолько велики, что не представляется возможным точно подсчитать их количество [67, р. 83].

Одна из причин широкого распространения латинских заимствований в эпоху Возрождения заключается в том, что естественная сила противодействия языка восприятию заимствованных элементов была преодолена еще раньше путем массового внедрения французских слов. Обширные заимствования из французского языка проложили путь латинской лексике, с которой они имели большое сходство, и привили англичанам склонность к дальнейшему обогащению словарного состава путем включения в него иноязычных элементов.

Другой причиной многочисленности классических заимствований было широкое распространение латинского языка в Англии и других европейских странах [59, р. 196].

Знание латинского и древнегреческого языков давало возможность ознакомиться с произведениями античной литературы и памятниками античной цивилизации, интерес к которым в XVI—XVII вв. был чрезвычайно велик. Латинский язык употреблялся повсеместно среди образованных людей того времени.

В связи с большими достижениями научной мысли и расцветом литературы и искусства возникали новые понятия, для выражения которых использовалась лексика, заимствованная из латинского и древнегреческого языков.

Часть слов теряла свой терминологический характер и переходила в общенародную речь. К числу прямых латинских заимствований, получивших широкое распространение в английском языке, Гринаф и Киттридж относят слова: *superior*, *minimum*, *vim* (это слово настолько популярно, что относится почти к слэнгу), *bonus*, *stimulus*, *animal*, *folio*, *item*, *nostrum*, *recipe*, *veto*, *vaccuum*, *inertia*, *innuendo*, *dictum*, *alibi*, *errata*, *interi*, *memorandum*, *affidavit*, *via* [59, р. 157].

Приведенные слова характерны разнообразием форм. Многие из них представляют собой существительные, заимствованные в различных родах, падежах и числах, глаголы в разных временах и наклонениях, причастия, герундий (напр. *recipe* является формой повелительного наклонения глагола, предписывающего аптекарю взять определенные лекарственные препараты и смешать их; это слово употреблялось врачом в начале рецепта, а затем стало обозначать название самого рецепта); *innuendo* представляет собой форму герундия от *innuo* «предполагать»

[59, p. 158] и употребляется как причастие настоящего времени в значении «предполагающий», «означающий». Это слово перешло из языка юридической терминологии в общенародную речь.

Folio представляет собой дательный падеж от folium и буквально означает «на таком то листе в документе», а в английском языке употребляется при ссылке на определенную страницу.

По мнению Гринаф и Киттриджа, заимствование латинских слов в различных формах означает, что многие из них появились в языке не вследствие сознательного заимствования научного или литературного характера, а как результат произвольного лингвистического процесса, т. е. попали в английский язык через устную речь [59, p. 158].

Однако, эта точка зрения не находит поддержки среди остальных языковедов, которые справедливо считают, что классические заимствования были в основном взяты из произведений римской и древнегреческой литературы и философии. [64, p. 105]. Едва ли можно говорить о широком распространении в XVI—XVII вв. латинского языка как средства устного общения, хотя он мог употребляться отдельными лицами для этой цели.

В число заимствований этого периода входят существительные, прилагательные, глаголы латинского и древнегреческого происхождения. Среди существительных, выбранных произвольно, мы находим такие слова, как *anachronism*, *allurement*, *allusion*, *autograph*, *atmosphere*, *capsule*, *denunciation*, *dexterity*, *disability*, *disrespect*, *emanation*, *excrescence*, *excursion*, *expectation*, *halo*, *inclemency*, *jurisprudence*.

К заимствованным прилагательным относятся *abject*, *agile*, *appropriate*, *conspicuous*, *dexterous*, *expensive*, *external*, *habitual*, *hereditary*, *impersonal*, *insane*, *jocular*, *malignant* и др. Некоторые прилагательные мало употребляются в обиходной речи.

Особенно характерно для данного периода заимствование значительного числа глаголов: *adapt*, *alienate*, *assassinate*, *benefit*, *consolidate*, *disregard*, *emancipate*, *eradicate*, *erupt*, *excavate*, *exert*, *exist*, *extinguish*, *harass*, *meditate* [43, p. 268].

Пути введения классических заимствований

Большинство заимствований этого периода — латинского происхождения, но некоторые из них были прежде заимствованы латинским языком из греческого. Примерами таких слов являются *anachronism*, *antipathy*, *antithesis*, *atmosphere*, *autograph*, *chaos*, *caustic*, *chronology*, *climax*, *crisis*, *critic*, *dogma*, *enthusiasm*, *epitome*, *parasite*, *parenthesis*, *pathetic*, *pneumonia*, *scheme*, *skeleton*, *system*, *tactics*.

Слова греческого происхождения до недавнего времени попадали в английскую лексику из латинского и французского языков или подвергались латинизации (принимая латинскую орфографию и окончания) до их заимствования английским языком, поэтому Есперсен считает нецелесообразным рассматривать отдельно латинские и греческие заимствования.

Латинские заимствования эпохи Возрождения делятся на прямые (взятые непосредственно из латинского языка) и на косвенные (проникшие через французский язык).

Не всегда можно определить, заимствовано ли слово непосредственно из латинского языка или оно проникло из французской в английскую лексику, так как соответствующая английская форма была бы одинаковой в обоих случаях.

Это особенно относится к тем словам, которые представляют собой более поздние заимствования из литературной латыни — *mots avants* «ученые слова», как называет их Брашэ (Brachet) в противоположность *mots populaires*. Примерами таких слов являются: *grave, gravity, consolation, solid, infidel, infernal, position* [64, p. 106].

Во многих случаях не удастся точно установить, из какого языка заимствовано непосредственно то или иное слово.

Глаголы *consist* и *explore* соответствуют латинским *consistere* и *explorare* или французским *consister, explorer*. *Conformation, conflagration* и много других существительных представляют либо лат. *conformation-em, conflagration* либо франц. *conformation, conflagration*. Точно также обстоит дело со словами *fidelity, ingenuity, proclivity*.

Прилагательные *affable, audible, jovial, modest, sublime, consequent* могут происходить как от французских, так и от латинских форм.

Установление непосредственного источника заимствования отдельных слов не имеет принципиального значения, так как в конечном счете, все эти слова латинского происхождения.

Начиная с XIV ст. усиливается приток слов, заимствованных непосредственно из латинского языка. Ряд слов можно с полной уверенностью отнести к прямым латинским заимствованиям, напр., *fact* < лат. *factum*, а не < франц. *fait*, которое было заимствовано английским языком в форме *feat*.

Заимствования греческого происхождения в английском языке

Греко-латинские элементы имеются в любом хронологическом слове латинских заимствований в английском языке, например: *idea* < греч. *idea* «образ», «представление»; *epic* < лат. *epicus* «эпический» < греч. *epikos* от *epos* «речь»; *lyre* < лат. *lyra* < греч. *lyra* «лютня», «лира»; *scene* < лат. *scena* <

< греч. skene «подмости», «навес»; zephyr < лат. zephyrus «западный ветер» < греч. zephyros «западный ветер» от zophos «запад» и т. д. [5, стр. 113].

Большое количество терминов греческого происхождения относится к различным областям науки (напр., в ботанике — botany, protoplasm, spora, petal, cryptogram, chlorophyl, parasite, heliotropism). Небольшая часть ранних заимствований древнегреческого происхождения получила распространение в общенародной речи из средневековой латыни и других источников (напр., fancy, idea, ecstasy, pathos, sympathy [31, p. 27]).

Многие грецизмы, приобретая широкое употребление в английском языке, под действием народной этимологии подверглись фонетическим преобразованиям (напр., греч. karyophyllon «левкой» превратилось в gillyflower; греч. hydropsis «водянка» стало dropsy; греч. paralysis—palsy; греч. athanasia букв. «бессмертие» — tansy «дикая рябина»). В эпоху Возрождения значительный интерес ученых к античной литературе, философии, а также изучение греческого языка в Англии благоприятствовали усилению притока прямых заимствований древнегреческого происхождения, минуя посредничество латинского или греческого языков. Эти заимствования представляли собой научные книжные слова, сохранявшие свое греческое написание. К их числу относятся акме (греч. акме «точка», «острие»), apotheosis (греч. a-potheosis «апофеоз»), enthusiasm (греч. enthusiasmos «божественное вдохновение»), apathy (греч. a-pathos «бесчувственность»), athlete (греч. athletes «борец»), atlas (греч. Atlas, имя мифологического титана, на плечах которого якобы покоится земля), emphasis (греч. emphasis «показ»), catastrophe (греч. katastrophe «переворот»), lexicon (греч. lexis «слово», legein «говорить»), myth (греч. mythos «миф», «сказание») и ряд других [5, стр. 137—138].

Слова, заимствованные из древнегреческого языка, почти всегда имеют международный характер, напр. epoch «эпоха», anarchy «анархия», aristocracy «аристократия», democracy «демократия» и т. д. [25 стр. 281—282].

Приток значительного количества грецизмов начался лишь в эпоху Возрождения. Среди многочисленных греческих заимствований в английской лексике мы находим следующие слова: analysis, botany, comedy, chorus, democrat, democracy, dialog, epilogue, episode, epos, elegy, gymnastics, ode, physics, philology, problem, scheme, rhythm, scene и т. д.

Многие собственные имена древнегреческого происхождения распространены в ряде европейских языков — George, Eugene, Helene, Sophie, Peter, Nicholas, Theodor и др.

Много слов, относящихся к риторике и грамматике, заимствованы из древнегреческого языка. Знак препинания comma

происходит от греческого слова *κομμα* и означало «отрезанный кусок», а затем «знак, отделяющий предложение». Слово *period* появилось в XVI ст. и означало момент завершения действия, затем предложение или паузу, следующую за ним [35, р. 25]. Ряд слов древнегреческого происхождения относится к области лексикологии (*synonym*, *homonym*, *metaphor* и др.) [31, р. 27].

Подробный анализ грецизмов, их места в словарном составе английского языка, исторических условий, непосредственных лингвистических источников и путей проникновения в каждый из периодов развития английского языка дан в кандидатской диссертации О. Б. Шахрай «Греческий элемент в лексике английского языка. Очерк истории слов греческого происхождения и их оформления в английском языке» (Изд-во Ленинградского университета, 1963). В работе приводится перечень слов греческого происхождения, заимствованных в тот или иной период, с указанием сферы их употребления. Как указывает О. Б. Шахрай, заимствование слов греческого происхождения началось еще в древнеанглийский период, усилилось в средний, но подавляющее большинство грецизмов вошло в английский язык в новый период. Последний самый мощный хронологический пласт грецизмов подразделяется на три хронологических слоя, возникновение которых относится к XVI в. — первой половине XVII в., второй половине XVII в. — XVIII в. и XIX—XX вв. Наибольшее количество подлинных грецизмов заимствовано во второй половине XVI и первой половине XVII вв. К этому же времени относится начало в английском языке псевдогреческого словообразования по греческим образцам или по образцу заимствованных раньше грецизмов с использованием основ и аффиксов греческого происхождения. Удельный вес псевдогреческих новообразований возрастает в течение последующих столетий. В XX в. заимствование различных грецизмов фактически прекращается, но продолжается образование научных и технических терминов, представляющих собой псевдогреческие образования и созданных либо непосредственно из греческих основ, либо заимствованных из других языков.

По характеру употребления слова греческого происхождения представляют собой книжную, главным образом научно-терминологическую лексику, которая распределяется между тремя частями речи: именем существительным, именем прилагательным и глаголом [38, стр. 6—7].

Лексическая ассимиляция классических заимствований

Почти половина всех слов классического происхождения (из общего числа около 10000) была ассимилирована английским языком и приобрела в нем широкое распространение. Многие из новых слов вначале несомненно носили терминологический

характер, однако, вскоре перешли в общенародный язык, что подтверждается их неоднократным употреблением в произведениях Шекспира и других писателей его эпохи.

Эти слова настолько употребительны в настоящее время, что отнесение их учеными и писателями елизаветинской эпохи в разряд странных и малопонятных представляется совершенно неоправданным с точки зрения современного языка, напр. *firmitas, vapour, grace, dedicate, consecrate, pollute, reconcile, sanctify, defile, accident, attractive, infusion, local, restauration, maturity, industry, modesty, temperance, sobriety, audacious, egragious, facundity, function, method, idiom, impression, numerous, spurious, conscious, obscure, temperature, magnanimity* [67, s. 28].

Поток латинских заимствований в эпоху Возрождения был настолько сильным, что многие из них не были усвоены народными массами.

Английский язык заимствовал целые словосочетания из латинского языка, которые по мнению Гринаф и Киттриджа, ассимилированы в такой степени, что их иноязычное происхождение не ощущается. Так, *subroena* «вызов в суд» в латинском языке представляет собой терминологическое словосочетание в значении «находящийся под наказанием». Выражение *pop plus* англ. «ставить к.-л. в тупик» взято из схоластических диспутов — человек был *pop plus*, когда ему нечего было сказать. Иногда такие слова и словосочетания переводятся на английский язык, но зачастую перевод звучит более искусственно и является менее употребительным, чем они сами: ср. *ex cathedra* и его перевод *from the chair, in articulo mortis* и его неудачное копирование *in the article of death*. Слово *article* не имеет значения, соответствующего данному обороту, а все выражение понимается по аналогии с латинским оригиналом [59, p. 57]. Ср. также *post mortem, a m. — ante meridium, p. m. — post meridium* и др.

Утверждение Гринаф и Киттриджа об ассимиляции таких словосочетаний является, по меньшей мере, спорным. Приведенные ими примеры слабо распространены в общенародной лексике, носят терминологический характер, при написании в литературных произведениях часто выделяются жирным шрифтом, от них почти не образовано производных — все это свидетельствует об их неполной ассимиляции в английском языке.

Иногда одно и то же слово заимствуется повторно английским языком. Так, латинские слова *discus* и *episcopus* проникли в древнеанглийский язык и употребляются в нем в форме *dish* и *bishop*, а впоследствии были вновь заимствованы, образуя *disk* и *episcopal*.

Слово, заимствованное вторично, часто употребляется в совершенно новом значении. Рассмотрение повторных заимствований в новых значениях не менее важно, чем анализ новых слов.

Повторное заимствование слова в новом значении, не связанном с его остальными значениями, приводит по существу к созданию нового слова. Слово *fastidious* появляется в 1440 г. в значениях «гордый», «гневный». Но для языковедов более важен тот факт, что в следующем столетии в произведениях Моора и Элиота оно обозначает понятие «плохой», «отвратительный», откуда возникло современное значение «прихотливый», «брезгливый», благодаря частому употреблению слова с оттенком «ощущающий отвращение».

Чосер употребляет слова *artificial*, *declination*, *hemisphere* в астрономическом значении, но их современные значения появились в XVI столетии.

Бо несомненно прав, говоря, что повторное заимствование слова в новом значении, которое является или было продуктивным при образовании новых значений (подчеркнуто нами, — В. С.), представляет собой больший интерес, чем первое заимствование данного слова в старом значении [43, p. 270].

Бо не уточняет, что он понимает под продуктивностью значения слова, и в дальнейшем не развивает этой интересной мысли. Он не рассматривает развитие многозначности заимствований как один из способов пополнения словарного состава. Указывая, что заимствуется не только новая форма, но и новое значение слова, Бо тем самым признает, что на развитие семантики повторных заимствований влияет развитие многозначности в языке-источнике, но подробно этого вопроса не исследует. Бо не рассматривает семантического развития заимствованного слова с точки зрения его лексической ассимиляции.

Белозерова Е. Н. исследует развитие словообразовательной продуктивности прилагательных с суффиксом *ate*, явления аффиксального и безсуффиксального словообразования, особо выделяя случаи образования существительных и глаголов путем конверсии, которые наблюдаются начиная с XVI в., напр. *elaborate* — *to elaborate*, *articulate* — *to articulate*, *intimate* — *an intimate*).

Образование существительных на *ate* не является результатом латинского влияния, а происходит по законам развития английской лексики. В статье рассматривается образование производных от прилагательных с суффиксом *ate* путем сочетания с аффиксами германского и романского происхождения (напр., *intricate* — *intricateness*, *complicate* — *complicateness*, *intimate* — *intimately*, *elaborate* — *elaborately*, *unconsiderate* — *unaccomodate*).

Е. Н. Белозерова исследует синонимы этих производных с германскими и романскими суффиксами, вытеснение первых последними (ср. *intimateness* — *intimacy*, *reprobateness* — *reprobacy*) [13, стр. 228].

На основании данных словообразования Белозерова Е. Н. утверждает, что процесс ассимиляции рассмотренных прилагательных закончился к началу XVII в. Одним из признаков полной ассимилированности данных прилагательных может служить образование от них омонимичных существительных в результате эллиптического употребления атрибутивных групп, например, the illiterate «неграмотный», the illiterate person.

Е. Н. Белозерова рассматривает семантическое развитие прилагательных с суффиксом *ate* с точки зрения их лексической ассимиляции в английском языке. Употребляясь в речи, заимствованные слова вступают в определенные связи с другими словами лексической системы — синонимами, словами той же лексической группы или однокоренными словами. Такое взаимодействие заимствованных слов в системе языка Е. Н. Белозерова называет их лексической ассимиляцией. В результате такого взаимодействия с другими словами заимствованные слова могут приобрести новые значения [13, стр. 201].

Ограничиваясь особенностями семантического развития заимствований и их отношениями со словами исконной лексики, Белозерова Е. Н. несколько суживает понятие лексической ассимиляции заимствований. Из ее статьи неясно, следует ли рассматривать развитие словообразовательной продуктивности как один из признаков лексической ассимиляции заимствований или автор выделяет особый вид ассимиляции — словообразовательный.

По мнению Е. Н. Белозеровой, развитие значения некоторых прилагательных в английском языке, происходящее по иным логическим путям, чем во французском языке (напр. *immediate*— «срочный», «интуитивный»), указывает на то, что слово уже полностью ассимилировалось и живет своей собственной жизнью в зависимости от окружающих условий, от видов употребления в речи, взаимодействия с синонимами [13, стр. 233].

Слово претерпевает фонетические и морфологические изменения тотчас же по его заимствованию в другой язык. Словообразовательную способность заимствованное слово приобретает после окончания этих процессов; как правило, лексическое развитие заимствованных слов завершает процесс их ассимиляции.

Таким образом, на основании изучения ассимиляции группы прилагательных с суффиксом *ate* Е. Н. Белозерова делает ряд общих выводов о процессе ассимиляции заимствований, хотя некоторые из них нуждаются в уточнении и дальнейшем развитии. Несомненно правильным является вывод автора о том, что ассимиляция представляет собой комплексный процесс, охватывающий все стороны существования и развития слова в языке. В результате этого процесса преобразуется фонетическая, грамматическая и лексическая сторона слова. В связи с этим только совокупность всех сторон — грамматической, фонетической и

лексической — может служить достаточным критерием полной ассимиляции заимствованного слова.

Проблемы ассимиляции заимствованных слов касается также О. Б. Шахрай в работе «К проблеме классификации заимствованной лексики» («Вопросы языкознания», 1961, № 2), которая устанавливает, что на ассимиляцию заимствованных слов классического происхождения влияют такие факторы, как сфера и частота употребления этих слов (функциональный статус) и соответствие или несоответствие их формальных (грамматических, фонетических, орфографических) признаков обычным для заимствовавшего языка типам оформления слов (формальный статус). Одним из факторов, обуславливающих соответствие или несоответствие грамматической, фонетической и орфографической характеристики слов иноязычного происхождения характерным и продуктивным типам оформления исконных слов заимствовавшего языка, является степень интенсивности ассимилирующего воздействия этого языка, в значительной мере зависящая от характера (сферы и частоты) употребления слова.

Таким образом, О. Б. Шахрай считает, что функциональный статус заимствованного слова играет ведущую роль и в значительной мере определяет особенности фоно-морфологического усвоения слов.

Функциональные и формальные критерии не всегда совместимы, так как соответствие между усвоением слова в функциональном и формальном планах отнюдь не обязательно.

Так, например, некоторые слова греко-латинского происхождения, войдя в довольно широкий речевой обиход, сохраняют все же конечный элемент, отражающий иноязычное грамматическое окончание (напр., *chorūs*, *museum*, *skeleton*), тогда как многие латинизмы и грецизмы, имеющие узкую специальную сферу употребления, не сохраняют иноязычных окончаний, т. е. полностью освоены в морфологическом отношении (напр., *allotory*, *aorist*, *integument*, *rotund* [38, стр. 54]. Приведенные О. Б. Шахрай выводы охватывают весьма ограниченное количество слов.

Хотя в виде исключения бывают случаи сохранения словом, приобретшим широкую употребительность, своего иноязычного внешнего облика, в общем для английского языка характерна другая тенденция — устранять формальные различия заимствований, вошедших в общенародное употребление.

Важно учитывать различные планы и аспекты освоения слова. На основании вышеизложенного О. Б. Шахрай делает вывод: в случае неравномерного освоения следует определять слово не как освоенное или неосвоенное вообще, но как освоенное (недоосвоенное) в том или ином плане (функциональном, формальном), в том или ином аспекте формальной характеристики (мор-

фологическом, фонетическом, орфографическом); в некоторых случаях целесообразно выделять морфологический и акцентологический аспекты формального освоения слов, а также аспект буквенно-звуковых соотношений. Отдельного рассмотрения требуют словообразовательный и семантический планы освоения лексики иноязычного происхождения [38, стр. 56]. Требование О. Б. Шахрай дифференцированного подхода к разным аспектам усвоения иноязычных слов является вполне обоснованным, но оно не снимает вопроса о тесной взаимосвязи разных видов ассимиляции, о необходимости выработки четких критериев определения степени лексического усвоения слова.

Оценка влияния классических языков на английский язык эпохи Возрождения

Оценивая латино-греческие заимствования, Есперсен отмечает их отдельные отрицательные черты.

Благодаря редукции неударных гласных отдельные слова латинского происхождения произносятся одинаково, напр. *emit* и *imit*, *emmerge* и *immerge*, хотя в латинском языке это совершенно разные слова (ср. *emitto* и *imitto*, *emergeo* и *immergo*). Еще бо́льшая двойственность возникает при употреблении *in*, который иногда выступает в роли отрицательного префикса, а иногда в роли предлога. Так, слово *infusible* имеет следующие значения: 1) то, что можно налить, 2) то, что нельзя плавить, налить.

Importable, которое в настоящее время употребляется как производное от *to import* в значении «то, что может быть импортировано, ввезено», раньше имело значение «невыносимый». *Improvable* означало «неспособный к улучшению», хотя в настоящее время у него сохранилось значение «способный к улучшению». Самый большой недостаток многих слов, заимствованных из классических языков, — их чрезвычайно узкая сфера распространения, их недемократический характер, что является естественным результатом их трудности. Многие из этих слов не употребляются в обиходной речи и понятны только тем, кто имеет классическое образование. Иногда эти слова по-разному толкуются даже образованными людьми, что приводит к неправильному пониманию целого высказывания. Так, слово *gestic* у Голдсмита в выражении *skilled in gestic lore* (Traveller, 253) во многих словарях толкуется как «легендарный», «исторический» (< ст. франц. *geste* «история», «рассказ»), но контекст убедительно показывает его значение «относящийся к телесным движениям», особенно к танцам — срав. лат. *gestus* «жест». Между такими словами и общенародной лексикой почти отсутствуют ассоциации в связи с их несходством с исконными и иноязычными, ассимилированными в английском языке [64, р. 130—132].

Заемствования эпохи Возрождения часто носят случайный, неустойчивый характер. Новые слова свободно вводились в язык по прихоти и рассуждению отдельных лиц. Во времена Шекспира никто не мог сказать, следует ли говорить *effectual*, *effectuious*, *effectful*, *effectuating* или *effective*. Два этих слова сохранились вплоть до настоящего времени [43, p. 272].

Давая общую оценку классическим заимствованиям, Грум признает, что вследствие проникновения в английский язык многочисленных иноязычных элементов в эпоху Возрождения английский язык обогатился лексикой, выражающей отвлеченные идеи и широко употребительной в области критики, истории, философии и т. д.

В то же время он утверждает, что проникновение большого количества заимствованных слов в этот период угрожало нарушить непрерывность традиций английской прозы. Приток латинских заимствований ослабил чистоту английской речи и создал традицию прибегать к иноязычным заимствованиям, которая с тех пор неоднократно возрождалась [61, p. 158].

Однако еще норманское завоевание Англии положило начало широкому проникновению иноязычной лексики в английский язык, и вряд ли можно согласиться с утверждением Грума о чистоте английской лексики, поскольку еще в XIV в. романские элементы составляли значительную ее часть.

Не отрицая факта некоторого засорения английской лексики словами, заимствованными из классических языков, мы считаем, что английский язык в целом не пострадал от большого притока иноязычных элементов, наоборот, есть все основания говорить о несомненном обогащении его словарного состава. Это стало возможным прежде всего благодаря тому, что он усвоил иноязычные элементы, впитав в себя все ценное и нужное, отбросив в ходе дальнейшего развития все наносное, случайное.

Классические заимствования в современном английском языке

Бурное развитие науки и техники сопровождалось появлением десятков тысяч слов, выражающих новые понятия. В связи с широким распространением научных знаний многие из этих терминов перестали быть достоянием узкого круга специалистов и приобрели всеобщее употребление. Значительная часть научной технической терминологии в современном английском языке создана из латинских и особенно из греческих корней.

Слова латинского и греческого происхождения широко распространены во всех отраслях науки, они составляют часть технической терминологии; многие из них отличаются широкой употребительностью в общенародной речи. Так, в области меди-

цины известностью пользуются слова латинского и греческого происхождения, являющиеся названиями болезней: acidosis, anaemia, appendicitis, arteriosclerosis, bronchitis, и др. Распространены также названия новых отраслей медицины, преимущественно древнегреческого происхождения, и другие медицинские термины: pediatry, onkology, psychiatry, названия лекарств: aspirin, iodine, insulin, morphine, strychnine, antibiotics — penycillin, streptomycin и др. Все эти слова появились в XIX и XX веках.

В области физики употребляются такие слова классического происхождения, как magnetron, thyatron, dynatron, kenotron, phanotron, atom, calorie, cyclofasetron, innidatron, the quantum theory, energy, relativity (некоторые из этих терминов греческого происхождения, так называемые Schenectady Greek, появились совсем недавно в результате научных исследований в области физики).

В области химии преобладают термины, образованные от классических корней — acid, alkali, cyanide, creosote, formaldehyde, nitroglycerine, valency и др.

В области техники широко используются термины классического происхождения: absorber, radiator, transmission, engine, airplane, airdrome, monoplane, biplane, hydroplane, condenser, frequency, transformer, inductance, impedance, superheterodyn, kylocycle, selectivity, aerial, antenna, modulator [43, p. 360—363].

Radius в латинском языке означало «спица», т. е. «что-то исходящее из центра». Вэллинс отмечает, что radio не стало популярным в Англии и вместо него чаще употребляется исконное слово wireless [85, p. 22]. Однако, по нашим наблюдениям, слово radio за последние двадцать лет приобрело исключительную употребительность, оттеснив wireless на задний план.

Многие из этих слов приобрели специальные терминологические значения, которые являются более обычными, чем их общие значения.

Первоначально сугубо терминологические слова и выражения, такие как: ozone, natural selection, stratosphere приобрели широкое распространение благодаря их частому употреблению в популярно-научной и периодической литературе и вследствие известности выражаемых ими понятий.

Латинские и греческие слова широко используются для обозначения понятий, служащих названиями политических и философских направлений, названий социально-экономических формаций, течений в искусстве: communism, socialism, imperialism, capitalism, feudalism, liberalism, futurism, impressionism, militarism и др.

Особенно увеличилось в современном английском языке количество слов древнегреческого происхождения. Слова, заим-

ствованные из древнегреческого языка, в большинстве своем относятся к науке и литературе, а не к разговорной речи. Многие термины, созданные из греческих корней, не существовали в древнегреческом языке, но они становятся широко известными, если предмет, обозначаемый ими, приобретает всеобщее распространение. Некоторые слова латинского и древнегреческого происхождения, служащие названиями важнейших изобретений, таких как: *electricity, telephone, telegraph, television, photograph, gramophone* и др., относятся к наиболее употребительной лексике во всех европейских языках.

Из древнегреческого языка заимствовано много слов, являющихся названиями различных наук и их отраслей, напр., *bacteriology, botany, histology, phonology, physics, zoology, astronomy* и др. [76, p. 313].

В течение последних трех столетий большинство слов, проникших в английскую лексику, не поступало непосредственно из древнегреческого языка, хотя отдельные слова, напр., *apopneustic, asphyxia, asymptote, barytone, cataclysm, cryptogamia*, могут быть отнесены в раздел прямых заимствований.

Много древнегреческих заимствований попало в английский язык в латинской форме. К числу слов греческого происхождения, заимствованных из латинского языка, относятся *abyss, asylum, chalubate, cynic* и многие другие [78, v. II, p. 363].

Некоторые слова были созданы из греческих корней во французском языке, а оттуда перешли в английский язык во французской форме. Так, слово *telegraph* (< др. греч. *têle* «далеко» и *graphein* «писать») имело бы в древнегреческом языке форму *telegraphos*, а в латинском *telegraphus*, но вошло в английский язык во французской форме [59, p. 30].

К числу слов древнегреческого происхождения, проникших в английский язык из французского, Скит относит *crystal, cycle, cylinder* и др. [78, v. II, p. 363].

Большинство новых слов классического происхождения, появившихся в языке после 1800 г., было образовано теми же способами, которые были распространены и раньше — путем словосложения и аффиксации. Одним из наиболее распространенных способов создания новых терминов было образование новых композитов из элементов, заимствованных из латинского и древнегреческого языков. Ср., например, композиты, в состав которых входит слово *scope* < др. греч. *skopos* «наблюдающий»; *telescope* < др. греч. *tele* «далеко + *scope*, *stethoscope* < др. греч. *stetos* «грудь» + *scope*; *fluoroscope* < *fluorine* + лат. *fluere* «течь» и др., а также другие композиты: *panchromatic* < др. греч. *pan* «все» и *chromaticos* «относящийся к цвету», в фотографии обозначает пленку, чувствительную ко всем цветам; *automobile* < др. греч. *autos* «сам» + лат. *mobilis* [43, p. 365—366].

Использование интернациональных композитов, состоящих из древнегреческих слов и корней, для пополнения научной терминологии, представляет собой несомненное преимущество для современного английского языка. Зарубежные языковеды не уделяют достаточного внимания тому обстоятельству, что данный способ образования научной терминологии присущ не только английскому языку. Подобные композиты — термины классического происхождения — распространены и в других европейских языках, в том числе в русском, и в большинстве своем относятся к интернациональной лексике.

Другим способом пополнения английской лексики является добавление латинских и древнегреческих префиксов к существующим словам романского и германского происхождения. Некоторые латинские префиксы широко используются в современном английском языке для образования новых производных, напр.: *transoceanic*, *transcontinental*, *transliterate*, *transformer*, *transfinite*, *transmarginal*, *post-impressionists* (в искусстве), *post-classical (period)*, *postgraduate (study)*, *post-war (event)*, *prenatal*, *preschool*, *prehistoric*, *pre-Raphaelite*, глаголы: *to precool*, *to preheat*, относящиеся к технической терминологии; *preview* и *pre-release* (в кинематографии), *prenuptial (arrangements)*, *counter-attack*, *counterintelligence (service)*, *subirrigate*, *subcellar*, *subtitle*, *decode (a message)*, *to defrost (a refrigerator)*, *to deflate (a currency)*.

В отдельных случаях можно говорить о преднамеренном создании слов путем использования классических корней. Некоторые слова образованы путем соединения первоначальных или первых нескольких букв двух или более слов, напр. *radar* (*radio detecting and ranging*), *UNESCO* (*United Nations Education Scientific and Cultural Organisation*).

Для современного английского языка характерно также употребление латинских сокращений в письменной речи. Почти всегда эти сокращения предполагают английское слово, а не соответствующий латинский эквивалент. *L*, *s'*, *d* обозначают *pounds*, *shillings*, *pence*, а не *libri*, *solidi* и *dinarii*. Фальстафу в трактире был подан счет *ob*, но принц Гэл (Hal) прочел его *hali penny*. *P. p.* (*paginae*) читается *pages*, а *L. L. B.* (*Legum Baccalauram*) — *bachelor of arts*, хотя удваивание букв для выражения множественного числа — не английский, а латинский прием и *law* не совсем соответствует латинскому *leges*. Точно также *i. e.* лат. *id est* читается *that is*; *e. g.* лат. *exempla gratia* — *for example*.

Иногда иностранцы употребляют сокращение *f. i.*, вместо *for instance*, что мало понятно для англичан, в то же время латинское *e. g.* не вызывает никаких затруднений. Любопытный пример такого сокращения представляет собой *viz* (сокращен-

ная форма слова от *videlicet*). В этом сокращении буква *z* происходит от старого знака препинания, напоминающего его по форме. Вместо полной формы *videlicet*, в современном английском языке обычно употребляется исконное наречие *pately*, форма *viz* распространена и в разговорной речи [59, p. 106].

Термины классического происхождения часто создаются по аналогии с другими словами в языке. Такой способ словообразования обладает рядом преимуществ, т. к. позволяет легче понять значение нового слова и обращать внимание на слог или слоги, отличные от других. Так, существительное *adressograph* создано по образцу других слов, оканчивающихся на *ograph*. *Linotype* напоминает слова *steoretype* и *monotype*.

В слове *dictaphon* объединены элементы, обнаруженные в *dictate* и *telephone*, *traveloque* является гибридным образованием от слов *travel* и *dialogue*; *electrocute* «казнить на электрическом стуле» образовано по образцу *execute*.

Слова типа *electrocute* или *traveloque*, представляющие собой несколько необычное соединение элементов отдельных слов, известны под названием *portmanteau words* или *blends*. Такие слова нередко носят юмористический оттенок и представляют собой случайные образования, не занимающие постоянного места в языке (напр., *cinemactress*, *cinemagnate*, *socialite* и др. [43, p. 368].

Развитие многозначности заимствованных и исконных слов — явление, характерное для всех периодов истории языка. Слова классического происхождения, как и исконные лексические элементы, широко употребляются в новых значениях в современном английском языке, напр., *record* означает не только «рекорд», но также и «патефонная пластинка», *radiator* обозначало раньше все то, что излучало тепло, свет, прежде чем оно приобрело терминологическое значение «радиатор», употребительное в паровом отоплении или в автомобильном деле.

Вопрос об особенностях развития многозначности и росте словообразовательной продуктивности новых классических заимствований в связи с их ассимиляцией в современном английском языке не разработан в зарубежном языкознании.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Французские заимствования до норманского завоевания

Французское влияние на английский язык не было внезапным, оно началось еще до норманского завоевания Англии и особенно усилилось при короле Эдуарде в первой половине XI столетия [51, р. III].

В конце X столетия между Францией и Англией существовали тесные торговые и культурные отношения [79, р. 1—2].

Когда датчане изгнали англо-саксонского короля Этельреда из Англии, он нашел убежище в Нормандии. После возвращения в Англию его сына Эдуарда, выросшего во Франции, с ним приехало много норманнов, его приближенных, которых он назначил на высокие должности при английском дворе [50, р. 47].

К французским заимствованиям, проникшим в английский язык до норманского завоевания, относятся слова: *purse, castle, trail, mantle, market, pride, clerk, turn, false, proud*.

Норманское завоевание Англии и его лингвистические последствия

К концу древнеанглийского периода в 1066 г. произошло норманское завоевание Англии, по мнению Несфильда — «величайшее событие не только в политической жизни страны, но и в истории английского языка» [73, р. 18].

Значение норманского завоевания для развития английского языка, хотя оно имело важные политические и лингвистические последствия, переоценивается многими зарубежными языковедами. Так, Бо считает, что норманское завоевание изменило весь ход развития английского языка. По его мнению, если бы Англия не была завоевана норманнами, английский язык продолжал бы идти по тому же пути развития, как и все германские языки, сохранил бы в основном исконную лексику и гораздо реже прибегал бы к заимствованиям из других языков [43, р. 127]. «Влияние норманского завоевания Англии было настолько значительным, что полностью преобразовало весь английский язык», — пишет Смит [81, р. 30].

Хотя влияние французских заимствований на английскую лексику несомненно велико, оно не вызвало преобразования всего английского языка, т. к. последний изменялся постепенно, сохраняя характерные особенности грамматики, лексики и звукового строя в течение длительного периода.

На северном побережье Франции на расстоянии всего лишь 75 миль от английского берега расположена область Нормандии. Слово «Нормандия» происходит от названия скандинавских племен *Northmen* «северные люди». В то время, как норвежцы и датчане совершали набеги на Англию и селились там, такие же поселения происходили и в Северной Франции, где в X столетии викинги основали могущественное королевство Нормандию.

В X—XI столетии Нормандия достигла большого политического и военного могущества. Норманны быстро усвоили обычаи и язык местного населения и слились с ним. В XI столетии в период норманского завоевания Англии цивилизация Нормандии была в основном французской, и норманны относились к числу наиболее развитых народностей Европы.

После смерти бездетного короля Эдуарда на престол вступил Гарольд, сын влиятельного советника короля Годуина, графа уэссекского.

Однако, на английскую корону стал претендовать герцог Нормандии Вильгельм, дальний родственник Эдуарда.

В сентябре 1066 г. с большим войском, по данным Вайзинга [86, р. 8], достигавшим 15000 человек, он высадился при Поуэнсей на южном берегу Англии. В битве при Гастингсе Гарольд был убит, а англо-саксонское войско, потеряв своего вождя, разгромлено.

Победа Вильгельма-Завоевателя под Гастингсом и его последующая коронация означали не только замену одной династии другой.

Одной из характерных особенностей завоевания Англии было появление новой норманской знати, в руки которой перешло управление страной. Многие представители старой англо-саксонской знати погибли в битве при Гастингсе, другие бежали, их объявили предателями и передали их поместья норманнам.

Норманны стали владельцами крупных земельных участков.

В этот период в Англии поселилось большое количество французских рыцарей и воинов, священников и монахов, а также купцов и ремесленников [67, с. 60]. Только в годы правления Вильгельма Завоевателя в Англию переселилось из Франции около 20000 человек [86, р. 9]. В течение нескольких десятилетий норманский диалект был официальным языком королевского двора, управления страной и правосудия.

Норманны, прибывшие в Англию, не были знакомы с английским языком или владели им слабо, но с течением времени они все более усваивали его.

Слияние двух народностей — англо-саксонской и норманской — происходило на протяжении XI столетия. События последующих столетий — потеря Нормандии, все более растущий антагонизм к Франции содействовали завершению этого слияния.

В противоположность этому мнению, Барфильд считает, что норманские завоеватели в течение долгого времени не смешивались с англо-саксами, и приводит в качестве доказательства то обстоятельство, что английский и норманский языки длительный период существовали на территории Англии независимо друг от друга [42, р. 17].

Несфильд сравнивает английский и французский языки с двумя реками, текущими параллельно в одном и том же русле [73, р. 18].

Одной из первых крупных работ, посвященных подробному изложению вопроса о взаимоотношениях между английским и французским языками (вернее норманским диалектом последнего), является книга Кловера «Господство французского языка в Англии» [52], написанная в конце XIX столетия. Ряд положений, содержащихся в ней, устарело, неправильным по существу является и само название книги, т. к. ни о каком «господстве» французского языка в Англии не приходится говорить. В связи с тем, что влияние работы Кловера сказалось на более поздних трудах, посвященных этому вопросу, представляется целесообразным дать краткое изложение ее основных положений.

Кловер разделяет употребление французского языка в Англии на два периода: I период — от норманского завоевания до потери Нормандии в 1204 г. и II период — от 1204 г. до правления короля Эдуарда III [52, р. 24 и р. 66].

Он считает, что в течение первого периода французский язык употреблялся норманнами и их потомками, и на нем говорила часть исконного населения Англии [52, р. 59]. В течение II периода знать стала постепенно забывать французский язык, который был полностью вытеснен английским языком к началу XV века. Таким образом, Кловер обращает главное внимание на распространение английского и французского языков среди знати [57, р. 67—68], хотя она представляла собой ничтожное меньшинство относительно исконного населения. Такой ненаучный подход характерен для большинства более поздних работ зарубежных языковедов, посвященных французским заимствованиям в английском языке.

Вайзинг в работе о распространении французского языка в Англии, написанной в 1923 г., высказывает абсурдную мысль о том, что французский язык стал средством практического общения англичан и что им не владели лишь очень необразованные люди [86, р. 15—16].

Такое положение не подтверждается высказыванием современников того периода, свидетельствующих о всеобщем распространении английского языка, напр., в Prologue of Richard, Coer de Lion (конец XIII ст.) говорится: Lewede menne kneve it nought Lewede menne canne French non Among an hondred nune this on (т. е. простые люди не знают французского языка, даже один человек среди ста).

Анализируя взаимоотношения между английским и французским языками в XI—XIV веках, Бо, Кларк, Лаунсбери, Мак-Найт, Поттер сводят эту проблему к вопросу о распространении английского языка среди правящих классов Англии, объясняют влияние норманского диалекта на английский язык тем, что знать, состоящая в основном из норманнов, говорила по-французски. Между тем, не подлежит сомнению, что основная масса исконного населения в городе и деревне говорила на английском языке и наличие небольшой, хотя и влиятельной группы норманской знати, говорящей по-французски, не могло быть решающим фактором в языковой ситуации того периода. В подходе к изучению данной проблемы зарубежных лингвистов обнаруживается недооценка народных масс как носителей языковых традиций и их решающей роли в развитии языка и переоценка роли аристократии в лингвистическом развитии Англии того периода. Хотя часть городского населения (купцов, образованных людей и лиц, обслуживающих норманскую знать, — переводчиков, прислуги и т. д.) владела французским языком, среди народа — городской бедноты, крестьян-арендаторов, ремесленников знание французского языка представляло собой исключение.

Приведем несколько фактов, свидетельствующих о все большем распространении английского языка и вытеснении им французского из всех областей деятельности в XIII—XV столетиях.

В 1258 г. вышло первое воззвание Генриха III к народу, написанное на английском языке [73, р. 40].

После норманского завоевания все судопроизводство велось на французском языке. Начиная с 1362 г. по решению парламента все судебные дела разбирались на английском языке по той причине, что французский язык был мало известен в стране [52, р. 81—82].

В 1362 г. канцлер впервые открыл заседание парламента на английском языке [58, р. 14]. Примерно в это же время английский язык стал употребляться в актах городов и гильдий наряду с французским. В школах Англии французский язык широко употреблялся еще в первой половине XIV столетия.

К 1385 г. французский язык был полностью вытеснен в школах [43, р. 179].

В XIV столетии знание французского языка было исключительно редким явлением среди исконного населения.

Так, во время переговоров между Англией и Францией в конце XIV столетия английские представители не понимали французского языка и объяснялись с французами с помощью переводчиков [42, р. 181].

Несколько позднее французский язык был вытеснен из письменной речи, хотя он сохранился в этой области дольше, чем можно было ожидать. Барфильд объясняет это обстоятельством, что вследствие превосходства французской культуры и образования в позднее средневековье обучение в школах долгое время велось на французском языке [42, р. 167].

В протоколах судов и парламента французский язык был распространен до конца XIV столетия. Даже в современную эпоху в парламентском языке употребляются отдельные французские выражения.

Таким образом, к концу XIV столетия борьба между французским и английским языками была окончательно решена в пользу последнего, хотя его лексика претерпела серьезные изменения, пополнившись большим количеством романских элементов.

Влияние французских заимствований на словарный состав английского языка

После норманского завоевания французский язык оказал большое влияние на словарный состав английского языка. Количество французских заимствований в среднеанглийской лексике не сравнимо с влиянием других языков в предыдущий или последующий период.

Зарубежные языковеды рассматривают французские заимствования с разных точек зрения. Одни пытаются дать общую оценку численности французских заимствований, подсчитывают число французских слов в отдельные периоды в тех или иных памятниках среднеанглийской письменности или определяют процентное соотношение романской и исконной лексики. Другие языковеды описывают влияние французских элементов на английскую лексику в хронологической последовательности.

Большинство зарубежных ученых разделяют французские заимствования по семантическому признаку, то есть классифицируют их по определенным классам в зависимости от того, к какой области деятельности они относятся. В зарубежном языкознании французские элементы рассматриваются также на основе морфологического признака, то есть разделяются по частям речи. Для подавляющего большинства работ, посвященных этому вопросу, характерна описательность, отсутствие глубокого анализа преобразований заимствованных слов вслед-

стве их подчинения лексическим закономерностям английского языка.

Причиной заимствования огромного количества французских слов было политическое господство норманнов в Англии в XI—XIII веках и распространение французского языка в парламенте, в суде, в церкви, в школах и при королевском дворе (см. предыдущий раздел). Другой причиной обогащения словарного состава английского языка было то обстоятельство, что изменившиеся политические условия, явившиеся следствием завоевания Англии норманнами, не благоприятствовали сохранению или развитию английской письменности и исконной литературной лексики. Мэк Найт отмечает исчезновение чрезвычайно богатой древнеанглийской поэтической лексики в связи с тем, что английский язык после норманского завоевания был распространен в основном среди необразованных людей и не использовался в литературных целях [71, p. 123—124].

Хотя такое утверждение Мэк Найта не совсем точно, так как английская литература не прекратила своего существования в XI—XII веках, тем не менее оно близко к истине. Среди широких народных масс процент грамотных людей был низким и английский язык служил в ту эпоху прежде всего средством устного общения.

В связи с тем, что большое количество исконных слов, выражающих отвлеченные понятия, было забыто, возникла необходимость в пополнении научной и литературной лексики.

При таком положении дел английский язык прибегал к широким заимствованиям из французского языка, на котором была создана богатая художественная литература [67, s. 18].

Бо различает два периода французского влияния: ранний — до 1250 г. и поздний — после этой даты. Заимствования первого периода характеризуются относительной малочисленностью (их число не превышает ста слов).

Пытаясь определить численность французских заимствований в разные периоды существования английского языка, Есперсен произвел статистический подсчет слов французского происхождения, группируя по пятидесятилетиям, согласно датам их первого употребления в английском языке [64, p. 94]. Им были взяты для анализа первые сто слов французского происхождения на буквы А—Н и первые 50 на буквы J и L.

До 1050	2	1451—1500	76
1051—1100	2	1501—1550	84
1101—1150	1	1551—1600	91
1151—1200	15	1601—1650	69
1201—1250	64	1651—1700	34
1251—1300	127	1701—1750	24
1301—1350	120	1751—1800	16
1351—1400	180	1801—1850	23
1401—1450	70	1851—1900	2 [64, p. 87].

Как видно из этой таблицы, в течение первых ста лет после норманского завоевания количество слов, заимствованных из французского языка, незначительно и не повышается по сравнению с предыдущим периодом. Во второй половине XII и в первой половине XIII столетия их число несколько увеличивается, однако оно становится по-настоящему большим во второй половине XIII столетия и особенно в XIV столетии.

Данные, приведенные Есперсеном, установившим период наиболее сильного проникновения французских элементов в английскую лексику, подтверждаются в работах других лингвистов.

В «Английской хронике» в первой половине XII столетия содержится менее двадцати французских слов [84, p. 162].

В XII столетии были заимствованы следующие слова из французского языка, относящиеся, в основном, к области военного дела, управления и религии: justice, war, peace, tower, treason, prison, court, crown, empress, sacrament, prior, chaplain, saint, grace, mercy, charity, faith [71, p. 122].

Таким образом, к числу самых ранних заимствований относятся слова, обозначающие названия должностных лиц и заведений, характерных для норманского правления, а также понятия из области религии.

По-видимому, слабое проникновение норманских элементов объясняется малочисленностью лиц французского происхождения, представителей норманской знати по сравнению с широкими массами исконного населения, несходством английского и французского языков в области лексики, а также тем, что в раннеанглийский период у английского языка еще не была развита способность к заимствованию, как к активному способу пополнения словарного состава в связи с тем, что он был склонен в первую очередь использовать внутренние ресурсы для пополнения своей лексики.

Особенно много французских слов проникло в английскую лексику во второй половине XIII и в XIV столетии. Приток французских заимствований достиг кульминационной точки во второй половине XIV столетия [71, p. 122].

По данным Толлера, к 1300 г. в письменных памятниках обнаружено около тысячи французских слов, тогда как примерно в 30 текстах, написанных до 1400 г., употребляется 3400 слов французского происхождения [84, p. 165].

По подсчетам Бо, общее количество французских слов, заимствованных в среднеанглийский период, несколько превышает 10000. Основная масса этих слов попала в английский язык в 1250—1400 гг. и составляет около 40% всей английской лексики. Примерно 75% всех французских заимствований этого периода используется и в современном английском языке [43, p. 215].

В произведениях Чосера количество французских слов составляет 10—11%, а в некоторых случаях 15% всей лексики.

Возражая Маршу, утверждающему, что Чосер ввел большое количество французских слов в английский язык, Скит отмечает, что Чосер применял с большим искусством лексику, которую употребляли его современники. На основе исследования его произведений Скит делает вывод, что Чосер, в основном, употреблял те заимствованные слова, которые уже широко использовались в произведениях предшествующих авторов [78, VII, p. 144—145]. Не следует преувеличивать влияние отдельных авторов на язык, тем более в тот период, когда не было книгопечатания, книги были редкими и дорогими, а язык поэзии значительно отличался от языка общенародной речи.

Толлер справедливо возражает против утверждения о том, что все слова, выражающие абстрактные или общие понятия, относятся к числу французских заимствований, тогда как слова исконного происхождения выражают конкретные предметы или действия. Такое мнение не основывается на фактах и не соответствует природе языка, склонного прежде всего заимствовать конкретные слова. Подавляющее большинство ранних французских заимствований представляет собой название конкретных предметов и действий. Лишь отдельные ранние французские заимствования выражают абстрактные понятия, например: *justice*, *peace*, *treason*, *privilege*. То же относится и к ранним латинским заимствованиям. Поздние французские и латинские заимствования значительно отличаются в этом смысле от ранних [84, p. 63].

Большинство зарубежных языковедов разделяет французские заимствования в зависимости от того, к какой области деятельности они относятся. На основе этого признака языковеды устанавливают, в каких сферах сильнее всего сказалось норманское влияние, какие понятия явились новыми для англо-саксов и были заимствованы у норманнов вместе с обозначающими их словами.

Заимствование лексики административно-государственного управления связано с тем, что правление страной в течение более двухсот лет находилось в руках норманнов. К ней относятся слова *government*, *govern*, *administer*, *state*, *empire*, *prerogative*, *usurp*, *oppres*, *cabinet*, *assembly*, *statute*, *treaty*, *alliance*, *record*, *council*, *parliament*, *minister*. Тесно связаны с идеей правления такие слова, как *subject*, *allegeance*, *rebel*, *traitor*, *treason*, *exile*, *public*, *liberty*.

Слово *office* и названия многих должностей и должностных лиц также заимствованы из французского языка: *treasurer*, *marshall*, *governor*, *councillor*, *minister*, *chancellor*, *castellan*, *mayor*, *constable*, *coroner* и др. Этот список можно расширить за счет слов, относящихся к экономической организации общества, фео-

дальной системе, деятельности казначейства и т. д. — manor, domesne, bailiff, peasant, revenue, exchequer, servant, caitiff, tax, subsidy, bondsman, slave, control, controller, allow, vassal, homage, serf, chattel, money и rent.

Частые войны в средневековье, а также тот факт, что войска находились под командованием лиц, говоривших на французском языке, ведение англичанами военных действий на территории Франции в период Столетней войны содействовали заимствованию английским языком французских военных терминов.

В связи с тем, что военное дело в современную эпоху претерпело большие изменения по сравнению с эпохой средневековья, многие употребительные в то время слова теперь устарели или стали историческими архаизмами. Их место заняли другие, значительная часть которых представляет собой более поздние заимствования из французского языка.

Тем не менее, в настоящее время употребляются французские слова, возникшие в эпоху средневековья: aid, arms, armour, assault, banner, battle, chivalry, challenge, mail, march, soldier, tournament. и др.

К французским заимствованиям относятся такие слова, как army и navy, war и peace, enemy, combat, skirmish, siege, defence, ambush, strategem, retreat, garrison, guard, spy, а также слова, обозначающие воинские звания, например: sergeant, lieutenant, captain, различные средневековые сооружения — fortress, tower. Названия видов оружия, например: lance, mail, buckler, archer и др. — французского происхождения, хотя в английском языке сохранились исконные названия старинного оружия — bow, arrow, spear, sword, shield.

К области военного дела относится также ряд глаголов французского происхождения — arm, array, harness, brandish, vanquish, besiege, defend.

Французское влияние отчетливо проявляется в области юридической терминологии.

Поскольку французский язык в течение долгого времени был распространен в английских судах, большая часть английской юридической терминологии взята из языка завоевателей.

Многие заимствованные слова проникли из области юриспруденции в общенародную речь. Заимствование юридической терминологии французского происхождения продолжалось до XVII столетия. К этим словам относятся: assizes, coroner, treason, distress, culprit, bar, advocate, bill, petition, complaint, inquest, summons, juror, felon, evidence, proof, justice, bail, ransom, judgment, verdict, sentence, decree, award, fine, forfeit, punishment, prison, goal, barrister, suit, defendant, attorney, jury, larceny, case, cause, dower, damages, estate, fee, felony, judge, plaintiff, plea, plead, sue, ward.

В английском языке существует большое количество глаголов, связанных с судопроизводством — *accuse, blame, arrest, seize, pledge, warrant, assail, assign, judge, condemn, convict, award, imprison, banish, pardon.*

Многие названия преступлений и прочих правонарушений французского происхождения *felony, trespass, assault, fraud, libel, slander, perjury.*

К юридической терминологии относится ряд заимствованных слов, выражающих различные виды собственности и имущественные отношения, например: *property, estate, legacy, heritage, heir, executor* и др. Прилагательные *innocent, culpable* приобрели общенародную употребительность, являясь одновременно юридическими терминами.

В средневековых текстах встречается также много слов французского происхождения, относящихся к области религии, например: *altar, bible, baptism, homily, idolatry, paradise, devotion, salvation, cloister.*

Из французского языка заимствованы отдельные прилагательные, первоначально относящиеся к религиозной лексике — *divine, reverend, devout* и глаголы *preach, pray, chant.*

Большое количество слов религиозного происхождения подверглось переосмыслению и в настоящее время широко употребляется в составе общенародной лексики. Многие из них выражают в современном английском языке важные понятия. К ним относятся слова *service*, первичное значение которого — «богослужение», *lesson*, вначале означавшее «чтение во время литургии отрывка из священного писания», глагол *to cry* «взывать к богу», «просить ч.-л. у бога», *image* «изображение святого или мученика, которое несли перед процессией», *passion*, представлявшее собой религиозный термин, означавший «страдания», «страсти» Христа; *rule* сперва «устав монастыря», *order* «религиозный, затем рыцарский орден» [57, с. 51—56].

К словам, заимствованным из французского языка, относятся: *confession, clerk, dean, chapter, virgin, mystery, faith, charity, mercy, pity, obedience, scandal, virtue*, глаголы *repent, confess, adore, sacrifice* и др., многие из которых утратили признаки своего религиозного происхождения.

Французские заимствования обозначают различные понятия из области моды и украшений, предметы одежды, напр.: *fashion, luxury, dress, apparel, habit, coat, frock, collar, veil, train, petticoat, lace, embroidery, pleat, plume, kerchief, mitten, galoshes, boots*; глаголы *embellish, adorn*; названия драгоценных камней — *jewel, turquoise, amethyst, topaz, ruby, emerald, sapphire, pearl, diamond*, а также *crystal, coral*; слова, относящиеся к кулинарии и питанию — *supper, feast, repast, appetite, taste, victuals, viand, sustenance, sugar*; названия различных рыб — *salmon, sardine,*

oyster, porpoise; мясо — venison, beef, veal, mutton, port, bacon, loin, sausage, gravy; птица — poultry, pullet, pigeon; блюда — pottage, gruel, toart, biscuit, cream, olives, salad, lettuce; десерт и фрукты — almonds, raisin, fig, grape, orange, lemon, pomegranate, cherry, confection, pasty, tart, jelly, приправы — spice, herb, mustard, vinegar; глаголы roast, boil, stew, fry, blanch, grate, mince.

Французские заимствования выражали новшества, внесенные французами в домашний быт и общественную жизнь, и обозначали предметы домашнего обихода, создающие комфорт и уют: curtain, couch, chambre, cushion, screen, lamp, lantern, blanket, coverlet, counterpane, towel, basin, parlour, wardrobe, closet, pantry, garner.

Слова recreation, solace, leisure, dance, carol, revel, lute, melody, music, checkers, conversation обозначают различные виды развлечений знати; слова, связанные с охотой и ездой, являются отражением основного ее времяпрепровождения, напр.: ambler, hackney, palfrey; охотничьи термины — rein, curb, trot, stable, harness, bay, chase, couple, course, leash, reynard, rabbit, retrieve, haggard, catch, falcon.

Приведенный список можно расширить, включив в него названия, передающие понятия, связанные с жизнью и деятельностью рыцарей, а также понятия рыцарской этики и поведения, например: tournament, joust, pavillion, conduct, courtesy, honest, honour.

К словам исконного происхождения, служащим названиями профессий и ремесел, относятся baker, fisherman, miller, shepherd и shoemaker. Много названий профессий, особенно тех, которые связаны с обслуживанием высших классов, заимствовано из французского языка, например: barber, butcher, carpenter, grocer, mason, painter, tailor, draper, haberdasher.

Из французского языка проникла значительная группа слов, относящихся к области искусства, архитектуры, литературы и науки, особенно медицины, напр., art, painting, music, beauty, colour, figure, palace, ceiling, cellar, garret, chimney, latch, lattice, wicket, porch, column, pillar, preface, volume, parchment, treatise, study, gender, copy, surgeon, malady, distemper, pain, ague, gout, pestilence, stomach, pulse, remedy, contagion.

В целом, приведенные слова, представляющие собой ранние французские заимствования, дают довольно полное представление о различных сторонах жизни и быта населения Англии эпохи средневековья и свидетельствуют о значительном обогащении словарного состава английской лексики за счет французских элементов.

Толлер указывает на значительные трудности, возникающие при классификации французских слов. Например, из 500 слов, заимствованных до 1250 г., 4 относятся к области религии, 2 — к управлению и судопроизводству, 12 — к военному делу, тогда

как около 400 слов не поддается определенной семантической классификации [84, р. 164].

О широте французского влияния свидетельствует тот факт, что английский язык заимствовал в большом количестве слова, принадлежащие к различным частям речи (существительным, прилагательным, глаголам).

Заимствованные существительные отличаются самой разнообразной семантикой, относятся к различным областям деятельности, большинство из них входят в состав общенародной употребительной лексики.

Кроме вышеперечисленных слов, можно указать существительные французского происхождения, проникшие в английский язык до 1300 г.: *action, adventure, affection, age, air, bucket, bushel, business, cheer, coast, comfort, cost, courage, coward, cruelty, deceit, dozen, ease, envy, error, face, fame, fault, flower, hour* и многие другие, которые не поддаются семантической классификации. Такое же разнообразие характерно и для прилагательных.

Из общего количества 1000 прилагательных, заимствованных в среднеанглийский период, можно указать — *able, abundant, active, actual, amorous, barren, blank, brief, calm, certain, chaste, chief, common, contrary, courageous, double, eager, easy, faint, feeble, fierce, final, firm, foreign, frail, frank, gay, gentle, gracious, hardy, hasty, honest, horrible, jolly, large, literate, luxurious, malicious, moist, natural, nice* и др.

Среди французских ранних заимствований имеется большое количество глаголов, тогда как среди поздних преобладают существительные и прилагательные [73, р. 37]. Список глаголов, заимствованных в тот же период, отличается значительным разнообразием. Примеры: *advance, advice, aim, allow, apply, approach, arrange, arrive, betray, carry, chase, close, comfort, commence, complain, conceal, consider, continue, count, cover, covet, cry, deceive, declare, defeat, defy, delay, desire, destroy, embrace, enclose, enjoy, enter, err, excuse, flatter* и др.

Наличие большого количества французских глаголов характеризует силу французского влияния на английский язык.

Проникновение французских слов после норманского завоевания создало благоприятные условия для заимствования впоследствии лексических элементов из других романских языков и содействовало их быстрой ассимиляции в нем.

Поздние французские заимствования в современном английском языке

Проблема поздних французских заимствований, относящихся к современному английскому периоду, разработана значительно слабее по сравнению с заимствованиями более раннего периода.

Зарубежные языковеды описывают первые случаи их употребления, классифицируют французские заимствования по областям деятельности. Однако по вопросу лексической ассимиляции поздних французских заимствований имеются лишь отдельные замечания.

Влияние французского языка прослеживается в Англии во все эпохи и было довольно значительным в новоанглийский период. В XVI ст. оно стало менее заметным вследствие предпочтения, оказываемого латинскому языку. В этот период наиболее важные заимствования относятся к области военного и мореходного дела, например: *trophy* (1513), *pioneer* (первоначально «пехотинец»), *jacquerie* (используется, в основном, как исторический термин в отношении крестьянского восстания во Франции в 1357 г., но также и в переносном смысле с 1523), *brigantine* (1525), *pilot* (в конечном счете греческого происхождения, попавшее в англ. язык через итальянский и французский языки), *sally* (1542), *colonel* (1548), *corsair* (1549), *volley* (1573), *cartridge* (1579), *rendez-vous*. Ряд слов французского происхождения, связан с торговлей — *livre* (1553), *indigo* (1555), *gauze* (1561), *vase* (1563), *portmanteau* (1584).

К числу слов, относящихся к общественной и светской жизни, принадлежат: *minion* (первоначально «маленький», «деликатный» или существительное «любимец»), *bourgeois* (1564), *vogue* (1591), *genteel* (1599, ср. с *gentle*, заимствованным в ср.-англ. период), *madame* (1599), *madam* с ударением на 1-м слове представляет собой раннее французское заимствование).

К литературе и искусству относятся также заимствованные слова: *gondeau* (1525, ср. с более ранним *goundel*), *scene* (1540, сперва означало «пейзаж» — слово греческого происхождения), *hautboy* (1575), *moustache* (1585), франц. версия итальянского *mostaccio* (1585), в др. англ. языке в этом значении употреблялось германское слово *seper*.

В конце XVI и в начале XVII вв. в английский язык проникли следующие слова: *ambuscade* (1582), *barricade* (1590), *dragoon* (1622), *fallacy* (1562), *massacre* (1581), *officious* (*meddlesome*), *palisade* (1600).

Многие из этих слов прочно вошли в словарный состав английского языка и были им полностью усвоены. Вернувшись в Англию после двенадцатилетнего изгнания, проведенного во Франции, Карл II и его придворные содействовали распространению французских обычаев и языка у себя на родине. Распространению французского языка способствовало также поселение большого числа гугенотов-французов, эмигрировавших в Англию. Французский язык получил большое распространение в Англии, как и во всей Европе. Он стал языком двора, высшего общества и дипломатии.

В противоположность высшим классам широкие народные массы не были знакомы с французским языком. Многие писатели и языковеды эпохи Реставрации отрицательно относились к наплыву французских слов в английскую лексику.

У некоторых придворных увлечение французским языком дошло до того, что они считали вульгарным свой родной язык и старались, даже говоря по-английски, вставлять при удобном случае в разговор французские слова и выражения [66, S. 16].

Особую роль сыграла Франция, находившаяся в расцвете своего могущества, в развитии английского военного дела и военного искусства.

Особенности организации постоянного французского войска (сооружение барачков, создание гарнизонов и пр.) при Людовике XIV послужили примером для Англии. Многие гугеноты-эмигранты служили в английской армии и знакомили англичан с ведением военного дела во Франции. С другой стороны, многие англичане несли военную службу за границей под французскими знаменами. Из области военного дела в XVII в. заимствованы слова *aid de camp*, *barrack*, *bivouac*, *blockade*, *bomb*, *cadet*, *caisson*, *cannonade*, *carabine*, *carabineer*, *caserne*, *cavalcade*, *cheval de frise*, *commandant*, *corps*, *detach*, *embrasure*, *enfilade*, *engineer*, *escort*, *estacade*, *fusée*, *fusiller*, *garde de corps*, *gendarme*, *gendarmerie*, *melée*, *musketry*, *musquetoen*, *palisade*, *parole*, *pontoon*, *recrut*, *reduit*, *reserve*, *sable*.

Оживленные отношения между Францией и Англией поддерживались в области торговли. Французские вина находили в Англии большой рынок сбыта, также как и предметы роскоши, одежда, шелка, ленты, кружева, шерстяные и трикотажные изделия.

К области торговли и ремесла относятся слова французского происхождения *batiste*, *financier*, *velours*, *banker*, *discount*, *luisd'or*, *rouleau*, *fond*, *parquet*, *cascade*,

В английский язык проникло большое количество французских слов, являющихся названиями предметов туалета, одежды, например: *voile*, *chemise*, *lingerie*, *coiffure*, *cravat*, *dishabillé*, *mouchoir*, *manteau*, *mouche*, *moussline*, *pantaloon*s, *surtout*, *taile*.

Французская философия оказала также большое влияние на культурную жизнь Англии. Драйден и Поуп популяризировали идеи Декарта в Англии.

Ксолл подробно описывает влияние, которое оказали французы в области медицины, изобразительного искусства, живописи, архитектуры, музыки, балета, танцев [66, S. 21].

К заимствованиям в области науки и искусства относятся слова *contrast*, *febrile*, *pique*, *tourniquet*, *billion*, *cohesion*, *orangery*, *panacea*, *prairie*, *environs*, *à la gothic*, *à la moderne*, *attic*, *balustrade*, *console*, *dome façade*, *festoon*, *fronton*, *lune*, *niche*, *ordonnance*, *plafond*, *attitude*, *basrelief*, *cartoon*, *contour*, *crayon*,

pastel, paysage, retouch, symphony, ensemble, concert, entry, tambour.

В области литературы и театра английский язык заимствовал слова: *belles lettres*, *eporée*, *impromptu*, *machinery*, *orchestre*, *marionette*, *parterre*, *diction*, *gallicism*, *patois*, *routine*.

Французское влияние было также весьма значительным в области кулинарии. Из этой области заимствованы слова: *com-pote*, *potage*, *ragout*, *soup*, *vinaigrette*, *dessert*, *moselle*, *muscat*.

В XVIII ст. заимствование большинства слов припадает на первую и последнюю четверть века.

К числу слов, связанных с Французской буржуазной революцией, принадлежат *emigré*, *guillotine* (1793), *carmagnole* (1796) — прозвище французского солдата в прямом значении — название народного танца — оно употребляется только с 1827 г.; *regime* (1789) сперва употребляется в обороте *ancien regime* < < франц. *l'ancien regime*. Военные термины проникли в английский язык в связи с войной за испанское наследство, Семилетней войной и завоеваниями Наполеона. В XVIII ст. заметную роль играет заимствованная лексика, относящаяся к кулинарии, а также названия предметов одежды, тканей. К заимствованиям этого периода относятся:

1) термины из области военного дела: *caisson*, *pas* (как фортификационный термин), *enfilade*, *bivouac* (в конечном счете от швейцарско-германского *Beiwacht*), *corpse*, *terrain*, *manoeuvre*, *abbatis*, *ricochet*, *echalon*, *espionage*, *sortie*, *tricolour*, *fusillage*;

2) названия лиц: *clique*, *confrere* (вторичное заимствование, употреблявшееся уже в ср.-англ. период), *protégé*, *abbé*;

3) названия зданий, мебели и других предметов: *chaise*, *envelope*, *entresol*, *salon* (франц. из итальянского языка); *sal-loon*, по-видимому, представляет собой прямое заимствование из итальянского; *bouquet*, *bureau* «контора», «стол», *boulevard*, *chateau*;

4) слова, относящиеся к литературе, музыке, играм и танцам: *belles lettres*, *pirouette*, *vaudeville*, *brochure*, *conservatoire*, *jongleur*, *nuance*, *silhouette*;

5) слова, передающие географические понятия или связанные с альпинизмом: *debris*, *glacier*, *plateau*;

6) названия предметов одежды и тканей: *velour*, *epaulette*, *corduroy*;

7) названия продуктов питания и слова, относящиеся к кулинарии: *ragout*, *liqueur*, *cuisine*, *dejeuner*;

8) слова из области медицины: *grippe*, *migraine*;

9) слова, выражающие понятия, связанные с светской жизнью и развлечениями — *picnic*, *etiquette*, *debut*, *fete*, *monde*. Из разных областей были заимствованы *police*, *potpourri*, *embon-point*, *soi-disant*, *chef-doeuvre*, *posterestante*, *route*.

Многие слова и выражения, заимствованные в XVIII в., слабо ассимилированы английским языком и употребляются исключительно редко в устной и письменной речи (*distrain*, *connoisseur* и др.). Другие заимствования приобрели широкое распространение не только в английском, но и других европейских (в том числе и русском) языках, напр.: маневры, рикошет, эшелон, шпионаж, антресоль, салон, букет, бюро, водевиль, брошюра, консерватория, жонглер, нюанс, силуэт и другие.

В XIX ст. в английский язык проникло больше французских слов, чем в какое-либо другое столетие со времени среднеанглийского периода. Наиболее многочисленные группы слов относятся к области литературы и искусства или служат названием предметов, одежды, тканей, мебели. Большинство слов этой группы появилось в английском языке в 1830—1860 гг.

Среди заимствований имеется значительное количество названий продуктов питания, слов из области кулинарии, а также политических и военных терминов. Следует отметить слова, относящиеся к военному делу: *sabreur*, *matériel*, *barrage*, *franc-tireur*, *mitrailleuse*; названия лиц: *troupe* (1825, *troop* — более старое заимствование), *garçon*, *chargé-d'affaires*; названия учреждений: *morgue*, *lycée*, *crèche*; названия мебели и украшений: *chiffonier*, *parquet*, *portiere*, *secrétaire*, *etagere*.

В XIX ст. продолжалось заимствование французских слов, относящихся к области критики и моды. Байрон, употребляющий в своих произведениях слова *distingué* и *longueur*, говорит о последнем: «У англичан нет такого хорошего слова, но есть само понятие». К литературе, музыке, искусству и архитектуре относятся слова: *résumé*, *cliché* (в переносном значении впервые употребляется в 1892 г.), *atelier*, *renaissance*, *entr'acte*, *aquarelle*, *fin de siècle*.

В этот период заимствуются названия животных и растений: *immortelle*, *marguerite*; названия предметов одежды и тканей, фасонов, платьев: *lorgnette*, *jabot*, *crepe*, *blouse*, *decolleté*, *négligé*, *peignoir*, *beret*, *modiste*, *corsage*, *tricot*, *chiffon*, *pencepez*, *suede*; слова, относящиеся к области кулинарии: *souffle*, *consomme*, *purée*, *mayonnaise*, *sorbet*, *chartreuse*; к средствам передвижения и транспорта: *cabriolet*, *char-à-banc*, *coup*; медицине: *glycerine*, *pipette*; общественной или светской лексике: *parvenu*, *séance* (первоначально употреблялось в значении «спиритический сеанс»), *luxe*, *elite*, *debutant*, *pourboire* *chic*, *gente*, *rentier* (с французским произношением), а также слова, обозначающие качества, свойства, поведение — *savoir faire*, *aplomb*, *prestige* (в современном значении «престиж», но прежде было заимствовано в значении «иллюзия», «фокус»), *elan*, *reclame*; политическая и дипломатическая лексика — *rapprochement*, *premier*, *couloir*, *gend'arme*, *secretariat*, *laissez-faire*, *communism*, *entente*, *debâcle*, *visé*, *emeute*, *chauvinism*.

В диссертации «Французские заимствования XIX в. в английском литературном языке» (Опыт статистического исследования, М., 1963) И. М. Крейн исследует вопрос о количестве, составе и характере французских заимствований этого периода, о путях их проникновения в английский язык и их ассимиляции в нем.

Справедливо отмечая неразработанность этого вопроса, И. М. Крейн на основании исследования исторических и толковых словарей, художественной, политической и научной литературы XIX в. выявляет 1937 слов и словосочетаний, заимствованных из французского языка в это столетие. Следует оговориться, что И. М. Крейн включает в число французских заимствований также слова классического и иного происхождения, если они попали в английский язык непосредственно из французского языка. По нашему мнению, более правильную картину автор получил бы, если бы ограничился собственно французскими заимствованиями.

И. М. Крейн на основании своего исследования показывает научную несостоятельность весьма распространенной точки зрения о том, что в XIX в. количество французских заимствований уменьшилось по сравнению с прошедшим периодом. Приток заимствований из французского языка в XIX в., как отмечает И. М. Крейн, был непрерывным. Не было ни одного года, когда не появлялись бы новые французские слова и словосочетания. Число заимствований в год колебалось в среднем от 10 до 40. Автор устанавливает, что в исследуемый период в английский язык из французского пришли заимствования из области науки и техники: *ambulance, automobile, aviation, calorie, capallarity, clinic, microbe, nicotin, omnibus*; из общественно-политической жизни: *attaché, beaurocracy, communique, exploitation, millionnaire, militarism, proletariat, solidarity*; литературы и искусства: *coulisse, genre, litterateur, repertoire, troupe*; из области быта: *café, menu, paletot, restaurant*.

Значительный интерес представляют собой методы статистического подсчета заимствований, разработанные советскими языковедами проф. Ахмановой О. С., Мельчук И. А., Падучевой Е. В., Фрумкиной Р. М.¹ и успешно примененные И. М. Крейн в её работе.

На основании подсчета И. М. Крейн устанавливает, что названия предметов роскоши, тканей и т. д. составляют 15%, заимствования из области быта — 11%, литературы и искусства — 8%, дипломатии и политики — 5% общего числа заимствований XIX в. Основную группу — 41% — составляют научные и технические термины.

¹ См. работу указанных авторов «О точных методах исследования языка», Изд-во МГУ, 1961.

В XIX в. основной процент французских заимствований составляют существительные (81,5%), затем идут прилагательные (13%), глаголы (4,3%) и наречия (1,2%). Местоимения, числительные и служебные части речи не заимствуются.

Представляют интерес замечания И. М. Крейн о семантических заимствованиях, т. е. заимствованиях из французского языка нового значения к уже имевшемуся в английском языке слову. Так, например, слово *baton* было заимствовано в XVI в. со значением: 1) «полка», 2) «жезл, символизирующий власть, маршалский жезл». В XIX в. под влиянием французского *baton* это слово начинает употребляться в значении «дирижерская палочка»; в новом значении оно сохраняет французское написание (динамический знак), французское произношение [bat^o] и обычно выделяется курсивом.

И. М. Крейн устанавливает, что основной поток заимствований шел письменным путем — через научную и художественную литературу, публицистику, переводы из французского языка и т. д. Поэзия и проза ею рассматривались отдельно. И. М. Крейн встретила на 4968 страницах поэтических произведений 68 французских слов и словосочетаний; выделяя «Дон Жуан» Байрона, автор устанавливает среднюю частоту использования французских слов и словосочетаний в этой поэме — 0,13 (13 слов на 100 страниц). Частота появления французских слов и словосочетаний во всей совокупности поэзии XIX в. колеблется от 0,02 до 0,05.

На основе этих и других подсчетов автор делает вывод о том, что поэзия XIX в. не сыграла существенной роли в пополнении английского литературного языка французскими заимствованиями и что в отличие от поэзии проза XIX в. явилась проводником французского языкового влияния. Средняя частота использования французских слов и словосочетаний в исследованном материале прозаических произведений составляет 0,08, т. е. почти в 30 раз больше, чем в поэзии.

Немалую роль во введении и распространении французских заимствований сыграли газеты и журналы. Они способствовали распространению слов из области дипломатии, политики, военного дела (*attaché, ballotage, cadre, chantage, communiqué, diplomate, exploitation, matériel, mobilization, personnel, rappel, reconnaissance*) и из других областей — искусства (*atelier, danseuse, debutante, entrepreneur, premiere, genre*), быта (*café, habitue*) и т. д. [30].

И. М. Крейн считает, что поскольку газеты и журналы были наиболее доступной и распространенной литературой, они явились основным каналом, по которому шло проникновение французских слов и словосочетаний в английский литературный язык XIX в.

Методы статистического исследования заимствованных слов имеют несомненную ценность и окажутся весьма плодотворными при изучении советскими языковедами этой проблемы.

Вопрос о соотношении исконной и заимствованной лексики французского происхождения

Вопрос о соотношении исконных и романских элементов в английской лексике привлекал к себе внимание многих зарубежных языковедов. Некоторые из них, например, Дерокиньи, Орт склонны переоценивать французское влияние на английский язык. Так, Дерокиньи пишет, что вследствие влияния французского языка английская лексика совершенно изменилась, включив в себя огромное количество слов французского происхождения [54, р. 30].

Многие французские заимствования относятся к числу наиболее употребительных слов и выражают самые распространенные понятия из жизни и быта англичан, например: *comfort, plenty, case, chair, corner, chimney, parlour, quiet, family, circle* и др. [54, р. 18].

В разговорной речи широко распространены слова *pay, money, wages, habit, beauty, part, change, turn, push, use, pass, touch, trouble, serve, enjoy, join, remember* и др.

На основании этих в основном правильных рассуждений Дерокиньи делает абсолютно неверный вывод о том, что английский язык стал «смешанным» (*composite*), частично германским и частично французским [54, р. 18].

Ошибочность взглядов Дерокиньи относительно смешанного характера английской лексики и преобладания в ней романских элементов основывается на том, что он не учитывает факта ассимиляции, то есть их подчинения и преобразования по законам английской лексики, грамматики и звукового строя.

Подчинив тысячи романских (в том числе французских слов) закономерностям своей лексической системы, английский язык по-прежнему принадлежит к германской группе языков, сохранил свою самобытность и основные характерные особенности. Наиболее важные элементы словарного состава являются исконными.

Германская составная часть английского языка и в настоящее время в основном удовлетворила бы потребности в языковом общении, так как можно без особого труда образовывать целые предложения, не используя ни одного романского слова, чего нельзя сказать о романских элементах [65, S. 23].

Критикуя аналогичное мнение Морриса, Дерокиньи справедливо отмечает, что в принципе возможно вести беседу, не употребляя иноязычных элементов, однако, такие предложения носили бы искусственный и примитивный характер, [54, р. 20].

Исконные слова служат названиями обычных и известных предметов, обозначают природные явления, времена года, единицы измерения времени, почву и металлы, ближайшую степень родства, дом и его части, предметы одежды, сельскохозяйственные процессы и орудия, деревья, растения, животных (млекопитающих, птиц, рыб, земноводных, насекомых), части тела, простые действия; что особенно важно, к числу германских элементов относятся также многочисленные структурные элементы, образующие основу всякого языка, без которых немислима языковая коммуникация и степень употребительности которых в связной речи (письменной и устной) необычно велика — артикли, местоимения, предлоги, союзы, вспомогательные и модальные глаголы [73, р. 22]. Таким образом, понятийная и грамматическая основа английского языка осталась германской. Это еще раз подтверждает ошибочность взглядов зарубежных языковедов, преувеличивающих иноязычное влияние на английскую лексику. Однако было бы неправильно впадать в другую крайность и отрицать наличие значительного количества романских элементов в английском словаре. Все названия частей тела, за исключением слова *face*, исконного происхождения. Тот факт, что однородная группа слов исконного происхождения, принадлежащих к определенной области, представляет собой исключение, является поразительным доказательством силы французского влияния на английскую лексику.

К числу французских заимствований относятся отдельные названия природных тел (*air*) и предметов окружающей нас природы — *river, mountain, valley, forest* и др.; времен года — *autumn*; единиц измерения времени — *hour, minute, second*; частей постройки — *brick, lintel, storey, attick, ceiling, tile*; сельскохозяйственных орудий — *hatchet, coulter*; некоторых сельскохозяйственных процессов и продуктов питания — *turn, soil, manure, fruit, vegetable, cauli-flower, cabbage, grain, granary, stable, beef, mutton, venison, veal*; некоторые названия, обозначающие цвета — *blue, violet* и др.

Отдельные существительные, выражающие более далекую степень родства — *uncle, nephew, niece, cousin*, — заимствованы из французского [67, р. 71] (ср. с исконными словами, выражающими ближайшее родство — *father, mother, brother, sister, son, daughter*, но *grandfather* и *grandmother* — гибридные образования, *family* — слово романского происхождения).

Романские элементы преобладают в военной и политической области, в области литературы и искусства, моды и других сферах деятельности. Таким образом, влияние французского языка на английскую лексику было весьма сильным, отдельные французские слова (например, наречие *very*, числительное *second* и др.) приобрели исключительно большую употребительность в английском языке.

Некоторые лингвисты пытаются подсчитать количество романских элементов в словарном составе английского языка и проанализировать их употребительность в письменных памятниках в сравнении с исконной лексикой.

Согласно подсчетам, значение которых нельзя переоценивать, примерно 2/7 английской лексики составляют слова исконно-германского происхождения, а остальные 5/7 — иноязычные слова (большей частью, французского или классического происхождения). Большое количество иноязычных слов состоит из малоупотребительных научных и технических терминов. Более верное представление о силе романского влияния можно получить в том случае, если исследовать процентное соотношение слов романского и германского происхождения на одной странице произведения какого-либо писателя. При этом оказалось, что, например, у Мильтона, который имеет особую склонность к словам классического происхождения, на одной странице содержится не более 10—30% слов латино-французского происхождения. Подробный подсчет процентного соотношения романских и исконных элементов с средне- и ранненовоанглийских памятников содержится в работах Марша и Грума. Особенно большой интерес представляют исследования этого соотношения в разговорной речи.

В устной речи употребляется примерно 3000—5000 слов, в которых преобладают исконные элементы [72, р. 71]. Наибольшая частота употребления характерна для слов германского происхождения.

Синонимия французских заимствованных слов и исконной лексики

Явление синонимии французских заимствованных слов и их соотношение с исконной лексикой привлекали внимание многих зарубежных языковедов. Это одна из наиболее интересных, но в то же время трудных и слабо разработанных проблем лексикологии.

Останавливаясь на вопросе синонимии исконных и заимствованных слов, К. Маркс указывал: «В XVII столетии мы еще часто встречаем у английских писателей «worth» для обозначения потребительной стоимости и «value» для обозначения меновой стоимости: это совершенно в духе английского языка, который любит вещи, непосредственно данные, обозначать словами германского происхождения, а рефлексированные — словами романского происхождения»¹.

Дерокиньи, объясняя большое число англо-французских синонимов в среднеанглийских текстах (acknowledge — confess, humble—lowly, goodness—mercy, assemble—meet и др.) трактует

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23, М., 1960, стр. 44.

это явление как стилистический прием, распространенный и во французском языке (*voies and moyens* ср. англ. *ways and means*).

Настоящая причина появления в среднеанглийский период большого количества синонимов французского происхождения заключается в проникновении в словарный состав английского языка тысяч французских слов, многие из которых выражали те же понятия, что и исконные.

Богатство синонимии в английском языке в значительной мере связано со смешением латинских, французских и исконных элементов. Высказывалось мнение, что в английском языке существуют синонимы для каждого уровня — общенародного, литературного, научного, хотя эту мысль не следует понимать буквально. Мысль о синонимии на 3-х уровнях заслуживает внимания и подтверждается следующими примерами:

rise — mount — ascend,
ask — question — interrogate,
goodness — virtue — probity,
fast — firm — secure,
fire — flame — conflagration,
fear — terror — trepidation,
holy — sacred — consecrated,
time — age — epoch.

В каждом из этих рядов из 3-х слов первое слово исконного, второе — французского и третье — латинского происхождения. Разница в стилистической окраске между английским и французским словом невелика, латинское слово имеет обычно более книжный характер. Очень важно, однако, установление различий в употреблении этих слов [43, pp. 225—226].

Зарубежные языковеды приводят примеры вытеснения французскими заимствованными элементами многих исконных слов и их архаизации. Так, французское слово *army* вытеснило 3 исконных слова *here* (*the harrying body*), употребляющееся англо-саксами применительно к датскому войску, *fiard* (*the travelling body* < др. англ. *fagan* «идти») и нейтральное *wegod* (*body of men*). Они были полностью заменены словом *army* лишь в XV ст. [43, p. 216].

Вместо слов *fri* (*sibb*), *wig*, *sige*, стали употребляться слова *peace*, *war*, *victory* [75, p. 34]. Слово *warrior* «воин» вытеснило исконное существительное *sepre* [84, pp. 200—201]. Высшим законодательным органом в Англии является не *witenagemot* «совет (собрание) мудрых», а *parliament* < франц. *parlement* «беседа», то есть «собрание говорящих».

Исконные слова *cynelic*, *cyne-stol*, *cyne-helm*, *cyne-gierd* были заменены словами: *royal*, *throne*, *diadem* или *crown*, *spectre* [84, p. 201]. *Dryhten* и *frea* были вытеснены франц. словом *prince*, хотя исконное *lord* сохранилось в английском языке [43, p. 216]. Французские слова *people* и *nation* заменили древнеанглийское

theod (ср. англ. thede, которое было распространено еще в XV ст. и в настоящее время сохранилось лишь в географических названиях, напр., Thetford — the people's public ford) [75, p. 34]. Древнеанглийское *saep* было вытеснено заимствованными словами *case* и *suit*. Древнеангл. *dēma* (judge), *dēman* (to judge) были заменены французскими словами, но слово *deem* все еще употребляется в значении «думать» или «иметь мнение», а *dom* сохранилось в переносном значении (ср. the day of doom, to meet one's doom). Также исчезли древнеангл. *cythere* (witness), *firen* (crime) и *sculdig* (guilty) [43, p. 216].

Слова французского происхождения *prison*, *justice* вытеснили исконные *rihtoew* и *swoertoern*.

Примеры замены слов бытовой лексики французскими синонимами встречаются реже (напр., *roog* — *earn*, *turn* — *wendan*) [88, p. 43].

После норманского завоевания, когда английский язык стал употребляться в художественной литературе, из французского языка было заимствовано большое количество слов, выражающих отвлеченные понятия (так называемая литературная лексика). Многие из этих заимствований стали употребляться вместо исконных слов, которые с течением времени были забыты, например: *ancestor* вместо *fore-elders*, *beauty* вместо *fairhood*, *caution* вместо *forewit*, *conscience* вместо *inwit*, *library* вместо *book-hoard*, *obstructive* вместо *hindbersome*, *remorse* вместо *ayenbite*, *arithmetic* вместо *time-craft*, *treasure* вместо *goldhoard*, *agriculture* вместо *earth-tilth*, *residence* вместо *wanstead*, *astronomy* вместо *starcraft* [73, p. 14].

Касаясь причины вытеснения одних синонимов другими, Бо усматривает ее в том, что людям в процессе языкового общения свойственно чувство экономии, заставляющее их отказываться от употребления одного слова, когда его функции полностью выполняет другое [43, p. 216]. После норманского завоевания в английском языке появилось много слов, употребляющихся в том же значении, что и исконные слова, и являющиеся их абсолютными синонимами (так называемые *uplications*). В некоторых случаях исчезло французское слово, хотя чаще подвергалось архаизации и выпадало из словарного состава исконное слово. Замена не всегда происходила сразу, часто оба слова продолжали употребляться бок о бок в течение более или менее длительного периода. В некоторых случаях английское слово, выпавшее из общенародного языка, сохраняется в местных диалектах. Так, древнеанглийское *eam*, которое было заменено в общенародном языке французским словом *uncle*, все еще употребительно в шотландском диалекте (*eme*). Древнеанглийское *ander* соревновалось с французским *envy* до эпохи Чосера, но вскоре вышло из употребления, а с ним выпали также прилагательное *andig* и глагол *andian* (to envy). Древнеангл. *blaed*

употреблялось наряду с франц. *flower* до XIII ст., слово *bleo* «цвет» сохраняется в диалектах в форме *blee*. К обиходной лексике относятся слова, которые подверглись архаизации и были заменены французскими элементами *eldu* (age), *adl* (disease), *lof* (praise), *lyft* (air), *wlite* (beauty), *wuldor* (glory) и прилагательные *hold* (gracious), *earn* (poor), *slithe* (cruel), *gescynde* (natural), *wuldrig* (glorious), *wlitig* (beautiful).

По-видимому, архаизация слова приводит в дальнейшем к архаизации его производных (см. некоторые из вышеприведенных примеров — *wuldor* — *wuldrig*, *wlite* — *wlitig*). Архаизации подвергся ряд исконно английских глаголов, вытесненных соответствующими заимствованными словами (напр. *andettan* (confess), *beorgan* (preserve), *buildan* (defend), *elnian* (encourage), *dihtan* (compose), *flitan* (contend), *healsian* (implore), *eanian* (reward), *belifan* (remain), *miltan* (pity)). Не все исчезнувшие древнеанглийские слова были вытеснены французскими эквивалентами. Некоторые из них выпали под влиянием более или менее омонимичных слов древнеанглийского происхождения. Многие слова утратили употребительность независимо друг от друга [43, p. 216—217]. Тем не менее, проникновение огромного количества французских заимствований привело к тому, что место многих утраченных английских слов было занято французскими элементами.

Французские заимствования часто становились в определенные взаимоотношения с синонимичными словами и выражениями исконной лексики и подвергались процессу смысловой или стилистической дифференциации, существуя в английском языке в качестве синонимов, напр. *town* и *city*, *work* и *labour*, *body* и *corps*, *ghost* и *spirit*, *room* и *chamber*, *begin* и *commence*, *end* и *finish* [65, S. 23].

Существительные и прилагательные часто сочетаются парами: *foe* — *enemy*, *hostile* — *inimical*, *home* — *domicile*, *homely* — *domestic*, *unlikely* — *improbable*, *bold* — *courageous*. Иногда романское прилагательное придано исконному существительному, напр. *bovine* — *ox*, *oval* — *egg*; глаголы также сочетаются часто парами, напр., *cast out* — *eject*, *be* — *exist*, *buy back* — *redeem* [73, p. 71].

Благодаря заимствованию большого количества французских элементов в английском языке возникли слова, выражающие самые тонкие оттенки мысли, например: *wish* — *desire*, *luck* — *fortune*, *bloom* — *flower*, *bough* — *branch*, *folk* — *people*, *storm* — *tempest*, *deed* — *act*, *blessing* — *benediction*, *freedom* — *liberty*, *speech* — *language*, *beg* — *pray*, *heal* — *cure*.

Английские и французские синонимы могут выражать одинаковые понятия, но иметь несколько разные оттенки и ассоциации.

В XV ст. *heartly* и *cordial* употреблялись применительно к чувствам, которые, как полагали, «идут от сердца». Этимологи-

чески они оба происходят от английского и латинского слова, обозначающего «сердце», и сохранились в английском языке, однако их значения подверглись некоторой дифференциации: hearty имеет оттенок энергичного, сильного чувства, cordial выражает более спокойное или условное проявление чувства, ср. hearty, welcome, cordial reception [43, p. 217].

Показательным для дифференциации синонимов является группа слов, обозначающих понятие «запах». В древнеанглийском языке в этом значении обычно употреблялось слово stench. В течение среднеанглийского периода его заменило слово smell (неизвестного происхождения) и французские существительные aroma, odour и scent. К ним можно добавить синонимы stink, perfume, fragrance французского происхождения. Основным словом синонимичного ряда стало smell, тогда как остальные связаны с определенными ассоциациями, положительными или отрицательными, причем stench стало обозначать «неприятный запах».

Интересными примерами, иллюстрирующими дифференциацию исконных и французских синонимов, служат слова: ox, sheep, swine и calf наряду с французскими эквивалентами beef, mutton, pork и veal, которые во французском языке служат названиями самих животных, а в английском языке с самого начала обозначают мясо из этих животных (известный отрывок из «Ivanhoe» В. Скотта, в котором упоминается это различие, не выдерживает критики с лингвистической точки зрения, так как слово beef появляется в английском языке лишь с 1300 г.).

Другими примерами дифференциации являются house и франц. mansion, might и power, ask — demand, shun — avoid, seeth — boil.

В большинстве случаев различие между исконными и заимствованными синонимами возникло постепенно, но оно оправдывает сохранение обоих слов в языке [43, p. 217—218].

Поток заимствованных слов, не прекращающийся и в современном языке, приводит к возникновению синонимов, часть которых не подверглась еще дифференциации. Так, по мнению Брэндера, в английском языке не оправдано существование существительных hangar, impasse, resumé, поскольку имеются исконные и заимствованные слова в том же значении: shed, blind alley, summary [49, p. 13].

Английские слова нередко являются более выразительными, эмоционально насыщенными и конкретными, чем синонимичные им романские элементы, ср. freedom — liberty, friendship — amity, happiness — felicity, depth — profundity, love — charity [75, p. 20].

В некоторых случаях заимствованное слово вытеснило исконное слово на положении малоупотребительного синонима, ср. beautiful — fair (в значении «красивый»), valley — dale, divide — cleave, forest — wold, tremble — quake, joyous — blithe, sulphur —

brimstone, forestry — woodcraft, mercury — quicksilver, mirror — looking-glass.

Тот факт, заимствовано ли слово или является исконным, также не может определить его употребительности в синонимичном ряду. Как уже указывалось выше, в ряде случаев заимствованные французские слова, передающие жизненно важные понятия, вытеснили соответствующие английские слова, став единственными выразителями определенных понятий (напр., judge, parliament, state, peace, river, mountain и т. д.).

Употребительность заимствованных слов в синонимичном ряду обуславливается рядом факторов, из которых главными являются значимость выражаемых ими понятий, степень и полнота их ассимиляции в языке, соотношение их с исконной лексикой, определяемое особенностями их развития в лексической системе языка и выражающееся в их смысловой или стилистической дифференциации.

Зарубежные лингвисты глубоко не исследуют проблему синонимии исконных и заимствованных романских элементов на основе анализа языковых памятников, не указывают причины вытеснения и архаизации тех или иных слов, сохранения и приобретения общенародной употребительности другими синонимами. Явления синонимии заимствованных элементов рассматриваются в работах зарубежных лингвистов вне связи с процессом их лексического усвоения в английском языке.

Проблема лексической ассимиляции французских заимствований в зарубежном языкознании

В течение многих столетий английский язык постоянно прибегал к заимствованиям и, благодаря процессу ассимиляции, успешно усвоил тысячи слов французского происхождения. Вопрос о лексической ассимиляции французских заимствований слабо разработан зарубежными лингвистами, которые основное внимание уделяли фономорфологическому усвоению иноязычных слов. Термин «лексическая ассимиляция» отсутствует в зарубежном языкознании.

В отдельных работах встречаются разрозненные замечания о развитии словообразовательной продуктивности иноязычных слов, об особенностях их многозначности и приобретении ими общенародной употребительности. Авторы, затрагивающие эту проблему, не исследуют особенностей лексической ассимиляции заимствованных слов на основе анализа их развития в письменных памятниках, не устанавливают закономерностей этого процесса.

Прибегая к образному сравнению английского языка с плавильной печью, Мэк Найт указывает, что в английскую лексику поступали элементы разного происхождения. Некоторые из них

еще полностью не переплавились, то есть еще не совсем усвоены языком и ощущаются говорящим, как иноязычные элементы.

Большинство заимствований подверглось усвоению, вследствие чего их иноязычное происхождение может обнаружить лишь опытный языковед, они выражают жизненно важные понятия [71, р. 160].

Некоторые языковеды отмечают, что французские ранние заимствования, как правило, были полностью усвоены английским языком, например: *conquer, convey, rebuke, rehearse* [61, р. 39], их иноязычное происхождение забыто.

Скит [78, в. II, р. 171] и Несфильд [73, pp. 35—36] делят французские заимствования на 3 периода:

I. Слова, заимствованные до 1350 г., которые ничем не отличаются от исконной лексики и пользуются такой же употребительностью.

II. Слова центральнофранцузского происхождения, заимствованные в период с 1350 по 1660 гг.

III. Поздние французские заимствования, попавшие в английский язык после 1660 г. Слова последней группы, по мнению Несфильда, менее ценны для английского языка по сравнению с лексикой первых двух слов. Дело, однако, не в относительной ценности ранних и поздних заимствований, а в разной степени их лексической ассимиляции.

Среднеанглийский язык не только пассивно заимствовал французские слова, он использовал их как средство активного пополнения словарного состава [61, р. 40].

Весьма показательным для лексической ассимиляции заимствованных слов является развитие у них способности к словообразованию в заимствовавшем их языке.

Французские заимствования со временем получают возможность образовывать новые слова по имеющимся в языке словообразовательным моделям и подчиняются наиболее продуктивным способам словообразования английского языка: словосложению, аффиксации, конверсии.

Способность к словообразованию является не менее важным, чем способность к заимствованию, так как язык должен быть в состоянии увеличивать словарный состав с помощью своих собственных ресурсов.

Противопоставление этих двух способов пополнения словарного состава неправильно, так как заимствованные слова в процессе их лексической ассимиляции служат базой для создания новых слов: они образуют композиты путем сочетания с исконными словами, от них возникают производные вследствие добавления к ним исконных аффиксов, а также посредством конверсии (бессуффиксального производства).

Заимствованные слова входят в состав композитов в сочетании с исконными элементами, например: *window-pane, table-cloth,*

faint-hearted, simple-minded, Saturday, birth-place, bell-flower, candle-stick, stair-case, groundstand, cocktail, fire-place [71, p. 161].

Томмерель пишет, что многие французские слова приобрели способность сочетаться с английскими словами, выражая при этом одно понятие, то есть у них возникла способность к словосложению. В качестве примеров он приводит следующие сложные слова: *commonwealth, waistcoat, handkerchief*, в которых этимологическое значение французских компонентов в значительной степени поблекло, и в ряде случаев произошла фонетическая трансформация слов: *souvre-chief* превратилась в *kerchief* [83, p. 114]. Но Томмерель не рассматривает способности заимствованных слов к словосложению с точки зрения их ассимиляции в английском языке, а считает ее лишь результатом сближения англо-саксонского и франко-норманского языков. Таким образом, он не ставит вопроса об ассимиляции французских заимствований и ее закономерностях и, приводя отдельные примеры их усвоения, не дает им правильного толкования.

Томмерель, рассматривая влияние французского языка на английскую лексику, указывает, что уже в среднеанглийский период многие французские слова стали сочетаться с английскими суффиксами (*dom, tul, hood, ish, less, ness, ship, some* и др.), которые он неправильно называет окончаниями.

«Сочетая английские суффиксы с иностранными словами, — пишет Томмерель, — язык придавал этим словам своеобразный национальный оттенок, например, *dukedom, falsehood, feverish* и др.». [83, p. 114].

Давая подобное объяснение, Томмерель не вскрывает сущности данного явления, не понимает, что сочетаемость французских заимствованных слов с английскими средствами словообразования показательна для степени их ассимиляции в языке.

Ассимиляция перешедших в английский язык французских заимствований проявляется в так называемых гибридных образованиях (гибридизмах): *around, besiege, because, undervalue, overturn* и др. [65, S. 23].

Наличие французских слов с английскими аффиксами в среднеанглийский период указывает на то, что эти слова воспринимались как составные элементы (*Bestandteile*) английского языка.

Сочетание исконных префиксов и суффиксов с романскими корнями свидетельствует, по мнению Мэк Найта, о тесной связи между иноязычными и исконными элементами, например, в словах: *unruly, bashful, misplace, outrival, outcry, overcharge, outline, outmeasure, by-product, finest, forceful, napkin, beautiful,*

painting, falsehood, priesthood, uncivil, overturn, undermine [71, p. 161].

Нельзя согласиться с высказыванием Сарджентсон о том, что «...иностранные слова, однажды заимствованные английским языком, всегда свободно сочетались с исконно английскими суффиксами» [79, p. 22].

В действительности сочетаемость французских слов с исконно английскими словообразовательными элементами в начальный период их бытования в языке была весьма ограниченной и увеличивалась в процессе их ассимиляции языком.

По мнению Бо, ассимиляция французских слов характеризуется скоростью, с которой многие из них стали основой словопроизводства. Английские суффиксы, по-видимому, добавлялись к ним с такой же свободой, как и к английским словам. Например, прилагательное *gentle* встречается впервые в 1225 г., а через 5 лет оно входит в состав сложного слова в сочетании с английским существительным, образуя композит *gentlewoman* (1230 г.). Позднее обнаружены слова *gentleman*, *gentleness* (1300) и *gently* (1330).

Все эти композиты и производные встречаются на протяжении одного столетия после их заимствования английским языком. Также быстро возникли производные от слова *faith*, *faithless* и *faithful* (1300), *faithfully* (1362) и *faithfulness* (1388), а также арх. *faithly* (1325).

Суффикс наречия *ly*, указывает Бо, по-видимому, добавлялся к прилагательным, как только они появлялись в языке. Наречия *commonly*, *courteously*, *eagerly*, *feebly*, *fiercely*, *justly*, *peacefully* и много других встречаются почти одновременно с прилагательными, от которых они образованы, тогда как *faintly* случайно сохранилось в памятниках раньше, чем *faint*. Гибридные формы — французский корень с английским префиксом или суффиксом (*chasthed* (*chastity*), *lecherness*, *debonairship*, *poorness*, *becatch*, *ungracious*, *overpraising*, *forscald*) встречаются очень рано (в основном до 1250 г.).

Исходя из вышеизложенного, Бо делает вывод, что французские заимствования быстро ассимилировались и легко сливались с исконными элементами в английском языке [43, p. 215—216].

Взгляды Бо и Сарджентсон о быстром росте словообразовательной продуктивности французских заимствований, в частности, о почти немедленном образовании гибридных производных от заимствованных элементов не подтверждаются многочисленными языковыми фактами. Исконные суффиксы встречаются в сочетании со многими словами французского происхождения лишь после значительного промежутка времени (100—200 лет), после того как эти слова попадают в английский язык.

Так, слово *peace*, заимствованное в XII в., начинает образовывать производные лишь в начале XIV ст. (*peaceful* — первое употребление отмечено в ПЕД лишь 1300 годом, *peacefulness* — 1600 г., *peaceless* — 1522 г.).

Слово *amour*, заимствованное в конце XIII ст., встречается в сочетании с германскими суффиксами лишь в конце XIV и в начале XV ст.

Некоторые суффиксы, например: *ness*, *dom*, *ship*, *hood*, *ism*, *less*, *ing* — начинают широко сочетаться с заимствованными французскими существительными лишь в новоанглийский период, например, в словах *courtliness*, *defencelessness*, *stateliness*, *chiefdom*, *councillorship*, *justicehood*, *courtship*, *courtless* и другие слова.

Зарубежные языковеды детально не исследуют развития словообразовательной продуктивности французских заимствований, развития многозначности гибридных производных и их употребительности в английском языке, в связи с чем их выводы по данному вопросу нередко являются необоснованными.

Дерокиньи указывает, что явления конверсии заимствованных слов характерны для английского языка, поскольку словообразование получило в нем большее развитие по сравнению с французским. От заимствованного существительного нередко образовывается соответствующий глагол, тогда как французский язык ограничивался описательным оборотом (срав. англ. *to degress* и франц. *faire digression*) [54, p. 12].

Дерокиньи приводит многочисленные случаи метафорического употребления отыменных глаголов, многие из которых возникли путем конверсии французских существительных, а также глаголов с послелогоми, и отмечает, что практически между английской лексикой и заимствованными словами нет никакой разницы, ср. *a sound is echoed back*, *a lady coquettes it*, *she is squired about*, *you court-martial or county-court a man*, *a man is ordered off*, *a woman may be spirited away*, *you pay off a debt or pass off wares*, *something turns up*, *a player declares off*, *you jest a contradictor out of countenance*, *money is fooled away*, *a girl cries her eyes out* [54, p. 11].

Проф. Айненкель приводит случаи адъективации заимствованных французских существительных (ср. примеры, взятые им из среднеанглийских текстов в среднеанглийский период): *a traitor sin*, *cheef cite*, *a coward ape*, *felon look*, *the frere prechoures*, *queen sorceress*, *laurel victory*, *rascal dogs*.

В среднеанглийский период распространены также случаи частичной субстантивации прилагательных французского происхождения, выражающих коллективное понятие, например: *rich and poor*, *the just* и другие [55, II, S. 12]. Айненкель не рассматривает случаев полной и частичной адъективации фран-

цузских существительных как следствие их подчинения закономерностям развития английской лексики.

Особенности развития многозначности французских заимствований слабо исследованы в работах зарубежных языковедов.

Касаясь судьбы заимствованных слов в английском языке, шведский лексиколог Штерн пишет: «Зачастую неясно, какие значения они принесли с собой в английский язык, какие значения они приобрели благодаря внутреннему развитию в английском языке и какие были заимствованы от их иностранных стереотипов» [82, р. 13].

Зарубежные языковеды не учитывают, что развитие многозначности заимствований определяется закономерностями, которые господствуют в области семантики английского языка в разные периоды его развития, и показательно для их лексической ассимиляции.

Особенности этой ассимиляции сказываются в том, что французские слова обычно переходят в английский язык лишь частью или даже в одном из тех значений, которыми они обладали в языке-источнике. В своем дальнейшем смысловом развитии, попав в совершенно новое лексическое окружение, они отрываются от родственной им лексики, нередко теряют внутренний образ, лежащий в их основе и также свое первичное этимологическое значение, то есть подвергаются деэтимологизации, в дальнейшем у них появляются новые номинативные, номинативно-производные и фразеологически связанные значения, возникшие на основе метонимического и метафорического переноса, которые отсутствуют у соответствующих слов во французском языке.

Некоторые из этих значений отражают особенности исторической, культурной и экономической жизни Англии, другие возникли в результате семантической дифференциации заимствований с исконной лексикой. В плане лексической ассимиляции особого внимания заслуживает вопрос о сочетаемости заимствованных слов со словами исконной лексики, которая находится в прямой зависимости от развития у них новых переносных значений, и вхождении их в состав устойчивых фразеологических единиц. Этот вопрос не разработан в зарубежном языкознании.

Немецкий лексиколог Файст в диссертации «Исследования по вопросу об усвоении французских заимствований в среднеанглийском языке» рассматривает развитие семантики отдельных слов, выражающих понятия из области государственного управления, военного дела и судопроизводства.

Файст не рассматривает отношений заимствованных слов с синонимичной исконной лексикой, не сопоставляет и не сравнивает развития значений иноязычных элементов в английском

языке с их развитием во французском языке, что дало бы ему возможность вскрыть особенности их лексической ассимиляции. Объясняется это тем, что Файст вообще не ставит вопроса о лексической ассимиляции заимствований.

Слова, приведенные Файстом, являются примером того, как французские заимствования теряли свой терминологический характер и приобретали в английском языке широкий круг значений (например, слова *allow*, *extent*, *control*, означавшие вначале понятия, связанные с деятельностью казначейства, или существительные *order*, *ruler*, которые вначале были религиозными терминами). Утрата заимствованными словами терминологического характера и приобретение ими общенародной употребительности — один из важных признаков их лексической ассимиляции в английском языке.

Поттер приводит пример сужения значений в словах, заимствованных из французского языка — *King's counsel* «королевский адвокат». К судье часто обращались: *Young Honour* (ср. *young grace*, *young majesty* и т. д.) [75, p. 21].

Наблюдаются случаи ухудшения значения французских заимствований, заключающиеся в приобретении отрицательных смысловых оттенков словами с первоначальным нейтральным значением. Так, слово *epornity*, прежде означавшее «безмерность», «громадность», «большая величина», в настоящее время приобрело значения «безобразие», «гнусное преступление»; слово *notorious* «отъявленный», «закоренелый» прежде употреблялось в значении «известный», которое перешло к прилагательному *notable*. *Varlet* «плут» прежде означало «слуга».

Точно также можно было бы привести ряд примеров расширения и облагораживания значений французских и прочих заимствований, поскольку последние в их семантическом развитии подчиняются тем же закономерностям, что и исконная лексика.

Анализируя семантическое развитие заимствованных слов в английском языке, Мэк Найт отмечает, что в результате смысловой дифференциации исконной лексики и французских заимствований последние употребляются лишь в одном из тех значений, которыми они обладают в языке-источнике.

В следующих примерах подчеркнуты значения, отсутствующие у соответствующих слов в английском языке:

английский	французский	
<i>advise</i>	<i>avis</i>	совет, <i>мнение</i>
<i>agreement</i>	<i>agrement</i>	соглашение, <i>приятность, удовольствие</i>
<i>alter</i>	<i>alterer</i>	изменять, <i>вредить, портить</i>
<i>ancient</i>	<i>ancien</i>	древний, <i>старый</i>
<i>appointment</i>	<i>appointment</i>	<i>жалованье</i>
<i>arrest</i>	<i>arrêter</i>	арестовывать, <i>останавливать</i>
<i>assist</i>	<i>assister</i>	помогать, <i>присутствовать</i>

английский

французский

assurance	assurance	уверенность, <i>безопасность</i>
bachelor	bachelier	молодой жених, <i>выпускник лицея</i>
bounty	bonté	<i>доброта, одолжение</i>
brave	brave	<i>храбрый, честный, хороший</i>
command	commander	<i>командовать, приказывать</i>
conscience	conscience	<i>совесть, сознание, сознательность</i>
confectionary	confections	<i>предметы одежды</i>
demand	demander	<i>требовать, спрашивать</i>
defend	defendre	<i>защищать, запрещать</i>
embrace	embracer	<i>обнимать, целовать</i>
feast	ête	<i>праздник, торжество</i>
fierce	fier	<i>гордый</i>
foil	feuille	<i>лист</i>
grand	grand	<i>великий, большой</i>
herb	herbe	<i>трава</i>
jolly	joly	<i>красивый</i>
journey	journée	<i>день, дневная работа</i>
large	large	<i>широкий</i>
march	marcher	<i>ходить, маршировать</i> [71, p. 134—135].

Мэк Найт объясняет подобное смысловое различие только разным смысловым окружением и не анализирует их с точки зрения лексической ассимиляции заимствованных слов.

У некоторых поздних французских заимствований возникают в английском языке значения, отсутствующие у соответствующих слов во французском языке.

Так, от заимствованного слова *encore* «еще» был образован глагол *to encore* «вызывать на бис». Во французском языке в этом значении употребляется глагол *bis*.

Слово *depot* в США часто употребляется в значении «железнодорожная станция», тогда как во Франции его обычное значение «склад», «депо».

Брэндер рассматривает подобные случаи не в плане лексической ассимиляции французских заимствований, а как следствие неправильного употребления французских слов.

Некоторые лингвисты стремятся проследить влияние французского языка на английскую фразеологию.

Оно сказалось в создании многочисленных устойчивых словосочетаний, возникших путем калькирования (полного или частичного) соответствующих французских оборотов, например, *to draw near*, *to hold one's place*, *to do justice*, *to make believe*, *hand to hand*, *on the point of*, *according to*, *subject to*, *at large*, *by heart*, *in vain*, *without fail* [43, pp. 110—111].

Совершенно не исследовано в зарубежном языкознании приобретение заимствованными словами способности входить в состав устойчивых словосочетаний, что является важным признаком их лексической ассимиляции в языке (ср. *to be half the battle* «быть залогом успеха», *to take counsel of one's pillow* «не

принимать поспешных решений», to run the danger «подвергаться опасности», to win the chief «добиться победы» и др.).

При заимствовании иноязычных слов наблюдается утрата прежних смысловых связей, вследствие их этимологической и лексической немотивированности они часто сближаются в звуковом и смысловом отношении со словами исконной лексики, имеющими с ними какое-то внешнее сходство, т. е. подвергаются процессу так называемой народной этимологии.

В отдельных работах зарубежных языковедов рассматриваются явления народной этимологии в словах французского происхождения.

Слова, заимствованные английским языком, подчиняются его лексической системе. В современную эпоху возможности народной этимологии или народного словообразования более ограничены по сравнению с более ранним периодом. Особенно большое развитие получило народное словообразование в течение первых трех столетий после норманского завоевания. Консервативные факторы в развитии языка — образование, литературная традиция и авторитет общенародного диалекта — в период от норманского завоевания до эпохи Чосера не играли существенной роли, поскольку обучение не велось на английском языке, литературная традиция была нарушена, диалект каждого района развивался самостоятельно [61, р. 48].

Значительное количество ранних французских заимствований подвергалось народной этимологии в английском языке. Примерами таких слов служат: gingerbread < франц. gingimbrat, salt cellar < франц. saliére, carry-all < франц. carriole; pent-house < франц. pentisse, culprit < франц. culpable prest.

Путем ошибочного сближения слова asparagus с исконным spragow возник композит spragow-grass. Слово ravenous, которое по всей видимости происходит от существительного raven, в действительности образовано от старофранцузского ravinos < < лат. rapina. В основе народной этимологии лежит стремление связать незнакомые слова с уже известными исконными и заимствованными лексическими элементами. На слово sovereign (старофранц. soverain) повлияло reign; riband (старофранц. riban неизвестного происхождения), ассоциировалось со словом band, заимствованным из французского языка; глагол surround (лат. superondere «заливать», onda «волна») был ошибочно связан со словом round, в результате чего его значение совершенно изменилось.

Слово curtail (старофранц. cortalde < франц. court, герм. ald) употреблялось в отношении лошадей с отрезанными хвостами и стало ассоциироваться с существительным tail.

Слово cutlet (франц. côtelette) не связано с глаголом cut, а происходит от латинского costa «ребро»; на прилагательное gentle, заимствованное несколько раз английским языком, по-

влият глагол *jaunt* «гулять», в связи с чем возникло слово *jaunty* «веселый», «игривый». *Country-dance* представляет собой первоначально композит *contre-dance* (*contre* «напротив»). Народной этимологии подверглись многие названия растений и животных. Так, *mushroom* этимологически совершенно не связано со словом *room* и происходит от старофранцузского *moucheiron* < *mousse* (мох).

Crayfish и *crawfish* представляют собой две стадии процесса народной этимологии. Это слово попадает в английский язык в среднеанглийский период в форме *crevice*. Его последний элемент сперва был преобразован в *fish*, а затем его первый элемент принял форму *craw*, чтобы увязать ее с глаголом, обозначающим передвижение рака [71, p. 186].

В последних двух случаях меняется только произношение и орфография слова, тогда как значение его остается прежним. Иногда заимствованные слова сближаются со словами исконной лексики не только в звуковом, но и в смысловом отношении, что фактически приводит к созданию нового слова. Так, старофранцузское слово *belfray* < др. нем. *bergvit*, вначале употреблявшееся в значении «башня» в английском языке, было ошибочно сближено со словом *bell* и стало обозначать колокольню.

Слово *standart* происходит от франц. *estendart* < лат. *extendere* «расстилать», «развертывать» и поэтому первоначально употреблялось применительно к флагу. Впоследствии у него возникли новые значения «образец», «модель», «стандарт». Это слово ошибочно ассимилировалось с глаголом *stand* и приобрело также значения «подставка», «подпора», «стойка».

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что народная этимология влияет на развитие семантики заимствованных элементов. В ряде случаев мы вправе говорить о народной этимологии как одном из путей пополнения английского словарного состава, о ее словообразовательной роли. Зарубежные языковеды не обращают внимания на эту сторону народной этимологии, трактуя ее в первую очередь как фонетический процесс и не увязывая с лексической ассимиляцией заимствованных слов.

Значительно меньшее распространение получила народная этимология в современном английском языке. Некоторые слова, созданные народной этимологией от французских заимствований, представляют собой случайные образования с юмористическим оттенком. В качестве примера можно привести отдельные географические названия, подвергшиеся действию народной этимологии в языке английских солдат, находившихся во Франции во время первой мировой войны, напр., *Devil woods* вместо *Delville woods*, *Moo Cow Farm* вместо *Mouquet Farm*, *Wipers* вместо *Ypres*, *Bully Ruffian* вместо *Bellerophon* [71, p.

180]. Туристы, которые путешествовали в карете *char-à-banc*, стали называться *cherry-bangers*.

Несколько иными причинами вызываются явления «ученой» или «ложной» этимологии, заключающиеся в преднамеренном преобразовании французских слов по латинским образцам, например, слова, употребляемые у Чосера, *desryve*, *parfit*, *verdit*, впоследствии приняли форму *describe*, *perfect* и *verdict*. Вместо *peynture*, стало употребляться слово *picture*, вместо *avis* — *advise* и вместо *aventure* — *adventure*. Вставка *l* в словах *fault*, *assault*, *cauldron*, отсутствующая в их ранних формах, заимствованных из французского языка, объясняется стремлением привести английские слова в соответствие с латинскими оригиналами. То же относится и к вставке буквосочетания *qu* в слове *liquor* (прежде *licour*, *licor*), *ure* в *leisure*, *pleasure* (раньше *loisir*, *plaisir*) и *s* в слове *scissors* (среднеангл. *sisoures*). Слова *dette* и *doute* приняли форму *debt* и *doubt*, *vittles* стало писаться *victuals*, но согласные *b* и *k* в них не произносятся.

Некоторые из этих преобразований являются результатом установления ошибочной этимологии слова. Так, например, среднеанглийское *island* неправильно ассоциировалось с лат. *insula*. Слова, употребительные у Чосера, *avantage* и *ava(u)pse* < франц. *avant* < лат. *ab+ante* были преобразованы в *abvantage* и *advance*, так как ученые ошибочно полагали, что эти заимствования происходят от латинских слов, содержащих суффикс *ad* [75, p. 45].

Форма слова *сogroal* также основана на ложной этимологии. Оно образовано от лат. *сарogal* < лат. *сарut* «голова»; франц. *сарogal* в английском языке приняло форму *сogroal* под влиянием лат. *соgrus* «тело» или слова *соgrs*. В основе процесса народной и ученой этимологии, по мнению Мэк Найта, лежит стремление к единообразию в языке [71, p. 188]. Явления народной и ученой этимологии французских заимствований рассматриваются в зарубежной лингвистике вне связи с их лексической ассимиляцией в английском языке.

Проблема синонимии и лексической ассимиляции французских заимствований в английском языке в трудах советских лингвистов

Разработка проблемы лексической ассимиляции французских заимствований начата и успешно развивается в советском языкознании. Этот вопрос отличается большой сложностью, и его исследование является далеко не исчерпанным.

Идею о необходимости анализа заимствованной лексики с точки зрения степени ее ассимиляции выдвигает проф. Б. А. Ильиш. Сравнивая между собой 3 слова — *room*, *table* и *fête*,

проф. Ильиш указывает, что с точки зрения исторического анализа слово *goom* составит одну группу, а слова *table* и *fête*—другую, так как *goom* унаследовано от англо-саксонского периода, а остальные два заимствованы из французского языка. С точки зрения анализа английской лексики в ее современном состоянии разделение получится другое: слова *goom* и *table* попадут в одну группу, а *fête* в другую, так как для современного сознания *goom* и *table* в совершенно одинаковой степени являются английскими словами, независимо от их исторического происхождения, а *fête*, конечно, признается как иностранное слово. Анализ английской лексики с этой точки зрения еще не произведен [26, стр. 306—307].

А. Кунин говорит о полной ассимиляции французских слов, попавших в английский язык до 1650 г., в отличие от более поздних заимствований. Однако он еще трактует ассимиляцию в основном как процесс подчинения заимствований закономерностям звукового строя и системы ударения английского языка [31, стр. 31].

В. Д. Аракин отмечает, что процесс ассимиляции французских слов, начавшийся вскоре после норманского завоевания, все время разрастался и достиг своего расцвета в XIV в., а затем пошел на убыль. Этот процесс, продолжавшийся около 300 лет, привел к тому, что словарный состав английского языка значительно пополнился словами из норманского диалекта французского языка [6, стр. 31]. В данном высказывании В. Д. Аракина ассимиляция заимствованных слов фактически отождествляется с их вхождением в лексическую систему английского языка. Поскольку заимствование большинства французских слов произошло в XIV в., их ассимиляция лишь началась в указанный период и могла пойти на убыль значительно позднее, когда эти слова уже были усвоены английским языком.

Отмечая, что большинство французских заимствований, в отличие от скандинавских, остались на периферии словарного состава и по своим фонетическим и структурным особенностям выделяются в словарном составе английского языка, проф. А. И. Смирницкий пишет, что некоторые слова с течением времени стали общеупотребительными и повседневными, напр.: *face, gay, hour, ink, joy, letter, money, pen, people, peace, place, plate, river, several, table, very*. При этом проф. Смирницкий подчеркивает, что подобные слова становились общеупотребительными не сразу, а с течением долгого времени [37, стр. 252].

В. Д. Аракин также указывает, что, несмотря на наличие множества французских слов в английском языке XII—XIII вв., лишь сравнительно небольшое число их стало тогда общеупотребительным и общепонятным [6, стр. 32].

Вопрос о том, когда данные заимствования стали общеупотребительными и были усвоены английским языком и каким

образом происходил этот процесс, В. Д. Аракиным подробно не исследуется.

По мнению Н. Н. Амосовой, французский язык обогатил устойчивое ядро лексики английского языка, по-видимому, значительно больше, чем латинский язык. Она приводит значительное количество французских элементов, относящихся к различным частям речи и заимствованных в среднеанглийский период, которые являются максимально ассимилировавшимися в английском языке, например: *affair, age, aunt, autumn, beauty, beast, car, cattle, chair, change, choice, city, coat, coin* и многие другие [5, стр. 177—180].

Характеризуя особенности ассимиляции заимствованных слов в английском языке, Н. Н. Амосова указывает, что он принимает иноязычные лексические элементы вовсе не пассивно, а наоборот, в нем постоянно происходит процесс отбора притекающего из других языков лексического материала. С одной стороны, английский язык усваивает те иноязычные элементы, которые в ходе употребления оказываются полезными, определенным образом обогащающими его словарный состав. В то же время английский язык вытесняет и отсеивает те из них, которые показали себя лишними, так как они были вызваны к жизни утратившими впоследствии свое значение реалиями, условиями или определенным языковым обычаем, характерным для какого-то ограниченного периода времени [5, стр. 189].

Н. Н. Амосова рассматривает заимствованные слова по их отношению к исходному языку и по степени их ассимиляции в английском языке. По линии отношения к исходному языку она различает полные заимствования, сохраняющие в основном неизменными присущую им звуковую форму и значение, напр., *bavardage, belle-etage, blase, bravo, eau-de-Cologne, puance, protégé, tête-à-tête* [5, стр. 190], и относительные, обнаруживающие полный смысловой и частичный или полный формальный отрыв от своего прототипа в исходном языке, напр. *advise*, «совет» (из старофранц. *avis*, «мнение», образованное из предложной группы *à vis*, «на взгляд»); *ague*, «лихорадка» от франц. *aigu* (очевидно взято из словосочетания *fièvre ague*, «горячка», букв «острая лихорадка»); *to avoid* от ст. франц. *esvuidier*, «опустошать», «опорожнять» и др. [5, стр. 195—196].

Таким образом, подлинно прямыми заимствованиями следует считать как раз такие, которые по степени их ассимиляции в новом языке являются ощутимо чужеродными телами и ограничены в своем употреблении, т. е. слабо или совсем не ассимилированы языком.

По степени ассимиляции Н. Н. Амосова различает «исконнообразные» заимствования, т. е. слова, совершенно «не ощущаемые как иноязычные элементы и «специализированные», т. е. так или иначе ограниченные определенной сферой употребления.

Последнюю группу Н. Н. Амосова подразделяет на «книжные» слова, характерной чертой которых является их отчетливая книжно-литературная окраска (к ним, напр., относятся многочисленные заимствования из французского и классических языков: *acumen, adolescence, to adulterate, to aggravate, bias, to blaspheme, credo*), а также на термины иноязычного происхождения (напр., в медицине слова классического происхождения *adenosis, bionosis, caleculus, lotion* и другие) [5, ст. 209].

Наконец, Н. Н. Амосова выделяет так называемые слова «местного колорита», выражающие понятия, связанные исключительно с реалиями быта, идеологией, социальной системой той страны, из языка которой они пришли, напр., *carthagnole, maguis, mistral* (франц.), *wigwam* (из алгонкинского), *squaw* (из наррангасетского) и слова исторического колорита, напр. *fogum, gladiator, toga* (лат.) [5, стр. 209].

Слова местного и исторического колорита являются явно чужеродными вкраплениями в словарном составе английского языка.

Н. Н. Амосова правильно берет за основу своей классификации степень употребительности слова в языке, поскольку расширение, распространение слова тесно связано с утратой им своих иноязычных признаков. Однако, вызывает возражение само название «исконнообразные заимствования», так как с точки зрения современного языка едва ли можно говорить о сходстве этих слов с исконными элементами; для языкового сознания никакой разницы между ними нет. По нашему мнению, правильнее говорить о полностью ассимилированных (усвоенных), частично усвоенных (недоусвоенных) и неусвоенных заимствованиях.

С другой стороны, классификация заимствований только по степени их функциональной употребительности явно недостаточна. В основу определения степени лексической ассимиляции и при выработке ее критериев следует положить языковые факторы такие, как приобретение заимствованными словами словообразовательной продуктивности (т. е. их подчинение наиболее продуктивным способам словообразования), особенности семантического развития заимствованных слов, связанного с одной стороны, с воздействием всей лексической системы языка на их семантическую структуру и проявляющегося прежде всего в смысловой и стилистической дифференциации заимствований с исконными и другими заимствованными синонимами и, с другой стороны, с влиянием исторических, экономических и прочих условий развития данной страны на семантику иноязычной лексики. Конкретно такое влияние (языковое и внеязыковое) проявляется в появлении у заимствованных слов значений, отличных от значений их исходных прототипов в другом языке. Появление новых значений — прямых и переносных приводит к изменению (обычно расширению) сочетаемости слова в данном языке, к при-

обретению им способности входить сперва в свободные, а затем устойчивые словосочетания.

Итак, лексическая ассимиляция охватывает все стороны лексического развития заимствованного слова и является следствием воздействия на него лексической системы языка, приводящего в конечном счете к преобразованию его по закономерностям развития словарного состава.

Несомненный интерес представляет трактовка проф. А. А. Белецким проблемы лексической ассимиляции заимствованных слов, которую он рассматривает как длительный процесс приспособления различных по своему происхождению элементов словарного состава данного языка к его грамматическому строю, в частности, к существующим в данном языке словообразовательным отношениям.

По мнению проф. Белецкого, лексическая ассимиляция обнаруживается в сферах фонетики, морфологии, семантики и этимологии. Одним из наиболее заметных проявлений лексической ассимиляции в каком-либо языке можно считать так называемую народную этимологию или рэтимологизацию, которая обусловлена существующим у говорящих на данном языке стремлением сделать ясной этимологическую структуру заимствованных слов путем установления их связи с хорошо знакомыми словами данного языка.

Таким образом, сущность народной этимологии сводится к нарушению прежних внешних или внутренних генетических связей и установлению новых связей, определяемых данной языковой системой.

В числе важнейших критериев лексической ассимиляции слова А. А. Белецкий считает его продуктивность, под которой подразумевается сочетаемость с морфемами и словами данного языка.

Следует оговориться, что мы не включаем особенностей фонеморфологического (формального) усвоения слова в понятие лексическая ассимиляция. Хотя все аспекты ассимиляции (фонетический, морфологический, орфографический, лексический) представляют по существу разные стороны одного и того же явления и тесно связаны между собой, причем ведущую роль играет лексический аспект, каждый из них имеет свои особенности, свои закономерности.

В. Д. Аракин кратко рассматривает этимологию, семантику и в ряде случаев развитие словообразовательной продуктивности отдельных слов из области управления страной, судопроизводства, военного дела, школьного обучения и культуры, а также домашнего быта: *government, exchequer, power, country, people, crime, damage, penalty, army, soldier, lieutenant, officer, captain, science, lesson, pencil, dinner, supper* и др. [6, стр. 297—301].

Наблюдения В. Д. Аракина над особенностями лексического развития французских заимствований основаны на анализе языковых и исторических фактов, рассматриваемых им в тесной связи и, несмотря на свою краткость, представляют несомненный интерес для филолога. Так, например, от исследуемых слов в английском языке возник ряд производных слов и композитов, некоторые из которых указаны В. Д. Аракиным (country — countryman «соотечественник», «земляк»; country-dance «контрданс» (вид танца); country-side «сельская местность»; war-warfare «военный поход», «ведение войны»; man-of-war «воин», «боец», «военный корабль»; government — governmental «правительственный» и др [6, стр. 297—300].

Отмечая, что полностью ассимилированные заимствования включаются в английскую словообразовательную систему посредством всех тех способов и средств словообразования, которые являются продуктивными, И. В. Арнольд приводит наречия с исконным суффиксом -ly, прилагательные на -ful и -less и абстрактные существительные на -ness, -ship, -dom, также свободно образованные от французских основ, как и от исконных, напр.: nicely, pleasantly, cheerful, beautiful, powerless, gentleness, companionship и т. д.

Английские префиксы: un-, fore-, over-, be- также присоединяются к основам заимствованных слов: unaided, unavoidable, unconscious, forecast, overcharge, bergraise и т. д.

По мнению Арнольд, количество гибридов в английском языке значительно превышает их количество в других языках [8, стр. 232—233].

Вопрос о гибридных образованиях, представляющих собой сочетания романских основ с исконным аффиксом, затронут также А. Куниным (напр., unemployed, unoccupied, dukedom, martyrdom, artful, colourless, powerful, costly, princely, courtly, stately, troublesome и др.), который справедливо рассматривает гибридность как одну из характерных черт английской лексики.

Во многих случаях у слов, заимствованных из французского языка, имеется больше производных в английском, чем во французском языке. Так, например, от mutin образовано только два производных во французском языке (mutiner и mutinerie), а в английском языке существует не менее четырех производных от этого слова (mutineer, mutinous, mutinously, mutinousness), не считая двух архаичных форм (mutine у Шекспира и mutinize).

Проф. А. И. Смирницкий приводит случай конверсии, обусловленные параллельными заимствованиями из французского языка, и случаи конверсии, возникшие на базе одного французского заимствования в самом английском языке. К параллельным заимствованиям от одной и той же основы, которые в системе английского языка, будучи оформлены парадигмами раз-

личных частей речи, стали в отношении конверсии, принадлежат honour «честь» (старофранц. honur, honour) — to honour «почитать» (старофранц. honoger); labour «работа», «труд» (старофранц. labour) — to labour «трудиться» (старофранц. labourer); note «заметка», «записка», «нота» (старофранц. note) — to note «замечать», «записывать» (старофранц. poter) и т. д. [37, стр. 253].

По мнению Н. Н. Амосовой, нельзя ставить знак равенства между фактом конверсии и омонимией глагола и существительного, поскольку конверсия есть способ словообразования, но не есть состояние тождества форм. Так, например, тождество существительного и глагола bag представляет собой не продукт конверсивного словообразования, а результат исторически сложившегося совпадения ранее различавшихся слов: среднеангл. глагол baggen < старофранц. bagger и среднеангл. существительное bagge < старофранц. bagge.

При рассмотрении развития английского языка в историческом аспекте рассуждения Н. Н. Амосовой вполне обоснованы. Однако не следует забывать, что с точки зрения современного языка и те и другие пары слов имеют одинаковую фонетическую, грамматическую и лексическую характеристику и принципиально ничем не отличаются друг от друга.

Представляет интерес высказывание А. Кунина о том, что много слов, сохранившихся в английском языке, подверглось архаизации во французском языке, например: chime «звон колоколов» < старофранц. chimble, cimble < лат. cymbalum от греч. kymbalon «цимбалы»; dismal < старофранц. dis mal < < лат. dies mali «плохие дни»; trump «козырь» (в картах) < < франц. triumph «карточная игра»; lamproon «памфлет», «сатира» первоначально означало «застольная песня с припевом lampons — «выпьем!» (совр. франц. lamper «пить» представляет собою слово, употребительное главным образом в диалектах) [31, р. 41—42].

Сравнивая значение заимствованного слова с тем, какое оно имело в языке, откуда оно пришло, И. В. Арнольд указывает, что в заимствовавшем языке слово сохраняет лишь часть своих значений, часто одно и притом не основное, а производное и нередко становится термином. Французское слово marcher «ходить» дает march «маршировать», термин первоначально военный. Приобретение словом значения, которого оно не имело в другом языке, происходит редко и объясняется дальнейшим развитием значения в заимствовавшем языке, с утратой первоначального значения. Так, французское слово tenez «держите», употреблявшееся при игре в теннис, дало название этому виду спорта.

Степень ассимиляции заимствования зависит от исторических условий развития каждого конкретного слова, т. е. от вре-

мени заимствования, характера заимствования, коммуникативной значимости слова [31, стр. 237—238]. Трактую ассимиляцию заимствований как подчинение их грамматическому, фонетическому и семантическому строю языка, И. В. Арнольд не включает в это понятие развитие словообразовательной продуктивности иноязычных элементов и их сочетаемость с исконной лексикой. Между тем последние моменты играют, как уже выше указано, важную роль при определении степени полноты ассимиляции заимствований. Из ее работы не совсем ясно, что же следует считать критериями семантической ассимиляции, как определить, усвоено ли слово в отношении его семантики.

Важное значение имеет указание И. В. Арнольд о том, что при изучении и анализе иноязычных слов внимание исследователя должно быть обращено на их эволюцию после заимствования и изменения в исконных словах, вызванных ими [31, стр. 237—238].

Рассматривая лексическую ассимиляцию французских заимствований в английском языке XVII—XVIII вв., М. В. Брофман отмечает, что отдельные французские слова при усвоении их английским языком сохранили значения, присущие их этимонам и не развили в английском языке новых значений. Это относится, в основном, к терминам и интернациональным словам. Ассимиляция же большей части слов протекала путем развития одного и больше новых значений. М. В. Брофман выделяет большую группу заимствованных слов, предельно ассимилированных языком. Критерием предельно ассимилированного слова М. В. Брофман считает приобретение словом совершенно новых значений, не свойственных его этимону. Многие французские заимствования XVII—XVIII вв. приобрели в английском языке новые значения, отсутствующие у французского слова в современном французском языке [15, стр. 3—4]. В качестве примеров М. В. Брофман приводит слова, относящиеся к различным областям деятельности — общественно-политической жизни: *aristocrat*, *commune*, *democrat*, *guillotine*, *regime*, *terrorism*; к военному делу: *attack*, *campaign*, *recruit*; к научной терминологии: *acoustic*, *gramme*, *parachute*; к области искусства: *attitude*, *concert*; заимствования, характеризующие быт и нравы господствующих классов: *amusement*, *ball*, *compliment*.

Многие французские заимствования ассимилировались в английском языке путем развития одного и более новых значений, не присущих их этимонам. Так, слово *aristocrat* приобретает в английском языке новое значение «господствующая олигархия», значение, противопоставляющее его слову *democrat*. Слово *democrat* в США с 1798 г. означает «член демократической партии» и противопоставляется слову *republican* «член республиканской партии». Ему присуще еще одно значение «легкий открытый экипаж», называвшийся раньше *democratic wagon*.

Развитие новых значений французских заимствований шло не только по линии увеличения их количества, но и по линии их уточнения и изменения, нередко развиваясь от частного к общему. Так, *parachute* начинает в XVIII в. обозначать любое приспособление, предохраняющее предмет от последствий удара, падения, разрыва. Другие слова приобретают новые метафорически образные значения, например, *guillotine* приобретает в Англии значение «метод сокращения, обсуждения законопроекта в парламенте», а в США — «ропуск правительственных чиновников после выборов президента». Французские слова получают новые значения и вследствие метонимических переносов. Так, слово *apartment* приобретает в английском языке, помимо значения «квартира», «комната», «королевские покои», также новое значение — «прием у короля» [15, стр. 7—8 и 27].

М. В. Брофман указывает, что ассимилированные английским языком слова служат базой для образования многочисленных производных слов и свободно сочетаются со словами исконной лексики. Однако, развитие их словообразовательной продуктивности, их соотношение с синонимичной лексикой М. В. Брофманом не исследовано.

Вопрос о синонимии французских заимствований и исконной лексики освещен Н. Н. Амосовой. Английский язык в XII—XIII вв. усвоил большое количество французских слов, вытеснивших из употребления равнозначные английские слова (напр., древнеангл. *unþore* «безнадежность» — *despair*; древнеангл. *tholemodnes* «терпение» — *patience*; древнеангл. *сугган*, среднеангл. *churren* — «изменять» — *to change* и т. д.) либо принесших с собой новые для английского народа понятия (напр., *chair*, *lieutenant*, *Parliament*, *influence* и т. п.), либо ставших в синонимические отношения к равнозначным английским словам (напр., *happiness* — *felicity*, среднеангл. *felicitee*, старофр. *felicite* «счастье», «удачливость»; *to help*, древнеангл. *helpan* — *to aid*, старофр. *aider* «помогать»; *weak*, древнеангл. *wice* «слабый» — *feeble*, старофр. *foible* «плачевный», «жалкий»; *wise* «способ»; древнеангл. *wise* «способ» — *maner*, среднеангл. *manere*, старофр. *maniere* «способ»).

Часть слов семантически размежевалась с ранее совпадавшими с ними по значению английскими словами, также сохранившимися в языке (напр., существ. *room*, древнеангл. *gim* «пространство», «место» стало означать «комната», тогда как прежнее его значение стало выражаться заимствованными словами *place*, старофр. *place* «место», позднее *space* < старофр. *espace* «пространство») [5, стр. 124—125].

Примеры вытеснения самых употребительных исконных слов французскими синонимами приведены Б. А. Ильишем. Так, например, французское слово *rivière* «река» вытеснило слово *ēa*, французское слово *montagne* «гора» — слово *beorg*, французское

слово *paiz* «мир»—слово *frith*. В отдельных случаях такому вытеснению могли способствовать особые слова: например, древнеанглийское название реки *ĕa* приобрело в среднеанглийском звук *e*; слово, состоявшее из одного звука, очевидно, слабо сопротивлялось проникновению гораздо более крепкого в звуковом отношении французского слова. Проф. Б. А. Ильиш признает, что в других случаях могли действовать другие дополнительные факторы, которые не всегда вполне ясны [25, стр. 168].

Рассматривая синонимичные романо-германские пары, проф. И. А. Грузинская замечает, что синонимические слова далеко не всегда являются равнозначными по своему значению; большей частью они выражают различные оттенки одного и того же понятия, различную эмоциональную его окраску, или смежные, близкие друг другу понятия.

Например, синонимы *scholar* — *schoolboy* — *pupil* — *disciple* неравноценны; они отражают близкие понятия, но обычно употребляются в различных ситуациях. Говоря об ученике-школьнике, мы должны употреблять слово *schoolboy* или *pupil*, слово *disciple* здесь никак употреблено быть не может. Но если мы будем иметь в виду учеников и последователей какого-нибудь философа, то мы назовем их *pupils* или *disciples*, но никак не *schoolboys*.

Синонимы *baby* — *child* — *infant* — тоже неравноценны, но несколько по-иному; вместо слова *baby*, всегда можно поставить слово *child*, но при этом изменится эмоциональная окраска слова: *child* более официальное, менее интимное, чем *baby*, название для совсем маленького ребенка.

Слово же *infant*, будучи в истоке своем равным слову *child* по значению (франц. *enfant*=*child*), постепенно в процессе развития значения специализировалось и уже в современном языке обозначает несовершеннолетнее с юридической точки зрения лицо. Если же встречаются случаи употребления слова *infant* в значении *baby*, то обычно или в произведении приподнятого поэтического стиля, или со слегка ироническим оттенком [21, стр. 82—83].

В качестве одного из приемов ассимиляции заимствованных слов, указанных В. Д. Аракиным, было их объяснение с помощью синонимов исконного английского происхождения, напр., *safe and sound* «цел и невредим» (ср. с таким же приемом ассимиляции классических заимствований).

Такое употребление синонимических пар, вызванное необходимостью сделать понятным, уточнить значение французского слова, превращается затем в стилистический прием, которым широко пользовались писатели XV—XVII и последующих веков.

В XVIII в. ряд парных синонимов сохраняется в языке, превратившись в устойчивые словосочетания, напр.: *with might and main* «изо всех сил», «что есть силы»; *really and truly* «дей-

ствительно», *proud and haughty* «гордец»; *by leaps and bounds* «прыжками» [6, стр. 32].

Анализируя парные синонимы в повести Диккенса «*The Cricket on the Hearth*», И. А. Грузинская отмечает, что доминирующим заданием этих синонимов является необходимость избежать повторения одного и того же слова либо усиление данного понятия (напр. *freshness and novelty, steadier and former* и т. д.).

Синонимические группы иногда настолько спаяны между собой, что образуют так называемые «застывшие комбинации» — парные выражения, употребляющиеся всегда в языке именно в таком сочетании. Некоторые из них, кроме того, еще заключают в себе аллитерацию, т. е. созвучие: *hurry — skurry, helter — skelter, calm и quiet, packages and parcels*.

В произведении Диккенса встречаются также не аллитерирующие застывшие (или имеющие тенденцию стать таковыми) пары *trust and confidence, honest and true, singly and alone, quaint and odd, look and glance* [21, стр. 88—89].

Проникновение значительного количества слов французского происхождения в английский язык, синонимичных исконным словам, зачастую приводит к изменению значений последних. Изменение значения английского слова происходит примерно через 50—100 лет после вхождения в язык иностранного синонима. Старое значение существовало еще 100—200 лет после появления нового значения, но в конце концов исчезало, вытесняемое не только прочно утвердившимся к тому времени французским синонимом, но и своим новым собственным значением. Так, после появления в XIV в. французских синонимов *garment, habit и gown*, исконное слово *shroud* продолжает означать «одежда», «покров». Однако оно (*shroud*) неприменимо к одежде французского покроя, и в XVI в. от значения «покров» принимает значение «саван». Старые значения *shroud* «одежда», «приют», «покров» вымирают в XVII в. [24, стр. 168].

Проф. Б. А. Ильиш отмечает, что иногда слово французского происхождения вытесняет исконный синоним в другую сферу значения. Так, например, древнеанглийское существительное *haerfest*, обозначавшее «осень», было вытеснено в этом значении среднеанглийским *autumn* (из французского *automne*), но сохранилось в английском языке в виде *harvest* в значении «урожай». Древнеанглийское *gebed* «молитва» было вытеснено в этом значении французским существительным *preiere*, которое закрепилось в среднеанглийском языке в виде *preiere*, нов.-англ. *praye*. Однако, в связи с тем, что счет прочитанных молитв велся при помощи четок, исконное слово приобрело значение «четки», которое затем перешло в значение «бусы» [25, стр. 168].

М. В. Брофман вкратце останавливается на вопросе синонимии в связи с заимствованием слов из французского языка.

Синонимы, возникшие в результате заимствования, очень важны, так как они помогают выражать нужные оттенки, не выражавшиеся средствами родного языка до заимствования. Некоторые французские слова, вошедшие в английский язык в XVII—XVIII вв., например, *attitude, pose, posture* и др., не имеют ни исконных, ни латинских синонимов, с другой стороны, некоторые французские заимствования XV—XVIII вв. вытеснены английскими синонимами. Так, например, французское слово *to attrist*, зарегистрированное в английском языке в 1680 г., было вытеснено английским словом *to sadden*, а *assation* (1605 г.) — английскими синонимами *roasting, baking*. В большинстве случаев между исконными и французскими синонимами произошла дифференциация, вследствие чего английское слово становится более разговорным, а французское более литературным, напр.: *talk — converse, match — adapt, fun — amusement, leave — abandon, carriage — chariot, fun — entertainment, room — apartment* и т. д. [16, стр. 28—31].

Хотя приведенные положения М. В. Брофман не вызывают возражений, вопрос о синонимии подробно им не разработан применительно к более поздним французским заимствованиям. Проблема синонимии исконных и заимствованных слов по-прежнему остается одной из наименее исследованных областей английской лексикологии.

Проблема ассимиляции французских заимствований XIX в. рассматривается И. М. Крейн в ее кандидатской диссертации. Под ассимиляцией понимается степень приближения заимствованного слова к свойствам исконного слова английской лексики. Однако, как показывает предложенная И. М. Крейн система критериев, соответствие или несоответствие которым определяет степень ассимиляции заимствований, автор трактует процесс усвоения иноязычных слов с точки зрения преобразования фоно-морфологической структуры, подчинения закономерностям звукового строя и морфологии английского языка и приобретения ими английской орфографии¹.

На основании статистического подсчета, исходя из данных критериев, И. М. Крейн² считает, что 51% французских заимствований XIX в. являются полностью или частично ассимилированными.

И. М. Крейн подменяет вопрос о лексической ассимиляции французских заимствований вопросом об активности слова в

¹ Ср., напр., перечисленные им критерии — фонемный состав, комбинации фонем, ударение, система графического оформления, способ образования множественного числа, изменяемость, способ образования степеней сравнения, форма инфинитива, способ образования причастия прошедшего времени.

² Описание его методики см. в автореферате данной работы [39, стр. 11—14].

языке, которую она искусственно отрывает и противопоставляет первой. Под активностью слова в языке И. М. Крейн понимает полисемию, наличие производных, способность к образованию фразеологических единиц и в речи — частоту использования. При этом она неверно утверждает, что в отношении активности в языке и в речи исконная и заимствованная лексика в принципе ничем не отличаются. Противореча самой себе, И. М. Крейн тут же приводит результаты исследования французских заимствований XIX в., показавшие, что только 2% этих заимствований имеют 4—5 производных, 11% — 1—3 производных, 87% не обладают словообразовательной способностью. Ни одно из заимствований XIX в. не вошло в состав фразеологических единиц. По данным БОС, ни одно из французских заимствований XIX в. не развило новых значений [30]. Объяснения этим фактам И. М. Крейн не дает, отмечая лишь то обстоятельство, что словарь обычно с некоторым опозданием фиксирует в языке изменения, происходящие в речи. Таким образом, между активностью (в понимании И. М. Крейна) французских заимствований и исконных слов ставить знак равенства нельзя.

По нашему мнению, слова, не обладающие признаками, характеризующими их лексическое усвоение в языке, и отличающиеся в этом отношении от исконных слов, принадлежащих к тем же семантическим сферам, нельзя считать полностью или значительно ассимилированными. И. М. Крейн не исследует вопрос о том, какова взаимосвязь между употребительностью слова и его фонеморфологическим усвоением, хотя она признает наличие такой зависимости. Несомненно, степень его общенародной употребительности, важность выражаемых им понятий в большой степени определяет скорость и полноту фонеморфологического усвоения слова.

ПРОБЛЕМА СКАНДИНАВСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Скандинавское завоевание Англии и его последствия

К концу древнеанглийского периода английский язык подвергся мощному влиянию скандинавского языка.

По силе влияния на английский язык древнескандинавские диалекты занимают 4-е место (после французского, латинского и греческого языков) и первое место среди языков германской группы.

Скандинавские заимствования связаны с нашествием викингов в VIII—XI столетиях и их поселениями в различных частях страны, но еще в большей степени являются следствием мирных контактов англичан и скандинавов в течение XI и XII столетий [79, р. 61].

Бо различает 3 периода скандинавского нашествия на Англию:

I период начинается согласно англо-саксонской хронике в 787 г. и продолжается с некоторыми перерывами до 850 г. [43, р. 103]. Первые письменные сведения о набегах викингов на Англию даны англо-саксонской хроникой 787 г., которая сообщает: «...В эти дни прибыли три корабля норманов (Northmen) из Гересалэнда (Here thaland)». Это были первые датские корабли, появившиеся в Англии [79, р. 61]. Набеги этого периода проводились в основном с целью грабежа городов и монастырей, расположенных на восточном побережье.

II период скандинавского нашествия (850—878) характеризуется действиями большого количества войск, ожесточенными боями, грабежами и созданием значительного числа скандинавских поселений во всех частях страны [47, р. 154]. С середины IX ст. началось систематическое завоевание Англии скандинавами [64, р. 57]. Нападения стали более частыми, охватывая обширные районы. Борьба шла с переменным успехом. После захвата Восточной части Англии скандинавы приступили к завоеванию Уэссекса.

После семилетней борьбы, в течение которой за победами неизменно следовали временные поражения, король Альфред

был вынужден с небольшим отрядом воинов скрываться в болотах Самерсета. Но даже в этом тяжелом положении победила храбрость и настойчивость Альфреда. Со свежими силами он внезапно напал на датскую армию под командованием Гутрума (Guthrum) под Estandun (теперь Edington в Вельтшире) и разбил ее в 878 г. С подписанием Уэдморского договора в том же году завершился второй период скандинавского нашествия. Уэссекс был спасен от скандинавского вторжения. Однако скандинавы не покинули Англию [43, р. 109]. Согласно Уэдморскому договору король Альфред уступал скандинавам около 2/3 всей английской территории [71, р. 100] — всю Нортумбрию, всю область East Anglia и половину центральной Англии — эти земли попали под сферу действия датского закона и назывались Danelaw [64, р. 57]. После заключения Уэдморского мира вооруженные столкновения прекратились, и в течение некоторого времени скандинавы занимались сельским хозяйством, торговлей, строительством городов.

III период скандинавского вторжения продолжался с 878 г. по 1042 г.

Уэдморский договор не покончил со скандинавским нашествием. Гусрум был склонен его постоянно нарушать, что приводило к новым столкновениям. При сыне Альфреда Эдуарде старшем (900—925 гг.) и внуке Ательстане (925—939 гг.) англичане провели ряд контрударов, вынудивших скандинавов перейти к обороне. Однако к концу X ст., когда проблема отражения скандинавского нашествия была, казалось, окончательно решена, началось новое, еще более мощное вторжение скандинавских завоевателей [43, р. 109].

В 991 г., как сообщает англо-саксонская хроника, скандинавский флот, состоящий из 93 кораблей под командованием Олафа Трувасона вошел в устье Темзы и осадил Лондон [47, р. 154]. Вторжение все больше расширялось. В 994 г. к Олафу, вскоре ставшему королем Норвегии, присоединился Свейн, король Дании.

Борьба закончилась в 1016 г., когда вся территория была поделена между английским королем Эдмундом и датским королем Кнутом. После смерти Эдмунда в том же году Кнут стал королем всей Англии, а также Дании и Норвегии [43, р. 110].

В течение последующих 25 лет Англия находилась под властью скандинавских королей. Естественно, набеги скандинавов полностью прекратились. Многие скандинавы навсегда переселились в Англию.

Показательно в этом отношении, что свыше 1400 названий населенных пунктов в Англии скандинавского происхождения. Большая часть из них, естественно, находилась на севере и на востоке страны, так как именно здесь селились в основном скандинавы, участвовавшие в нашествии. Большинство новых

поселенцев были датчане, хотя на северо-западе Англии существовали крупные норвежские поселения, особенно в районах Камберлэнда и Уэстморлэнда. На присутствие большой скандинавской прослойки среди английского населения указывают не только географические названия, но и особенности организации поместий местного управления и т. д.

Большое значение имеет то обстоятельство, что район East Midlands, диалект которого лег в основу английского общенародного языка, находился в пределах Danelaw, т. е. был подвержен скандинавскому влиянию [61, p. 32].

Убедительным доказательством существования многочисленных скандинавских поселений в Англии является большое число населенных пунктов и местностей, в состав которых входят скандинавские элементы.

Свыше 600 названий городов и деревень в Англии содержат скандинавский элемент *by* «город», «деревня»: Grimsby, Whitby, Appleby, Nase—by, Somer—by, Rug—by, Thores—by и др.

Слово *dal* «долина» употребляется в составе Avondale, Searidale, Lonsdale, Danesdale и т. д.; *force*, *foss* (водопад) в Foss-dyke, Foss-way, Scale-force, Stock-gillforce, Foss-bury.

Около ста названий населенных пунктов оканчивается на *toft*, имевшее в древнескандинавском языке примерно то же значение, что и *thwaite* «участок земли» (Lowestoft и др.). *Whick*, *wick*—«залив», «бухта», откуда и слово *viking*, прослеживается в составе слов Ipswich, Greenwich, Wicklow и др.

Отношения двух языков

Отношения между двумя языками в районах, заселенных датчанами, могут быть освещены лишь предположительно, а не на основе точных данных.

По мнению Линделефа, нельзя точно установить, как долго скандинавские диалекты сохраняли свою употребительность в Англии. Еще в XI—XII ст. в Англии встречаются рунические надписи, но в XII в. большинство из них писалось на английском языке [67, S. 56]. Существовали общины, в которых датский и норвежский языки оставались употребительными в течение долгого времени. Вплоть до норманского нашествия скандинавский язык в Англии постоянно возобновлялся в результате завоеваний и торговли. В районах, где преобладал английский язык, несомненно, было много переселенцев, которые продолжали говорить на родном языке по меньшей мере до 1100 года.

Проф. А. И. Смирницкий по-новому рассматривает вопрос о соотношении исконных и скандинавских элементов. Английский язык и скандинавские языки, принесенные в Англию, были близко родственными и могли более или менее легко применять-

ся в одном и том же процессе общения. Подобное соотношение между языками А. И. Смирницкий называет потенциально-диалектным. Исходя из того, что английский язык и скандинавские языки в ту эпоху обладали особой степенью близости, Смирницкий высказывает вполне обоснованное предположение, что «потенциально-диалектные» отношения между ними сделались реально диалектными. Иначе говоря, в эпоху скандинавского завоевания правильнее говорить не о разных языках, а о разных диалектах одного и того же языка [37, стр. 247].

На основе вышесказанного А. И. Смирницкий делает важный вывод о том, что в случае взаимодействия английского языка со скандинавскими говорами мы имеем не заимствования в строгом и точном смысле этого слова, а взаимодействие между разнодиалектными единицами одного и того же языка в процессе регулярного общения между носителями. Поэтому те или иные слова проникали из скандинавских говоров не в силу того, что они были связаны с какими-либо новыми понятиями для англичан, а в силу того, что в процессе регулярного и массового общения между англичанами и скандинавами данные слова оказывались более удобными для адекватного выражения мыслей [37, стр. 248]. Такой подход А. И. Смирницкого к проблеме слов скандинавского происхождения в английском языке представляет собой дальнейшее творческое развитие данной проблемы и дает ключ к правильному пониманию многочисленных факторов тесного взаимодействия и взаимовлияния, которое существовало между сходными словами этих языков (или, правильнее говоря, диалектов). И. Ф. Жданова также утверждает, что едва ли правомочно рассматривать скандинавские слова, проникшие в английский язык и не бывшие проводниками новых понятий как заимствования, поскольку они и не заимствовались, а часто сами пробивали себе дорогу в упорной борьбе, в процессе скрещивания двух языков. Однако эта мысль не находит дальнейшего развития в диссертации И. Ф. Ждановой.

А. И. Смирницкий отмечает, что в подавляющем большинстве случаев происходило взаимодействие между английским и скандинавским диалектными вариантами в связи с их регулярным отождествлением как вариантами того же самого слова. В результате этого взаимодействия в языке появлялся третий вариант, совмещающий в себе черты обоих диалектных вариантов (английского и скандинавского). Напр., совр. англ. *ken* «знать» восходит к древнеангл. глаголу *seppan*, означавшему «оповестить», «объявить», значение же «знать» появилось у него под влиянием древнесканд. *keppa* «обучать», «знать» [37, стр. 248—249].

Сходство между английским и скандинавским языками в IX—XI ст. было гораздо большим, чем в современный период,

так как они ближе стояли к своему общему источнику и с тех пор прошли почти тысячелетний путь дифференциации, подвергаясь разным иноязычным влияниям (английский — французского, а датский — нижненемецкого языка [64, p. 60].

К числу слов, общих для обоих языков, относятся существительные: man, wife, father, folk, mother, house, thing, life, sorrow, winter, summer; глаголы — will, smile, ride, can, meet, come, bring, hear, think, stand, sit, set, spin; прилагательные и наречия — full, wise, well, better, best, mine, thine, over, under и т. д.

Едва ли возможно определить период и размеры скандинавского влияния, установив точное количество заимствованных слов, существующих в литературном английском языке. По мнению зарубежных авторов, английский язык заимствовал около 900 слов скандинавского происхождения, однако это число явно преувеличено. Как показывают примеры, подавляющее большинство слов скандинавского происхождения широко распространено в общенародной речи, многие из них служат названиями предметов, необходимых в обиходе.

Ряд языковедов отмечает чрезвычайную малочисленность скандинавских элементов в древнеанглийский и раннесреднеанглийский период.

В течение первого периода скандинавского заимствования до второго десятилетия XI в. в английский язык было введено очень мало слов скандинавского происхождения, судя по наличию их в письменных памятниках этого периода. Так, в словаре древнеанглийского языка Students' Dictionary of Anglo-Saxon Суита (Оксфорд, 1837) насчитывается до 1100 г. всего около пятидесяти слов скандинавского происхождения. По мнению Бо, в древнеанглийских памятниках употребляется не более сорока слов скандинавского происхождения. Причины такой малочисленности заключаются в том, что вначале отношения между англичанами и скандинавскими завоевателями были враждебными; между этими народностями отсутствовал постоянный контакт, и прошло некоторое время, прежде чем слова, которые англо-саксы узнали у своих бывших врагов, проникли в английский язык и литературу [43, p. 116].

Кроме того, произведения древнеанглийской литературы написаны, главным образом, на западно-саксонском диалекте (West-Saxon) и представляют собой язык той части Англии, где скандинавское влияние в силу определенных исторических причин не было значительным [45, p. 4].

Кларк трактует вопрос о численности скандинавских заимствований с несколько иной точки зрения. Для ранних скандинавских заимствований, пишет он, характерны две особенности: 1) хотя большинство из них, по-видимому, проникло в разговорный язык с IX по XI столетие, они появляются в большом

количестве в сохранившихся письменных памятниках только в XIII столетии [51, р. 20]. 2) Скандинавские элементы приобрели широкое распространение в областях, где не было многочисленных скандинавских поселений. Позднее появление в литературных памятниках скандинавских заимствований, которые, вероятно, проникли в разговорную речь на много столетий до их появления в литературных произведениях, свидетельствует о том, что литературный английский язык, в частности его словарный состав, возник не на основе древнеанглийской литературы, а на основе народной разговорной речи [51, р. 20] (подчеркнуто нами. — В. С.).

Проникновение скандинавских заимствований в английский язык, по-видимому, закончилось до 1250 г., по крайней мере на севере и востоке Англии. Отдельные скандинавские слова появились в южном диалекте английского языка значительно позднее [67, S. 56].

Скандинавские заимствования и их характер

Только после того, как датчане начали мирно селиться на острове и вступать в нормальные отношения с местным населением, английский язык стал заимствовать значительное количество скандинавских слов. Если рассмотреть основную массу этих слов с целью разделить их на классы и обнаружить таким образом, в каких областях мысли или практической деятельности скандинавы оказали влияние на английскую культуру, а, следовательно, и на английский язык, мы не добьемся значительных результатов. Цивилизация завоевателей была сходна с цивилизацией самих англичан или даже, возможно, находилась на еще более низком уровне.

Многие зарубежные языковеды, напр. Бо [43, р. 117], Мэк-Найт [71, р. 162], Гринаф и Китридж [59, р. 61] и Грум [61, р. 33] и др. приводят скандинавские заимствования в алфавитном порядке без попыток их классификации. Такой метод рассмотрения не является эффективным и свидетельствует о формальном подходе к изучению данной проблемы, хотя в какой-то степени он характеризует разнообразие скандинавских заимствований и их употребительность в повседневной речи. В числе существительных скандинавского происхождения упоминаются: axletree, band, bank, birth, boon, booth, brink, bull, dirt, egg, freckle, gait, gap, guess, hap, keel, kid, leg, link, loan, mire, reindeer, rift, root, scant, scrap, seat, sister, skill, slaughter, snare, stack, steak, swain, thrift, tidings, trust; в числе прилагательных: awkward, flat, rugged, sly, weak и др. Среди заимствованных слов имеется значительное количество глаголов: bait, clip, crave, crawl, droop, gape, gasp, get, give, glitter, lift, raise, rid, scare,

scowl, sreech, take, thrust, в том числе оканчивающихся на en (n), le (el), sk: batten, happen, hasten, liken, bustle, daggel, dangle, dazzle, dibble, draggle, ripple, shrivel, stifle, struggle, waggle и т. д.

Некоторые языковеды пытаются определить, к каким областям деятельности принадлежат ранние скандинавские заимствования и классифицируют их по этому признаку.

Помимо рассмотрения скандинавских заимствований по семантическому принципу М. Сарджентсон излагает их в хронологической последовательности и в связи с этим разделяет их на три периода: I период с 900 по 1016 год, для которого характерно заимствование лексики терминологического характера, II период — с 1016 по 1150 г. В памятниках этого периода обнаружено 83 слова скандинавского происхождения, относящихся в основном к общеупотребительной лексике. III период с 1150 по 1350 год, когда скандинавские заимствования самого разнообразного характера в большом количестве употребляются в среднеанглийских произведениях [79, р. 64—82].

Деление скандинавских заимствований по семантическому и хронологическому признаку имеется у других авторов (Есперсена, Бо, Поттера, Линделеффа и др.), которые однако не излагают этого вопроса так детально, как Сарджентсон. Давая характеристику ранним скандинавским заимствованиям, Бйоркман пишет, что слова скандинавского происхождения в древнеанглийский период, многие из которых отсутствуют в среднеанглийском языке, как правило, обозначали понятия, связанные с жизнью, бытом и общественным устройством скандинавов, и нередко носят терминологический характер [45, р. 5—6].

Скандинавские элементы в среднеанглийском языке не подвержены таким ограничениям, они относятся к лексике широко употребительной в обиходе, заимствование которой не предполагает введение новых предметов и идей [79, р. 65].

Таким образом, следует различать ранние и поздние слои скандинавских заимствований и отметить, что наиболее важный слой заимствований появляется лишь в среднеанглийский период.

К числу наиболее ранних заимствований, появившихся до 1016 г. в англо-саксонской хронике, в сборнике законов, в нортумбрийских текстах Lindesfarne, Rushwort Gospels и Durham Ritual относятся около 30 слов из области общественной жизни, законодательства и военного дела, характерных для общественного уклада скандинавов, названий лиц, а также небольшой группы слов, не поддающихся классификации.

В числе слов, обозначающих название лиц, следует упомянуть: feolaga, совр. fellow < сканд. felagi «тот, кто выкладывает деньги» (ср. fea в совр. англ. языке), т. е. «партнер», «соучастник в деле» [75, р. 13], затем «товарищ», «парень»; bonda,

husbonda, bunda «владелец дома»; совр. husband (ср. совр. англ. husbandman «хозяин дома»); dreng «воин», «парень», «товарищ» < др. сканд. drengr; drael «слуга», «раб», ср. совр. thrall < др. сканд. raell; utlaga (совр. outlaw) «находящийся вне закона» < др. сканд. utlagi, отсюда глагол utlegian.

К общественной жизни, законодательству и юридической терминологии относятся слова: by «жилище» (др. сканд. byr) сохранившееся в современном английском языке только в составе композита by—law «городской закон», за исключением многочисленных случаев его употребления в качестве географических названий в северной и восточной части страны; grith (др. сканд. grith) «перемирие», «мир»; lagu, совр. law (др. сканд. log, pl.), являющееся одним из наиболее употребительных заимствований в английском языке. Это слово распространено в указах, распоряжениях, особенно в областях, где действовала скандинавская система законов.

Соответствующее древнеанглийское слово было *oe* или *ow*, которое означало также «женитьба» и употреблялось в последнем значении до позднедревнеанглийского периода, пока не было вытеснено французским словом [64, р. 67—68].

В древнескандинавском языке дословное значение слова было «то, что положено» точно также, как в английском языке *doom* означало «то, что поставлено или положено» (ср. в латинском языке *statute* «то, что стоит») [75, р. 13].

Слово *waepen-taec* (*wapentake*) происходит от др. сканд. *varpa-tak*, совр. *wapentake*, дословно «взятые оружия». Это слово служило названием административного района, на который делились *ridings* или *thirdings* (третьи части) Йоркшира и Линкольншира вместо старого деления на *hundreds* или *sokes* [75, р. 14].

Как известно, за исключением слов *law*, *by-law*, *thrall* и *grave*, менее всего относящихся к юридической терминологии, скандинавские юридические термины исчезли из английского языка и были заменены французскими вследствие того, что норманские завоеватели взяли в свои руки правосудие в стране. Но их временное существование в языке является доказательством того, что скандинавские обычаи оказали влияние на жизнь тех районов, где число скандинавских поселенцев было велико [64, р. 63].

Отдельные слова, заимствованные во II период, являются названиями частей человеческого тела (напр. *calf*, *leg* или *skull*) и животных (*bull*, *kid*, *reindeer*).

Более важную группу образуют слова скандинавского происхождения, не относящиеся к определенной области деятельности. Приведем лишь те слова, которые сохранились в современном английском языке: *to call* < древнеангл. *ceallian* < древнесканд. *kalla*) «звать»; *knife* (среднеангл. *snif* < древнесканд.

knifr) «нож»; skin (раннесреднеангл. scinn < древнесканд. skinn) «шкура»; root (древнеангл. rot < древнесканд. rot) «корень»; loft < древнесканд. lopt, в древнеангл. языке употреблялось в значении «воздух» (древнеангл. lyft); в среднеанглийский период оно означало «верх», «верхняя комната» и употреблялось также в фразах on loft, bi loft (on high, aloft), совр. aloft.

В этот же период были заимствованы глаголы die < древнесканд. deya; hit (ср. англ. hittan, < древнесканд. hitta), которое встречается в его современном значении, начиная с XIV столетия, прежде этот глагол употреблялся в значении «напасть на к.-л.»; глагол tacaп < др. сканд. taka, которое к концу среднеанглийского периода полностью заменило древнеангл. piman, впервые обнаружено в хронике XI столетия.

В раннесреднеанглийский период в английскую лексику проникли также существительные скандинавского происхождения, относившиеся к торговой лексике — score (раннесреднеангл. scoru < древнесканд. scor) и sale (раннесреднеангл. sala < < древнесканд. sala) «продажа» [79, p. 73].

В раннесреднеанглийский период заимствованы также отдельные прилагательные из скандинавских языков: crooked (среднеангл. crocod от существ. crok, сканд. krokr) и gaggy (среднеангл. gaggig от древнесканд. существ. gagg «пучек», «клок»).

На основе рассмотрения обиходной лексики скандинавского происхождения нельзя сделать вывода о том, что скандинавы превосходили исконное население в какой-либо области деятельности, например, в строительном деле. Так, хотя англичане и заимствовали слово window < древнесканд. wind-auga, wind-eye «ветряный глаз», в древнеанглийском языке существовало другое слово в этом же значении, основанное на форме окна, напоминающей человеческий глаз — eap thyrel—eye-hole «глазное отверстие» (сравните англ. nostril «ноздря» < древнеангл. nos thyrel). Большинство европейских языков используют в этом значении лат. fenestra, откуда возникло немецкое Fenster (голл. Venster), которое также проникло в английский язык из французского и употреблялось в нем с 1200 по 1548 гг. В славянских языках слово «окно» также возникло из древнеславянского «око», «глаз» [64, p. 69].

К более поздним заимствованиям, относящимся к обиходной лексике, принадлежат существительные: sky, wing, anger, gate «дорога», «путь», «улица», слово, часто употребляющееся в городах северной Англии в названиях улиц; глаголы: thrive, cast, want, scare, scrape, scream. scrub, scowl, skulk, bask, drown, ransack; прилагательные: meek, low, scant, loose, odd, wrong, ill, ugly, rotten и др. К скандинавским заимствованиям относятся не только прилагательные с отрицательным смысловым оттен-

ком, о чем свидетельствует употребление таких слов, как *harry*, *seemly* и др.

Для скандинавских заимствований в среднеанглийский период характерны большая употребительность и широкое распространение в общенародной речи.

Служебные слова скандинавского происхождения в английском языке. К числу скандинавских заимствований принадлежат не только существительные, прилагательные и глаголы, но и местоимения, предлоги, наречия и даже форма глагола *to be-are*.

Перенос в английский язык определенного количества грамматических структурных элементов, называемых китайскими грамматиками «пустыми словами» и обычно не служащих объектом заимствования, свидетельствует о тесном слиянии этих языков [64, p. 71].

Из скандинавских языков заимствовано местоимение *they* и формы его косвенных падежей; местоимения *same*, *both*, *aloft*, *athwart*, *aye* (всегда) и *seemly*; местоименные наречия *hence*, *whence*, *thence*, вытеснившие среднеангл. формы *theonan*, *thanon*, *hwanon*; союз *though* «хотя», эквивалентный древнеангл. *theah*

Предлог *till* скандинавского происхождения в течение некоторого времени широко использовался в значении *to* (для выражения направления движения), а также в своем современном значении для выражения временных отношений. Вторым предлогом, заимствованным из скандинавского языка был *fro*, эквивалентный исконному *from* и сохранившийся в обороте *to and fro* [64, p. 71].

Семантические заимствования скандинавского происхождения

В некоторых случаях древнеанглийская форма сохранялась, но восприняла значение, закрепленное в скандинавском языке к соответствующему древнескандинавскому слову.

В этом смысле можно говорить о заимствовании не самих слов, а их значений.

Классифицируя заимствованные слова в зависимости от того, какой аспект слова сказывается новым для принимающего языка, подобные случаи можно отнести к семантическим заимствованиям.

Примерами могут служить среднеангл. *semen* «подходить», «быть пригодным» от древнесканд. *smā* в тех же значениях, тогда как древнеангл. *seman* означало «приходить к соглашению», «решать», «удовлетворять». Среднеангл. *ande* «дыхание» заимствовало свое значение от древнесканд. *andi*, тогда как древнеангл. *anda* означало «злоба», «зависть», «ненависть» [45, p. 8]. Древнеангл. слово *dream* вначале означало «радость»,

«музыка», его современное значение «сон» перешло от соответствующей скандинавской формы *draumr* (дат. *dröm*) [71, p. 102], старое значение *dream* сохраняется в течение среднеанглийского периода, но это слово употребляется в современном значении в *Haveloc the Dane* во II половине XIII ст. Заимствование скандинавских значений и закрепление их за соответствующими исконными словами характерно для слова *bread*, означавшего в древнеанглийском языке «кусочек», *plough* (в древнеангл. «мера земли»), *bloom* (древнеангл. *bloma* «слиток металла»), ср. современное значение *bloom* в металлургии [64, p. 64].

Древнеанглийское *freond* означало «друг», тогда как древнескандинавское *froendi*, *froende* употреблялось в значении «сородич», «соплеменник». В *Oggtulur* и других среднеанглийских текстах это слово иногда имеет скандинавское значение, которое прослеживается вплоть до настоящего времени в шотландских и американских диалектах.

Древнеанглийское *dwellan* или *dwelian* «блуждать», «медлить» под влиянием древнескандинавского *dwelja* «жить» употребляется в последнем значении в современном английском языке. Древнеангл. *holm* означало «океан», но современное его значение «островок», «мель» заимствовано из скандинавского языка [64, p. 65].

Во всех этих случаях семантика исконных слов подверглась изменениям под влиянием соответствующих скандинавских элементов и вследствие этого многие английские слова стали выражать совершенно новые понятия. Таким образом в звуковом отношении эти слова восходят к древнеанглийскому, а в семантическом — к скандинавскому языку.

Из скандинавского языка был заимствован ряд слов, настолько сходных исконной лексике, что они вскоре ассоциировались с ней в сознании говорящих и даже в отдельных случаях более точно выражали определенные понятия, чем соответствующие исконные слова. Так, в древнеанглийском языке существовали слова *death* и *dead*, но соответствующими глаголами были *steorfan* или *sweltan*. По-видимому, сканд. *deya* легче ассоциировалось с существительным и прилагательным, чем исконные глаголы, вследствие чего оно закрепилось в английском языке (среднеангл. *deyen*, совр. *die*), тогда как *sweltan* было забыто, а *steorfan*, совр. *starve* приобрело более узкое значение «голодать», «умирать от голода». *Soete* (совр. англ. *seat*) было заимствовано, поскольку оно ассоциировалось с глаголами *to sit* и *to set*. Иногда скандинавы вдыхали новую жизнь в исконные архаичные слова. Глагол *blend* «смешивать» сохранил свою употребительность в результате скандинавского влияния, так как *blaunden* очень редко прослеживается в древнеанглийском языке. Таким же образом объясняется существование в языке слов *gun*, *rim* [64 p. 65—66].

Поздние скандинавские заимствования

Современный английский язык заимствовал значительно меньшее количество скандинавских слов по сравнению с более ранним периодом. К числу более поздних скандинавских заимствований относятся слова *batten*, *billow*, *blight*, *clumsy*, *doze*, которые проникли в литературный английский язык из северных и восточных диалектов.

В XIX ст. были заимствованы: *vole* (1805), сперва как *vole mouse*; *floe*, *pag* (глагол); *palstave* (в 1851 г. как археологический термин), «*ski*» лыжи (1885). Сюда не включены слова, являющиеся названиями предметов, характерных для Скандинавии, Исландии, напр., *magram* «трава», *maelstrom* «морское течение», *guillemot* «кайра» (птица—XVII ст.); *desman* «выпухоль» от шведского *desman gatta* (XVIII ст.) *hogqual* (особый вид кита, 1827) и *storthing* (1834) «шведский парламент».

Явления синонимии скандинавской и исконной лексики

В связи с тем, что скандинавские заимствования не выражали каких-либо новых понятий, еще неизвестных англо-саксам, это приводило к следующим трем процессам: 1) скандинавские слова в процессе совершенствования лексической системы языка вытеснили англо-саксонские слова, 2) английские и скандинавские слова дифференцировались в своих значениях, 3) скандинавские слова были вытеснены исконными англо-саксонскими словами.

Для современного состояния лексической системы особый интерес представляют первых два процесса [19, стр. 131].

Слова *ill* и *evil* в древнеанглийском языке являлись полными синонимами, т. е. обозначали одни и те же понятия, а именно: «порочный», «злой», «неприятный», «противный». В современном английском языке значения этих слов разошлись. Прилагательное *evil* закрепилось в значении «злонамеренный» (*evil eye*, *evil tongue*); прилагательное *ill* употребляется в значении «плохой», «болезненный». Такой дифференциации значений способствовало очевидно и то, что в XIII в. появилось слово *bad* неизвестного происхождения. Оно начинает употребляться весьма широко в самом общем значении «плохой» и вытесняет оба ранее существовавшие синонима для обозначения этого наиболее общего понятия. В связи с этим проф. И. Р. Гальперин, Е. Б. Черкасская отмечают ограниченную способность сочетания слов *ill* и *evil* с существительными и почти неограниченную сочетаемость прилагательного *bad* [19, стр. 132—133].

В указанной работе авторы останавливаются также на вопросе дифференциации древнеангл. *wana* (совр. *wane*) со значением «нужда», «недостаток» и скандинавского слова того же корня *want*.

Исконное слово с течением времени утратило свое основное значение, уступив его скандинавскому *vant* (современное *want*) и в настоящее время употребляется в весьма ограниченном значении «убывание» (луны).

Примером стилистического различия является синонимическая пара *sky* — *welkin* поскольку сканд. *sky* стилистически нейтрально, а *welkin* ограничено в сфере своего употребления областью поэзии [19, стр. 133].

Многие слова скандинавского происхождения, проникая в английский язык, сталкивались с английскими словами, имевшими те же значения. Некоторые из таких синонимов были образованы от одного и того же общегерманского корня (однокоренные синонимы или этимологические дублиеты), другие — от разных корней.

Среди проникших в английский язык скандинавских слов, оказавшихся на положении абсолютных синонимов к английским словам, можно назвать: *anger* (древнесканд. *angr*), древнеангл. *torn*, *grata*, *igge*; *a bagg* (древнесканд. *baggi*) древнеангл. *faetels*; *bark* (древнесканд. *berk*), древнеангл. *gind*, совр. *gind*; *bleak* (древнесканд. *bleikja*) др. англ. *blaege*, совр. *blay*; *to cast* (древнесканд. *kasta*), древнеангл. *weoþran*, совр. *to warp*; *fellow* (древнесканд. *felagi*), древнеангл. *gefega*, древнеангл. *fere*; *froth* (древнесканд. *frotha*), древнеангл. *fam*, совр. *foam*; *glitter* (древнесканд. *glitra*), древнеангл. *lixian*; *vill* (древнесканд. *illr*), древнеангл. *yfel*, совр. *evil* и др.

При столкновении абсолютных синонимов сохраняется обычно то слово, которое по тем или иным причинам больше удовлетворяет требованиям лексической системы данного языка.

В результате борьбы скандинавских и английских синонимов наблюдалось следующее: 1) изменялись значения одного или обоих синонимов, в результате чего они или переставали быть синонимами (*wane* — *want*, *shirt* — *skirt*) или, сохраняя отношение синонимии, начинали различаться по смыслу (*gind* — *bark*); 2) оба синонима, сохраняя одно и то же значение, начинали различаться сферами употребления (*raise* — *gear*, *dag* — *dew*); 3) один из синонимов совершенно исчезал из языка (*boon* — *bene*, *kid* — *ticchen*).

При размежевании абсолютных синонимов на стилистические оба слова, сохраняя одинаковое значение, начинали употребляться в различных стилях речи. Подобное размежевание англоскандинавских синонимов имело место, например, в случае столкновения англ. глагола *to gear* и сканд. *to raise*. Оба глагола представляют собой каузативные образования от общегерманского сильного глагола (древнеангл. *gisan*, древнесканд. *gisa*).

И тот и другой глагол сохранились в английском языке до настоящего времени, причем в целом развитие значений в этих глаголах шло параллельно.

В результате в современном английском языке оба глагола продолжают употребляться в целом ряде параллельных значений («поднимать», «воздвигать» (здание), «воспитывать», «выращивать» и др.), являясь, таким образом, в части этих значений синонимами. И, тем не менее, выбор того или иного синонима не является безразличным: скандинавский глагол является обиходным словом, тогда как английский глагол в обычной разговорной речи не встречается, а является принадлежностью книжной речи, употребляется в языке поэзии. [22, стр. 250—279].

В тех случаях, где ни смысловая, ни стилистическая дифференциация синонимов не имела места, один из них рано или поздно совершенно выходил из употребления. Слова *boop* (скандинавское) и среднеанглийское *bepe* первоначально употреблялись в значении «молитва». В современном английском языке сохранилось лишь скандинавское слово, утратившее значение «молитва» и приобретшее новые значения «просьба», «благоденствие», «удобство».

Лексическая ассимиляция скандинавских заимствований

Одной из причин проникновения значительного количества скандинавских заимствований является то обстоятельство, что скандинавский язык не был языком правящей верхушки, на нем говорили широкие слои населения. Следовательно, скандинавские элементы не были введены в английский язык в IX—XIII вв. путем сознательной деятельности писателей или взяты из литературных произведений, а представляют собой общеупотребительную бытовую лексику, заимствованную устным путем в процессе повседневного общения.

Краткость слов скандинавского происхождения, их односложность, сходство с исконной лексикой в отношении морфологического и звукового состава благоприятствовали их быстрому вхождению в английский язык и их ассимиляции в нем.

Скандинавские заимствования в меньшей мере воспринимались как иноязычные элементы по сравнению с французскими словами. В различных справочниках и работах, определяющих соотношение исконной и заимствованной лексики, слова скандинавского происхождения неизменно причислялись к исконным элементам.

Полная ассимиляция скандинавских слов объясняется несколькими причинами.

Скандинавские заимствования выражают настолько обычные и известные понятия, что трудно себе представить, как мог английский язык когда-то обходиться без них, пишет Кларк. Большинство слов скандинавского происхождения совершенно не отличается от исконной лексики [51, р. 133].

Слова скандинавского происхождения незаменимы в быту так же, как и в области науки нельзя обойтись без латинских, а в области искусства и моды без французских заимствований (ср. напр. *to be ill, to thrive, to die* [64, p. 74]).

Немаловажное значение имеет и тот факт, что большая часть скандинавских слов попала в английский язык задолго до основной массы латинских и почти всех французских заимствований и в течение длительного периода развивалась в нем, подчиняясь тем же закономерностям, что и исконные слова.

Вопрос о лексической ассимиляции скандинавских заимствований слабо разработан в зарубежном языкознании.

Скит приводит ряд композитов скандинавского происхождения, в которых значение составляющих их компонентов утрачено в английском языке и которые вследствие этого воспринимаются как простые слова. К числу таких слов относятся: *fellow, husband, hustings, jetsam, riding, window, viking, walrus, valhalla, tungsten*. Другие слова могут быть отнесены к разряду композитов, но значения составляющих композитов более или менее затемнено, в связи с чем все слово подвергается переосмыслению, ср. *grey-hound, bulwark, fetlock, furlough, wall-eyed* (о лошадях), *warentake, whitlow* [78, v. I, pp. 476(480)].

Забвение структуры и значения компонентов заимствованных композитов и связанная с этим утрата внутренней формы слова характеризует особенности лексической ассимиляции слова, однако Скит, Бйоркман и другие языковеды не рассматривают указанные факты с этой точки зрения.

По мнению Поттера, влияние скандинавского языка на древнеанглийский проявляется также в распространении в нем многочисленных глаголов с послелогом (типа *take up, down, in, out, off, from, to*).

Эти сочетания широко применялись в среднеанглийский период и в эпоху Елизаветы, однако, представители классического направления относились к ним с предубеждением, и английский лексикограф XVIII ст. Джонсон открыто их осуждал. В современном английском языке эти формы получили чрезвычайно широкое распространение, особенно в США [75, p. 18—19].

Мысль Поттера, интересная сама по себе, не подкреплена примерами из истории английского и скандинавского языков и носит бездоказательный, декларативный характер, так как вполне возможно, что сочетания глаголов с послелогом — одно из наиболее характерных явлений английского языка — возникла в результате его самостоятельного развития, а не является следствием иноязычного влияния. Этот вопрос требует глубокого исследования.

В английский язык проникли отдельные идиоматические обороты, пословицы и поговорки скандинавского происхождения, некоторые из них возникли путем дословного перевода соответ-

ствующих скандинавских выражений. Зарубежные языковеды, как они признают сами, лишь бегло касаются этого вопроса [45, p. 14].

Среднеангл. *Wommenes counseils been ful ofte colde* (Chaucer, *Nonne Prestes Tale* v. 436) соответствует древнесканд. *Kold eru kvenna gath* (Trizner II, p. 248) [45, p. 14]. Английская поговорка *friends agree best at a distance* соответствует датской *froende er friende vaerst* [64, p. 65].

Скандинавские слова, употребительные в диалектах, также входят в состав пословиц и поговорок, напр., *bonny bride is soon buskit* (одета, готова); *a short horse is soon wispit* (покрыта); *a toom (пустой) purse makes a blate (робкий, непредприимчивый) merchant; never make toom rusic* (пустое хвостовство) [75, p. 11].

Е. Д. Педченко в своей кандидатской диссертации исследует лексическую ассимиляцию 29 существительных, распространенных в Кентерберийских рассказах Чосера, обращая особое внимание на их отношение к словообразованию современного английского языка, в частности, к словопроизводству, конверсии и словосложению (33, гл. II), а также вхождение их в состав фразеологических оборотов (гл. III). К этим словам относятся: *anger, awe, bag, bark, bond, cake, dwale, fellow, fir, hap, husband, kid, law, leg, loft, mire, niggard, roof, seat, scant, skill, skin, skull, slaughter, elcight, thrall, window, wing, wrong*.

Изучение ассимиляции скандинавских существительных, выделенных из «Кентерберийских рассказов Чосера», показало, что они глубоко вошли в лексическую систему английского языка. Высокая степень ассимиляции скандинавских существительных проявляется в том, что они, войдя в национальный английский язык и сохранившись в нем до наших дней, послужили базой для образования новых слов и фразеологических единиц, пополняя и обогащая этим словарный состав английского языка.

В словопроизводстве участвовали все 29 существительных, в конверсии — 26, а в словосложении — 25 из 29. Отношение анализируемых существительных к фразеологии современного английского языка иллюстрируется следующими данными: в образовании фразеологических срощений принимало участие 14 скандинавских существительных из 29, в образовании фразеологических единств — 21, а в образовании пословиц — 19. Общее количество лексических единиц, в составе которых имеются скандинавские существительные — 1400 [33, стр. 302].

Следовательно, скандинавские существительные играют существенную роль в дальнейшем обогащении словарного состава английского языка.

Е. Д. Педченко отмечает, что проникшие в английский язык скандинавские существительные подчиняются в первую очередь наиболее продуктивным способам английского словообразования: аффиксации, словосложению, конверсии.

Проследив способность у исследуемых слов к словопроизводству (аффиксации), Е. Д. Педченко устанавливает, что почти все существительные (28 из 29) являются словообразующими основами в английском языке. Суффиксальное словопроизводство значительно преобладает над префиксальным (135 примеров из 155). В частности, существительные *hap*, *law* при помощи различных суффиксов образуют до 10 новых слов (напр. *hapless*, *haply*, *happen*, *happy*, *haps*, *haplessly*, *happening*, *lawful*, *lawfully*, *lawless*, *lawlessness* и др.). Из 29 существительных только 10 соединяются с различными приставками английского языка (напр. *mishap*, *behusband*, *overlaw*, *aloft*, *enthrall* и др.) [33, стр. 91—94].

Производные слова, образованные от скандинавских основ, принадлежат ко всем грамматическим категориям. Большинство производных составляют существительные и прилагательные, глаголов и наречий встречается значительно меньше. Процесс словопроизводства, как отмечает Е. Д. Педченко, происходил в конце среднеанглийского и в новоанглийский периоды развития английского языка.

Проф. А. И. Смирницкий указывает также, что скандинавские заимствования не только представляли собой общеупотребительные слова, но дали и большое количество производных слов, напр., от *weak* «слабый» — *weaken* «ослаблять», «слабеть», *weak-headed* «слабоумный», «легко пьянеющий», *week-kneed* «слабый на ноги», *weekling* «слабый», «слабовольный человек», *weakly* «хилый», «болезненный», *weak-minded* «слабоумный», *weakness* «слабость». Иначе говоря, скандинавские заимствования выделяются как заимствования лишь в той мере и постольку, в какой мере и поскольку можно установить исторический факт их проникновения в определенную эпоху из скандинавских говоров на территории Англии. В самой же системе современного английского языка они функционируют наравне с исконными английскими словами, ничем не отличаясь от последних [37, стр. 249].

Проф. В. Д. Аракин также приводит многочисленные случаи образования производных слов от основ скандинавского происхождения, вхождения последних в состав композитов и фразеологических единиц, а также прослеживает особенности развития их многозначности.

Так, от глагола *to take* возникли многочисленные производные *take in* «обман» (XVIII в.), *take off* «подражание» «карикатура» (XIX в.), «взлет», «подъем самолета» (XX в.). Глагол *mistake* также образован от глагола *take* с отрицательным префиксом для выражения значения «взять по ошибке», в XV в. он приобрел значение «неправильно понять», от него было образовано в XVII в. существительное *mistake* «ошибка».

Не менее 25 исследуемых существительных из 29 вошли в со-

став сложных слов в английском языке. Исследуемые слова входят в состав большого количества композитов. Так, слово *window*, по данным ПЕД (входит в состав свыше 80 композитов (напр., *window-arch*, *window-blind*, *window-curtain*, *window-frame*, *window-bench* и др.).

Е. Д. Педченко дает подробный семантический и морфологический анализ сложных слов, в состав которых входят исследуемые скандинавские существительные, рассматривает способы осуществления словосложения в английском языке и отношение к ним гибридных композитов, а также исследует этимологический состав последних.

Анализируемые слова входят в основном в состав сложных существительных, напр.: *goat-skin* «сафьян», *oil-skin* «клеенка», *cloak-bag* «чемодан», «футляр», *bond-slave* «раб», «рабыня», *ice-cake* «кусочек льда», *fellow-worker* «товарищ по работе», *fig-tree* «еловое дерево», *lawsuit* «судебный процесс», *slaughter-man* «убийца» и другие. Значительно меньше примеров сложных прилагательных, одним из компонентов которых является скандинавское существительное: *awe-stricken* «напуганный», *law-abiding* «законопослушный», *gift-legged (chair)* «стул с позолоченной ножкой», *deep-rooted* «глубоко укоренившийся», *cane-seated (chair)* «стул с камышевым сиденьем», *smooth-skinned* «гладкокожий». Еще меньше случаев, в которых скандинавские существительные являются компонентами сложных глаголов: *over-awe* «держат в страхе, благоговении», *to be half-seated* «полусидеть» и другие. Приведенные примеры показывают, что скандинавские существительные в английском языке входят в состав сложных слов, принадлежащих к различным морфологическим категориям, т. е. следуют тем же законам развития, которым подвергаются исконные слова [33. стр. 189—194].

В диссертации установлено, что процесс словосложения новых слов происходил в конце среднеанглийского и в новоанглийский период.

Е. Д. Педченко анализирует подчинение заимствованных слов конверсии в средне- и новоанглийский периоды. Из 29 исследуемых существительных только 3 сохранились в английском языке как существительные, не послужившие базой для образования новых слов при помощи данного способа словообразования (*dwale* «снотворное средство», *fir* «ель», *skull* «черепа»).

Самое широкое распространение соотношений по конверсии достигло образование отыменных глаголов. От всех 26 существительных имеются отыменные глаголы. 6 существительных — *loft*, *mire*, *niggard*, *scant*, *sleight* и *wrong* соотносятся по конверсии не только с глаголом, но и с прилагательным, а 2 из них *scant* и *wrong* еще и с наречиями.

Среди фразеологического материала английского языка имеется значительное количество фразеологизмов, в состав которых вошли заимствованные скандинавские существительные.

В числе фразеологических единиц, в которых участвуют скандинавские существительные, имеются фразеологизмы всех 3-х групп: фразеологические сращения, единства и сочетания.

Е. Д. Педченко приводит многочисленные примеры вхождения скандинавских существительных в состав фразеологических сращений — *by the skin of one's teeth* «на волоске», «едва», «чуть-чуть», *bay and baggage* «полностью», *root and branch* «основательно», *happy despatch* «самоубийство» (отношение определяющего к определяемому), *happy-go-luck* «беспечный» и др.

Многие существительные скандинавского происхождения (*law, leg, skin, wing, wrong* и др.) вместе с соотносящимися словами по конверсии являются компонентами сравнительно большого количества фразеологических единств: *to wear a person to skin and bone* «разрушить здоровье человека», *to be a man on the side of the law* «быть представителем власти», *to come to the wrong shop* «обратиться не по адресу», *clip one's wings* «сбить спесь», *the bottom of the bag* «крайнее средство», *to know as well as beggar knows his bag* «хорошо знать», *wolf in a lamb's skin* «волк в овечьей шкуре», *to save one's skin* «спасать свою шкуру» и др.

Среди отобранных фразеологических единств выделяется особая группа — пословицы, являющаяся эквивалентами целых придаточных предложений, напр. *anger is a short madness, anger dies quickly with a good man, when angry, count a hundred, near is his coat, but nearer is his skin* «своя рубашка ближе к телу», *he is gotten out of the mire and fallen into a river* ср. «из огня да в полымя».

Е. Д. Педченко рассматривает фразеологические сочетания, в состав которых входят исследуемые существительные с точки зрения синтаксических отношений, существующих между их членами, и выделяет отношение определения к определяемому, например: *good fellow, dismal seat, fundamental law, fit of anger, care of bread, man of the law, the seat of war*, а также указывает на отношение глагола-сказуемого к дополнению, напр.: *to strike an awe* «вызвать страх», «благоговение», *to break one's bonds* «разорвать узы», *to break the law* «нарушить закон», *to cast the skin* «менять шкуру», *to hold in thrall* «держат в повиновении», *to keep in awe* «держат в страхе» и другие типы синтаксических связей.

Фразеологические сращения, единства и сочетания, в составе которых имеются скандинавские существительные, характеризуются всеми свойствами, которым присущи для каждой отдельной группы фразеологизмов, включающей только исконно-

английские слова. По мнению Е. Д. Педченко, образование фразеологизмов происходило на почве английского языка тогда, когда скандинавские существительные уже были освоены языком [33, стр. 282].

Примеры широко распространенных устойчивых сочетаний, в состав которых вошли слова скандинавского происхождения, приведены также В. Д. Аракиным, напр., to call at a door «звонить у входной двери», to call at somebody's house «зайти к кому-либо», to take breakfast «завтракать», to take care «заботиться», to take leave «прощаться», и др. [6, стр. 290—291].

В отличие от ранних скандинавизмов, заимствования из скандинавских языков в более поздний период в большинстве своем не являются общеупотребительными словами, не имеют или почти не имеют производных, в словарном составе английского языка имеют характер единичных вкраплений и в целом сближаются больше не с ранними заимствованиями из скандинавских языков, а с более поздними заимствованиями из немецкого, голландского и других языков [37, стр. 250].

Хотя в общей массе словарного состава количество скандинавских заимствований по сравнению с заимствованиями из других языков (французского, классических) не столь велико, однако, если учесть характер этих заимствований, выражение ими жизненно важных понятий, станет очевидной та существенная роль, которую скандинавские слова сыграли в обогащении лексического состава английского языка [19, стр. 135].

НЕМЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Зарубежные языковеды излагают немецкие, голландские и прочие заимствования в описательном плане, не рассматривая особенностей их ассимиляции, соотношения с синонимичной лексикой, приобретения ими употребительности и других проблем, связанных с их лексическим развитием в английском языке, и ограничиваются перечислением, в каком году заимствовано то или иное слово и к какой области деятельности оно относится.

Как указано выше, во французском языке имеется группа слов германского происхождения, часть которых была заимствована среднеанглийским языком. Однако в среднеанглийский период следы прямого влияния верхненемецких диалектов отсутствуют.

В английском языке существует около 820 слов немецкого происхождения или научных и технических терминов, созданных в Германии из классических корней.

Серьезное влияние немецкого языка заметно в области минералогии.

Из немецкого языка заимствованы названия отдельных металлов и минералов, напр. *bismuth*, *cobalt*, *gneiss*, *quartz*, *zink*.

Минералогические и геологические термины становятся особенно многочисленными в XVIII столетии, составляя более половины всех немецких заимствований этого периода. Кроме указанных слов, к ним относятся *spathic* «шпатовый», *fel(d) spar* < нем. *Feldspar* «полевой шпат», *sinter* «окалина», «шлак», *wolfram* «вольфрам», *hornblende* «роговая обманка», *nickel* «никель», *meerschaum* «морская пенка» (гидрат силиката магния), *spreiss* «штейн».

В XIX в. были заимствованы слова *gangue* (*gang*) «порода» < нем. *gang*, *loess* «лесс», *spiegeleisen* «зеркальный чугун», «шпигель», *kieselguhr* «кизельгур», «диатомит» и др.

Заимствование английским языком немецкой научной и технической терминологии слабо исследовано в зарубежном языкознании.

Несколько слов немецкого происхождения служат названиями продуктов питания и напитков, напр. *stein*, *lagerbeer*, *sauerkraut* [76, p. 322]. Такие слова менее многочисленны, чем французские заимствования в этой же области и отличаются меньшей степенью ассимиляции по сравнению с последними. М. Сарджентсон упоминает слова из этой группы: *vermouth* (франц. *vermouth* < нем. *wermuth* (1806); *schnaps* (1818), *kirsch* (1869), *kummel* (1882), *marzipan* (1891), происхождение этого слова неизвестно: соответствующие формы встречаются во многих европейских языках, в том числе и в английском, в котором имеется слово *marchpane*, обнаруженное впервые в XV ст. и полностью вытесненное немецкой формой [79, p. 182].

Небольшое количество немецких заимствований относятся к обиходной лексике: *carouse* «попойка» < нем. *trinken gar aus* «выпивать до конца»; *waltz* «вальс»; *wanderlust* «любовь к путешествиям»; *junker* «молодой немецкий дворянин» (ср. дат. *junker*, принявшее в английском языке форму *youunker*); *lobby* «передняя», (термин, относящийся к жизни в монастыре, из средневековой латыни *lobia*, *lobias*, древневерхненем. *laubja*); из той же латинской формы возникло франц. *loge*, заимствованное в среднеангл. период в форме *lodge*; *kinchin* «ребенок» — жаргонное слово < нем. *kindchen*; *zigzag* (через французский язык < нем. *zickzack*); *vaneer* «фанерка»; *iceberg* < нем. *Eisberg*.

Хотя часть этих слов пользуется широкой употребительностью в английском языке, они в основном сохранили следы своего иноязычного происхождения.

Есперсен отмечает, что английский язык более склонен воспринимать заимствованные слова в их первоначальной форме, чем переводить их с помощью исконных элементов, как это делается в других языках. Так, нем. *Kindergarten* заимствовано без изменений, такое же учреждение в датском языке обозначается при помощи соответствующей кальки *børnehave*, в норвежском *barnehave* [64, p. 140].

Из современного немецкого языка были заимствованы слова *rucksack*, *zeppelin*, а также отдельные музыкальные термины, напр. *kappellmeister*, *leitmotif*, *zither*.

К области военного дела относятся слова *lansquenet* «наемник» < нем. *Landsknecht* через французский язык; *sabre* (через франц. язык < нем. *Sabel*, в конечном счете славянского происхождения). Слово *plunder* было занесено в английский язык в XVII ст. солдатами, которые служили под командованием Густава Адольфа.

В XVIII—XIX вв. заимствованы следующие слова немецкого происхождения *hetman* (польская форма немецкого слова *Hauptman*; *jaeger* «стрелок» < нем. *Jäger* «охотник», *landsturm* «ополчение» и др.

Некоторые слова отражают государственное устройство кайзеровской Германии, ее внешнюю и внутреннюю политику, напр. *kaiser* «кайзер», *landtag* «ландтаг», *reichstag* «рейхстаг», *weltpolitik* «мировая политика», *judenhetze* «преследование евреев», *hinterland* «тыл» и др. Многие из этих терминов попали в английскую лексику в немецкой форме.

В английском языке существуют отдельные кальки немецкого происхождения, напр. *blood and iron* «безжалостное применение силы», особенно как девиз политики Бисмарка (< нем. *Blut und Eisen*); *a bolt from the blue* «полная неожиданность» (< нем. *Blitz aus blauem Himmel*); *iron rations* «неприкосновенный запас еды солдат» (< нем. *Eiserne Ration*, букв. «железный паек»); *mailed fist* (< нем. *gepanzerte Faust*, ср. русск. «бронированный кулак»); *masterpiece* «шедевр» (< нем. *Masterstück*—исторически «работа на звание мастера»); *place in the sun* (< нем. *Platz an der Sonne*, ср. русск. «место под солнцем», фраза, формулирующая притязания немецких империалистов на передел сфер влияния, особенно перед первой мировой войной); *song without words* «песня без слов» (первоначально название музыкального произведения Мендельсона *Lieder ohne Wörter*. «Песни без слов»); *swansong* (< нем. *Schwanengesang*, ср. русск. «лебединая песня»); *twilight sleep* — название одного из методов обезболивания родов (< нем. *Dömmerschlaf* [31, p. 46], *homesickness* (< нем. *Heimweh* «тоска по родине»; *time-spirit* (< нем. *zeitgeist* «дух времени»); *onesided* (< нем. *einseitig* «односторонне») [5, стр. 151].

К немецким терминологическим заимствованиям в первую очередь принадлежат слова, выражающие понятия общественно-политического и философского характера, напр., философские термины Канта: *noumenon*, *objective*, *subjective*, *determinism*, *intuition*, *thing-in-itself* (нем. *Ding an sich*, ср. русск. «вещь в себе»), *transcendental* «трансцендентальный», «внеопытный», [31, стр. 144]. Из философских произведений Гегеля взято слово *dialectics* (< нем. *Dialektik* «диалектика», из реакционной философии Ницше слово, созданное путем калькирования — *superman* < нем. *Übermensch*).

Много новых слов и особенно новых значений слов возникло в произведениях Маркса и Энгельса, напр., *class-struggle* «классовая борьба», *dictatorship of the proletariat* < нем. *Diktatur des Proletariats* «диктатура пролетариата», *surplus value* < нем. *Mehrwert* «прибавочная стоимость», *world market* < нем. *Weltmarkt* «мировой рынок» и т. д. [5, стр. 151].

Большинство этих заимствований оформилось в английском языке в переводной форме, т. е. в форме калек, что облегчалось близким родством английского и немецкого языков [19, стр. 144].

В XX в. заметно преобладают немецкие заимствования, свя-

занные с войной. В годы первой мировой войны из немецкого языка было заимствовано слово *to strafe* «бомбить» < нем. *strafen* «наказывать» (ср. немецкое выражение, распространенное в те годы: *Gott, strafe England!* «Боже, накажи Англию!»). Иногда это слово употребляется с юмористическим оттенком в обороте: *Oh! Strafe you!*

В английскую лексику в тот период попали отдельные немецкие слова, относящиеся к военному делу: например, *u-boat* < нем. *Unterseeboot* «подводная лодка», *Bertha* название немецкого сверхмощного орудия, *Fritz* кличка немецкого солдата.

Р. З. Гинзбург отмечает появление в английском языке в 1927—1941 гг. значительной группы слов немецкого происхождения, относящихся к общественно-политической деятельности и отражающих специфику данного исторического периода — наступление германского фашизма. При рассмотрении этой лексико-семантической группы особенно ясно вырисовывается политическое лицо англо-американских составителей словарей. Так, словарь Уэбстера вежливо определяет нацизм как немецкую разновидность фашизма и сводит его к «системе политических и экономических концепций», отмечая в качестве одной из наиболее важных особенностей нацизма государственный контроль над промышленностью! [20, стр. 22—23].

В годы второй мировой войны в английский язык вошли отдельные слова и выражения, характеризующие разбойничью сущность фашизма, кровавый гитлеровский режим в Германии и поработенных странах Европы, немецко-фашистскую армию и учреждения гитлеровской Германии, напр.: *Wehrmacht* «немецко-фашистские вооруженные силы» (ср. *Bundeswehr*, название современной западно-германской реваншистской армии); *blitzkrieg* «молниеносная война»; *luftwaffe* «немецкая авиация в период II мировой войны»; *flack* < нем. *Fliegerabwehrkanone* «зенитное орудие», синонимичное англ. *antiaircraftgun*; *fau* «немецкий летающий снаряд»; *bunker* «дот»; *panzerdivision* < нем. *Panzerdivision*, «танковая дивизия»; *Siegfried line* «линия Зигфрида»; *sitzkrieg* «военные действия на западно-европейском фронте в течение зимы 1939—1940 гг.»; *volkssturm* «фольксштурм»; *gestapo* «гестапо»; *nazi* «нацист», «фашист»; *ss-man* < нем. *SS-Mann* «эсесовец»; *hitlerite* «гитлеровец»; *blackshirt* < нем. *Schwarzhemd* «чернорубашечник»; *fuehrer* «фюрер»; *gauleiter* «гаулейтер»; *gas chamber* < нем. *Gasstube* «газовая камера», помещение, в котором умертвлялись жертвы фашизма. Эти и другие слова напоминают нам о кровавых злодеяниях, которым положила конец великая победа Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции над фашистской Германией.

Среди современных немецких заимствований различаются:

а) слова с максимальным приближением к источнику за-

имствования по морфологическому, фонетическому и даже графическому оформлению, напр. *lebensraum* [leibensroum], а также отдельные спортивные термины *Geländeläufer* [gelen-deloife], *gelände-sprung* [gelende sprun], *Langläufer* [l*η loufe] и др. Слова этой группы выделяются в словарном составе как иностранные вкрапления, не закрепленные надолго в языке и имеют тенденцию выпадать из лексики с исчезновением обозначаемых ими понятий. Такие слова могут быть непонятны уже следующему поколению или даже просто неспециалистам;

б) слова-кальки или «полукальки» типа *fifth column Third Reich*. «Полукальки» могут существовать параллельно со словом, непосредственно заимствованным из языка и как бы объяснять его, напр.: *geländejump* наряду с *geländesprung* [20, стр. 27].

Хотя немецкие заимствования в английском языке не столь многочисленны, как слова латино-французского или скандинавского происхождения, немецкое языковое влияние прослеживается особенно заметно в XIX—XX вв., и его изучением не следует пренебрегать.

Нижненемецкие элементы в английском языке

По данным Бо, в английском языке насчитывается примерно 2500 слов, заимствованных из нижненемецких языков и диалектов [43, р. 227].

Еще до завоевания Британии германскими племенами последние поддерживали тесные связи с народностями, населяющими балтийское побережье. Эти связи не были разорваны, когда англосаксы переселились на Британские острова [79, pp. 170—171].

Отношения между Англией и странами, население которых говорило на голландском и фламандском языках, не прекращались на протяжении всего средневековья. В течение многих столетий после норманского завоевания фламандцы приезжали в Англию и в качестве наемников участвовали в войнах, которые вели англичане. Производство шерсти, часть которой вывозилась во Фламандию, получило большое развитие в средневековой Англии. Голландские и фламандские ремесленники селились в разных частях страны. Иногда их число было настолько велико, что они пробуждали к себе антагонизм местного населения [43, р. 226].

Между Англией и Голландией существовали оживленные торговые отношения.

К голландской и фламандской лексике, заимствованной в среднеанглийский период, относится слово *pack* (из области торговли шерстью), а также текстильные термины, заимство-

ванные от фламандских ткачей, живших в Англии: curl, scour, stripe, tuck, to gloss, rock, spool, whosle.

Наиболее ранние заимствования нижненемецкого происхождения относятся к XIII в.

К числу слов бытового характера, заимствованных преимущественно в средне- и ранненовоанглийский периоды и сохранившихся в современном английском языке, принадлежат: booze «попойка»; boog «мужик»; botch «заплата»; brandy «коньяк»; bulk «объем»; dollar «доллар»; cough «кашель»; frolic «проказы»; gas «газ»; groove «желобок»; Holland «Голландия»; lark «жаворонок»; mud «грязь»; pickle «рассол»; selvedge «кромка»; shoal «мель»; shock «удар»; splint «лубок», «шина»; switch «прут», «хлыст»; tackle «такелаж», «тали»; toy «игрушка»; trick «трюк»; uproar «смятение»; wagon «тележка»; «вагон»; fumble «мять»; jeer «насмехаться»; hobble «раскачиваться»; lack «недоставать»; loll «валяться»; loiter «медлить»; scold «ругать»; scrub «тереть»; spatch «хватать»; smuggle «заниматься контрабандой»; wriggle «извиваться»; skew «косо»; slight «легкий»; slim «тонкий».

Некоторые из вышеуказанных слов (brandy dollar tackle, smuggle) свидетельствуют о голландском влиянии в области торговли.

В конце средних веков в английский язык проникли слова, относящиеся к судоходству и мореплаванию. Отношения Англии и Голландии не всегда были дружественными, а иногда переходили в открытое морское соперничество. В XIV—XVII вв. в английский язык попало значительное количество морских терминов голландского происхождения.

В XIV ст. были заимствованы слова bowsprit «бушприт» и skipper «скипер»; в XV ст. — freight «груз»; pump «насос»; keel «киль»; buoy «буй» в XVI в. — aloof «на ветре»; dock «док»; mesh «петля»; reef «риф»; rover «пират»; fly-boat «голландское судно» и др.; в XVII в. — vast «стоп»; bow «нос корабля»; cruise «крейсировать»; cruiser «крейсер»; caboose «камбуз»; smack «рыбачья лодка».

К числу более поздних заимствований относятся слова: deck «палуба»; leak «течь»; commodore «командор»; yacht «яхта»; yawl «ялик»; boom «багор»; swab «швабра»; hoist «поднимать»; hold «трюм»; moor «привязывать лодку».

Большинство слов голландского происхождения, относящихся к судостроительному и мореходному делу, так и остались терминами, которые понятны людям данной профессии. Из наиболее общих и потому наиболее распространенных слов Е. Ф. Варно и соавторы называют buoy «буй»; deck «палуба»; yacht «яхта»; skipper «скипер»; reef «риф» [18, стр. 107].

Во время войны Голландии с Испанией за свою независимость немало английских добровольцев отправились в Гол-

ландию, чтобы помочь ей в освобождении от испанского ига. В этот период английский язык заимствовал ряд слов голландского происхождения, относящихся к области военного дела.

Слово *freebooter* «мародер» попало в английский язык во время войны Голландии с Испанией. Английские солдаты, воевавшие в Нидерландах, заимствовали слова *domineer* «господствовать»; *drill* «ученье», «выправка»; *furlough* «отпуск»; *onslaught* «штурм». Словосочетание *forlorn hope* возникло путем народной этимологии от фламандского словосочетания *verloopen hoop* «потерянная экспедиция», «потерянный отряд» и в силу сближения с английским существительным *hope* приобрело значение «очень слабая надежда», «безнадежное предприятие» [42, pp. 66—67].

В числе слов голландского происхождения, относящихся к военному делу, А. Кунин упоминает *bulwark* «бастион»; *knapsack* «рюкзак», «ранец»; *arquebus* «пищаль»; *to cashier* «увольнять со службы» (последнее слово латинского происхождения, заимствованное из голландского языка, не имеет ничего общего с существительным *cashier* [31, p. 47].

Голландское превосходство в искусстве, достигшем общеевропейского признания в XVI—XVII вв., подтверждается наличием слов *easel* «мольберт» (первичное значение «осел»); *etch* «гравировать»; *landscape* «ландшафт»; *sketch* «эскиз» и др.

В современную эпоху интересы англичан и голландцев нередко сталкивались в борьбе за колониальное господство. Большинство переселенцев в Южной Африке говорило на голландском языке, и когда он был вытеснен английским языком, последний заимствовал ряд слов голландского происхождения, например: *bushman* «бушмен»; *kraal* «загон для скота»; *laager* «лагерь»; *veld* (голл. «поле») «открытое пастбище»; *sten-book* «разновидность оленя»: Голландское *trekken* «тянуть», «путешествовать», «двигаться» и *sroog* «след» перешли в английский язык в более узких значениях: *trek* «переселение»; *to trek* «переселяться»; *sroog* «след дикого зверя».

Отдельные слова, заимствованные под влиянием языка голландских иммигрантов в США, ограничиваются местным диалектом штата Нью-Йорк, например: *blummie*, *blummeu* «цветок»; *slip* «каменистый»; *grilly* «холодный», «сырой»; *mollykite* «глупость»; другие приобрели всеобщее распространение в США, например: *boss* «хозяин»; *dominie* «священник»; *logy* «тяжелый», «неповоротливый»; *pit* «косточка»; *srook* «привидение» и др.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Английский язык заимствовал большое количество слов из романских языков — итальянского и испанского.

Робертсон отмечает, что эти языки оказали гораздо большее влияние на английскую лексику, чем родственные ему языки германской группы [76, p. 232].

По мнению Сарджентсон, итальянские элементы по своей численности занимают в английском языке четвертое место после французских, латинских и скандинавских заимствований [79, p. 183].

Общее количество слов итальянского происхождения, по мнению А. Кунина, в английском языке около 200; из этого числа только 37% — прямые заимствования [31, p. 45].

К словам итальянского происхождения, проникшим в английский язык из французского, относятся alarm, alert, ambuscade, apartment, arcade, artisan, bastion, battalion, brave, brigade, brusque, bulletin, cabriolet, cadence, campaign, caprice, caress, carnival, catafalque, cavalcade, charlatan, colonel, contract, corporal, costume, cuirass, fregate, gala, grotesque, infantry, porcelain, revolt, terrace, tirade, volunteer.

Многие из них в течение долгого времени сохраняли свою итальянскую форму, другие были преобразованы по образцу французских слов.

Экономические и политические связи Англии и Италии начинают усиленно развиваться с XIV в.

Развитие торгового капитализма в Италии, начавшееся в XIV в., привело к появлению купцов, банкиров, а затем и промышленников, в руках которых сосредоточились большие ценности. Показательным в этом отношении является история слова bank, подробно рассмотренного В. Д. Аракиным. Слово bank «банк» происходит от ит. banco < др. герм. banc «скамейка». Итальянские ростовщики и менялы сидели прямо на площадях за невысокими столиками banco или banca. Этим словом стали называть деятельность менял, а потом и развившееся из этой деятельности особое учреждение — банк. Слово bank

получило распространение во всех европейских языках, в том числе и в английском.

Если менялы и ростовщики терпели убытки и разорялись, кредиторы в знак протеста разбивали столик несостоятельного должника. Этот разбитый, опрокинутый стол — *banca rotta* (англ. *bankrupt*) стал символом финансового краха банкира [6, стр. 323].

К самым ранним итальянским заимствованиям, попавшим в английскую лексику в XIV в., относятся слова, связанные с военным делом и торговлей: *alarm* < франц. яз. < ит. *allarme*, *al'arme* «к оружию», *million* < ит. *millione*. Слово *Lombard* свидетельствует о большом развитии ростовщичества и банковского дела в Ломбардии, северной провинции Италии. В старофранцузском языке это слово приобрело значение «финансовый агент», «банкир»; аналогичное смысловое развитие произошло в английском языке, уже в XIV столетии Лэнгленд употребляет термин *Lombarder* без каких-либо географических ассоциаций.

В XV ст. слово *brigand* «пират» напоминает об опасностях, подстерегающих купцов на море.

В XVI ст. большинство слов было заимствовано непосредственно из итальянского языка, минуя французский [79, р. 183—185].

В произведениях Шекспира и его современников особенно часто встречаются итальянские заимствования, напр.: *ducat*, *incardine* и *madonna* [71, р. 140]. О большой популярности итальянского искусства и литературы в XVI—XVII вв. свидетельствует широкое распространение итальянских имен персонажей в пьесах Шекспира и его современников. Действие многих пьес великого драматурга (*Two gentlemen of Verona*, *Romeo and Juliet*, *Othello*, *Merchant of Venice*) происходит в Италии.

Наиболее важными заимствованиями — названиями лиц — являются: *gase* «раса» < ит. *gazza*; *partisan* «сторонник», «приверженец»; *populace* «население». Шекспир употребляет слово *pedant* в значении «учитель», «наставник».

К общественной деятельности и названиям предметов одежды относятся слова *gambol* совр. *gamble* «игра»; *score* «размер», «масштаб». Это слово с широким диапазоном применения, попавшее в английский язык в значении «площадка для физических упражнений», хотя его первичное значение было «цепь», «мишень»); *Peguke* < франц. < ит. *peguca*; *disgrace* «позор» < франц. *disgracier* < ит. *disgraziare*; *ballot* применительно к голосованию; *carnival*; *lazarette*; *mustachio* < ит. *mustaccio*, иногда употребляется наряду с франц. формой *moustache*. Слово *garb* «мода», «стиль» (в современном языке «пла-

ть», «одежда»), происходит от ит. *garbo*, означавшего «манера», «грация», «элегантность». Слово *concert* в 1589 г. попало в английский язык как глагол «прийти к согласию»; существительное *concert* появляется только в 1656 г., в значении «музыкальный концерт» в 1689 г.

Многие слова итальянского происхождения относятся к военному делу и к верховой езде, поскольку итальянцы были искусными наездниками. Часть этих слов в современном английском языке приобрела более широкий круг значений, например: *post* < франц. < ит. *posto* обозначало сперва «станция, где происходила смена лошадей для доставки королевских указов, распоряжений»; *pistol* представляет собой сокращенную форму *pistolet* < итальянского слова *pistolese*, образованного от названия местности *Pistoja* в Тоскании. Первоначальное значение слова *cavalier* «всадник», «наездник»; *manage* «управлять», «править», нашло широкое применение в современном английском языке, но прежде представляло собой термин верховой езды < ит. *maneggiare* «управлять лошадыю», это значение частично сохранилось во французском слове *manege*; *squadron* < < ит. *squadrone* «эскадрон»; *postillion* < франц. < ит. *postiglione* «ямщик», «форейтор», «почтарь»; *casemate* (фортификационный термин) < ит. *casa*, но происхождение второго элемента этого слова неизвестно; *escort* < франц. < ит. *scorta* в военном значении обнаружено в 1579 г.; *citadel* < франц. < ит. *citadella*; *musket* < франц. < ит. *moschetto*; *parapet* < ит. *-etto* «бруствер», «парапет»; *cavalcade* < франц. < ит. *-ata*; *salve* «залп», изменившее свое окончание от более раннего — *a* < ит. *salva*; *bandit* < ит. *bandito*.

Слова из области торговли: *traffic*, *contraband*, в XVII ст. — *mercantile*, *risk* и др.

В XVII ст. из итальянского во французский язык проникли слова *attack* гл. < ит. *attackere*; *rocket* < ит. *rochetta*; *generalissimo*, *barrack*, *caserne*, *pedal*, *stilette*, *cascade* и др.

Довольно большая группа слов заимствована в XVII в. из области светской жизни, моды. Многие слова представляют собой названия предметов домашнего быта: *intrigue* < ит. *intrigare*; *cortège* < франц. < ит. *corteggio*; *gazette* < франц. < < ит. *gazetta* «мелкая венецианская монета», «листок новостей, стоимостью в эту сумму»; *valise* «чемодан» < франц. < ит. *valigia*; *ballon* < франц. < ит. *ballone*.

В XVII ст. заимствуются отдельные геологические термины *volcano*, *granite*, *bronza*, *lava*, а также политические и дипломатические термины, напр.: *manifesto*, *bulletin* < ит. *bulletino* «свидетельство о состоянии здоровья». К области кулинарии относятся *macaroni*, *spaghetty* [79, pp. 184—188].

Из итальянского языка в XVII—XIX вв. была заимствована большая группа слов, характеризующая итальянское влияние в области музыки; *adagio, allegro, alto, aria, arpeggio, baritone, basso, cantabile, cantata, cavatina, contrabass, contralto, fantasia, falsetto, finale, impressario, improvviso, intermezzo, legato, libretto, maestro, opera, operette, pastorale, pizzicato, primadonna, rondo, quartet, quintette, scherzo, sonata, soprano, sollo, stocato, tempo, tremolo, trio*; названия музыкальных инструментов: *mandolin, trombon, cymbalo, violin, violoncello, piano*.

Некоторые итальянские заимствования относятся к области литературного творчества и носят несколько терминологический характер (напр., *canto, sonnet* и др.).

Группа слов итальянского происхождения относится к области изобразительного искусства и архитектуры: *cameo, cipola, fresco* и *model* были заимствованы в XVI в., а в XVII в. в английском языке появились слова *intaglio mezzo-tinto* и *pastel* [42, p. 137], *grotto, balcony* < ит. *balcone, catacomb*.

В число слов итальянского происхождения, которые относятся к изобразительному искусству и архитектуре, входят *chiaroscuro, torso, dado, portico* [76, p. 333], *colonnade, cornice, corridor, niche, pilaster, terra cota* [48, p. 102] и др.

В XVIII—XIX вв. продолжается заимствование значительного количества слов итальянского происхождения, относящихся к области литературы и искусства. К ним принадлежат *picturesque* < ит. *petresco*, уподобленное слову *picture, portfolio, dilettante, studio, replica*.

К разным сторонам жизни относятся *umbrella* «зонтик» (XVII в.) < ит. уменьшительного *umbrella, ombrella* от *ombra, ombra* «тень»; *corridor* «коридор» (XVII в.) < ит. *corridore* от глагола *correre* «бегать»; *isolate* «изолировать» (XIV в.) от причастия *isolated* (XVIII в.) < ит. причастия *isolare*, производного от существительного *isola* «остров» [6, стр. 326]; *monkey, gurgle, revolt, manifest, incognito, influenza* [18, стр. 105].

В XIX в. заимствуются некоторые слова, отражающие политическую борьбу в Италии, например, *carbonari, camorra*.

Из заимствований начала XX в. можно отметить: *autostrada* и *fascist* < лат. *fascis* — название эмблемы исполнительной власти в Риме (пучок березовых прутьев с воткнутой посредине топором) [19, стр. 147].

Лексическая ассимиляция итальянских заимствований

По вопросу о лексической ассимиляции итальянских заимствований попадаются лишь отдельные замечания, не вскрывающие данного явления во всей его полноте.

Некоторые языковеды отмечают ассимиляцию многих слов итальянского происхождения в английском языке и приобрете-

ние ими широкой употребительности. В состав итальянской музыкальной лексики входят слова, распространенные в обиходной речи, напр. *alto*, *soprano*, *opera* и более специальные термины (*legato*, *diminuendo*, *rallettando*, *pizzicato*, *allegretto*, *andante*) [76, p. 333].

Гринаф и Киттридж отмечают, что большинство итальянских терминов, относящихся к музыке и искусству, сохраняют свою итальянскую форму (напр. *stanza*, *allegro*, *piano*, *falsetto*, *soprano*, *andante*, *concerto*, *terra cotta*, *opera*, *operetta*, *finale* [59, p. 31]. При этом Гринаф и Киттридж упускают из вида тот факт, что данные слова, за исключением редких случаев, не сохраняют в английском языке своего итальянского произношения (ср. *trio*, *piano*), слово *concerto* заменено полностью ассимилированным существительным *concert*. Другие слова подверглись сокращению или иным изменениям (как, напр. *violin* вместо *violino*, *duet* вместо *duetto*, *quartet* вместо *quartette*, *madrigal* вместо *madrigale*, *artichoke* вместо *articiocco*). Сокращение итальянских слов нередко происходит по образцу французских элементов, сходных итальянским заимствованиям (ср. *oboe* > *hautboy*, франц. *haut bois*).

Большое количество итальянских заимствований не ассимилировано английским языком и сохраняет в той или иной мере итальянскую форму или употребляется применительно к итальянской действительности, например, *casino*, *cicerone*, *gondola*, *doge*, *condottiere*, *piazza*, *viturino*, хотя некоторые слова полностью усвоены английским языком, напр., *race*, *stock*, *traffic*, *umbrella*, *artichoke* и даже *volcano* и *macaroni*.

Часть итальянских слов выпала из английской лексики, но многие из них пользуются большой употребительностью в современном английском языке, напр., *attitude*, *cicerone*, *fiasco*, *influenza*, *isolate*, *motto*, *stanza* [48, p. 103]. Такие слова, как *balcony*, *cameo*, *capricio* (обычная форма вместо *caprice* до реставрации), *cupola*, *design*, *granito*, *grotto*, *piazza*, *portica*, *studio*, *violo*, *vulcano* распространены в устной и письменной речи [43, p. 274].

В. Д. Аракин отмечает вхождение отдельных наиболее употребительных слов итальянского происхождения в состав композитов, образование от них производных и исследует особенности их семантики.

Слово *piano* вошло в ряд сложных наименований: *grand-piano* «концертный рояль», *upright piano* «пианино», доска со струнами поставлена в нем вертикально, *coltage piano* особый род невысокого пианино, у которого струны идут по диагонали; слово *opera* «опера» (XVII в.) < ит. *opera* «опера», а вообще всякое произведение, сочинение, дело < лат. *opus* (мн. ч. от *opus* «дело», «работа», «труд») является составной частью ком-

позитов opera-house «оперный театр», opera-glass «бинокль» и др. [6, стр. 325].

Существительное alarm образовало сложное слово alarm-clock «будильник».

От слова bankrupt «банкрот» в английском языке образовано производное bankruptcy.

Alarm приобрело в английском языке дополнительные значения «набат», «сигнал тревоги» и вошло в состав словосочетаний cry alarm «кричать караул», strike alarm «бить тревогу».

У слова squadron «эскадрон», «эскадра» в XX в. появилось новое значение «эскадрилья» [6, стр. 323—324].

Характерной чертой слов, заимствованных непосредственно из итальянского языка, является сохранение ими в большинстве случаев своих первичных значений.

Характеризуя особенности развития многозначности слов, заимствованных прямо из латинского или при посредстве французского языка, Мэк Найт отмечает, что они имеют большое сходство с итальянскими словами, заимствованными из тех же латинских источников. Сравнение слов итальянского происхождения с соответствующими словами в итальянском языке показывает, как одно и то же слово в различных языках приобретает совершенно разные значения. В следующем списке приведенные значения особенно подчеркивают контраст между итальянскими и английскими словами [71, p. 142].

English

Italian

branch	branca „claw“, „clutch“
fracass	fracasso „noise“, „wreck“
disdain	disdegno, „indignation“
major	maggiori „ancestors“
talent	talento „desire“
principle	principio „beginning“
cattiff	cattivo „bad“
fastidious	fastidiosa „tiresome“, „troublesome“
voluble	volubile „variable“
front	fronte „forehead“, „face“
delicate	delicato „gentle“
vague	vago „rambling“
robe	roba „goods“, „possessions“
disgrace	disgrazia „accidence“, „misfortune“
insinuate	insinuare „indicate“,
fatigue	fatica „toil“
suggestion	soggezione „constraint“, „awe“
prejudice	preginzio „damage“, „harm“
amorous	amorosa „affectionate“
uniform	uniformare „to conform“

Мэк Найт не связывает подобные случаи семантических различий слов с особенностями их лексической ассимиляции в заимствующем языке.

Проблема итальянских заимствований представляет особый интерес в связи с тем, что значительная их часть (особенно военных и музыкальных терминов и слов, относящихся к области искусства, архитектуры) вошла в состав многих европейских языков (в том числе и русского), напр. батальон, бастион, партизан, эскадрон, пистолет, цитадель, опера, ария, дуэт, бас, пианино, виолончель, мандолина, гранит, грот, балкон, коридор, ниша, купол, концерт, студия, реплика и др.

Многие из этих слов пользуются большой употребительностью и составляют часть интернациональной лексики.

ИСПАНСКИЕ И ПОРТУГАЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

В XVI ст. Испания стала одной из сильнейших европейских держав. Между Испанией и Англией поддерживались тесные политические и торговые отношения. В XVI—XVII вв. англичане вели с испанцами упорную борьбу за господство на море, закончившуюся победой Англии.

Расцвет испанской литературы XVI—XVII вв. и перевод на английский язык произведений Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона способствовали заимствованию значительного количества испанских слов (напр., *quixotic* от имени персонажа Дон Кихот).

Подобно итальянским заимствованиям, испанские слова часто попадали в английский язык из французского и во французской форме, напр., *grenade*, *palisade*, хотя они и встречаются в XVI и XVII ст. в форме *grenado*, *palisado* (правильная испанская форма была бы *grenada*, *palisada*).

Испанские элементы входили в состав английской лексики, начиная в основном с XVI в., однако наибольшее их количество относится к XVII в. Некоторые из них отражают характерные особенности испанской жизни *grand* «гранд», *duenna* «дуэнья», *torreador* «тореадор», *juntio* «хунта», *cortez* «кортесы» и др.

Зарубежные лингвисты (Брэдли, Гринаф и Китридж, Барфильд, Мэк Найт, Бо) излагают испанские заимствования без каких-либо попыток их классификации. К их числу относятся: *armada* «армада», *armadillo* «броненосец» (млекопитающее), *barricade* «баррикада», *bastinade* «наказание палками», *bilbo* «рапира», *booby* «олух», *bravado* «хвастовство», *breeze* «бриз», *brocade* «парча», *capsize* «опрокинуть(ся)», *cigar* «сигара», *comrade* «товарищ», *corral* «корал», *desperado* «отчаянный», *disembogue* «вливать(ся)», *flotilla* «флотилия», *guerilla* «партизан», *mullato* «мулат», *punctilio* «пунктуальность», *renegade* «ренегат», *sarsaparillo* «сарсапарель» (растение), *siesto* «послеобеденный сон», *sombrero* «сомбреро» и др.

Испанские заимствования распределяются по следующим семантическим областям:

а) торговля: *cask* «боченок», сперва в значении «шлем», «каска»; *sherry* «херес», заимствованное в форме множественного числа *sherris*, возникло от географического названия исп. *vino de Xeres*; *cargo* «груз», *camisole*, *embargo*;

б) названия лиц и титулованных особ: *don*, *infante*, *hidalgo* «идальго», «испанский дворянин», *creole* «креол» < исп. *criolle* «исконный», «туземный»; *dona* «женщина», *matador* «матадор», *stevedor* «грузильщик корабля» < исп. *estivador*; *picador* «пикадор»;

в) политические, военные и морские термины: *grenade* < исп. *granada*, первоначально *pomegranate*; *escalade* «приступ», «штурм» < исп. *escalado*; *corvette* «корвет» < исп. *corbeta*; *parade* «парад» < исп. *-ada*; *camarilla* «камарилья»;

2) название игр, танцев, музыкальных инструментов: *spade* «пики» (в карточной игре) < исп. *espada* «меч»; *guitar* < исп. *guitarra*; *castanet* < исп. *castaneto*; *domino*; *quadrille* «название карточной игры», танец «кадриль» < исп. *cuadrille*; *bolero*; названия предметов кулинарии: *marinade*, *caramel*.

Из различных областей были заимствованы слова *tornado* сперва *ternado*, по-видимому, < исп. *troneda* «гром», подвергшегося влиянию исп. *tornar* «поворачивать»; *escapade* «горячность» (о лошади), *salver* «поднос», «блюдец» исп. < *salva* + + английский суффикс; *auto da fé* «аутодафе»; «сожжение на костре»; *canyon* «каньон» < исп. *cañon*.

Влияние испанского языка на современную английскую лексику ничтожно. За исключением отдельных слов (напр. *caudillo*, название Франко — правителя фашистской Испании, *cafeteria*, *tango*, *gumba*, политического термина *falangist*), прямые заимствования из испанского языка отсутствуют [5, стр. 143; 19, стр. 123].

Фразеологическое сочетание *the fifth column* является калькой из испанского языка и впервые применялось в отношении сторонников Франко в Мадриде во время гражданской войны в Испании [19, стр. 149].

Интересы Англии и Испании сталкивались в Вест-Индии, на побережье Мексики и Южной Америки. Поддерживая оживленную торговлю с испанскими колониями, англичане заимствовали слова, характеризующие особенности жизни местного населения, животного и растительного мира этих областей и отражающие эпоху географических открытий, заселения и колонизации Америки.

Слова американского происхождения являются важнейшей частью испанских заимствований. Наибольшее количество испанских слов содержится в диалектах английского языка,

распространенных в южной части США, граничащих с областями, население которых говорит по-испански. Часть этих слов проникла в северные диалекты США, а оттуда через американскую литературу стала известна и в Англии.

К числу испанских заимствований американского происхождения принадлежат слова: *banana*; *El Dorado*; *machete* «широкий испанский нож» (в английской форме *matchet*); *peon* «батрак»; *ananas*; *turtle* «черепаха» < франц. *tortue* < исп. *tortuga*, уподобленное англ. *turtle* «горлица»; *vanilla* «ваниль» < исп. *vainilla*; *mahogany* «красное дерево»; *hacienda* «гациенда», *haucho* «гаучо»; *stampede* «панический страх, охватывающий стада»; *adobe* «необожженный кирпич»; *cigarette*, *lasso*, *mustang*, *ranch*, *cinch* «седло» и др.

Некоторые из этих заимствований были словами испанского происхождения в новых значениях, напр., *alligator*, < исп. *el lagarto* «ящерица»; другие были заимствованы испанцами от коренного населения, напр. *potato* «картофель». Часть этих слов входила в состав английской лексики по мере того, как продукты Нового Света находили все большее распространение в Англии и других европейских странах. Поступление большого количества слов американского происхождения свидетельствует о том, что открытие Нового Света расширило познания европейцев в области естествознания и способствовало увеличению материальных благ.

Значительная часть одних и тех же испанских слов заимствована не только английским, но и французским языком. Иногда английские слова появлялись в результате совместного влияния нескольких романских языков, напр. *galleon*, *gallery*, *pistol*, *cochineal* (*galleon* = франц. *galion*, исп. *gallon*, ит. *galeone*; *gallery* = франц. *guleri* исп. порт. ит. *galeria*; *pistol* = фр. *pistole*, исп. ит. *pistola*; *cochineal* = фр. *cochenille*, исп. *cochinilla*, ит. *cocciniglia* [43, p. 275].

Большинство заимствований из испанского языка сохраняет свой иноземный облик и употребляется в английском языке в стилистических целях, чаще всего для придания местного колорита повествованию.

Проф. И. Р. Гальперин и Е. Б. Черкасская выделяют следующие испанские слова, вошедшие в английскую лексику и не воспринимаемые более как варваризмы: *renegade*, *armada*, *casque*, *grenade*, *cannibal*, *mulatto*, *aligator*, *mosquitto*, *potato*, *banana*, *cargo*, *guitar*, *parade*, *cigar*, *guerilla*, *cigaretta*, *cafeteria*, *tango*, *rumba* [19, стр. 149].

Завезенный в Европу в XVI в. табак, скоро получил широкое распространение в Англии, вследствие чего и слово, его обозначающее, прочно укоренилось в английском языке: от него произведены в XVII в. *tabacco-box* «табакерка», «коробочка для

хранения нюхательного табака», *tobacco-pouch* «кисет», *tobacco-pipe* «курительная трубка»; в разговорно-фамильярном употреблении слово *tobacco* сократилось в *bassu* [ˈbæki]. Слово *armada* (от исп. *armado*) «вооруженный» в XX в. получает новое значение «большая группа самолетов».

Слово *canoë* «челнок», «байдарка» (XVI в.) < исп. *canoa* из языка жителей острова Гаити, где так называли долбленные индийские лодки, вошло в фразеологическое сочетание *to paddle one's own canoë* «грести в своей собственной лодке», т. е. действовать независимо, самостоятельно.

Слово *despatch* «отправлять» было заимствовано (XVI в.) как глагол < исп. *despachar*, от него было произведено существительное *despatch* «отправление», «отсылка», в том числе и сообщений, а затем «сообщение», «донесение» [6, стр. 326—327].

От существительного *barbecue* (из языков Гаити — *barbasoa* «решетка», «сооружение из палок для сушки мяса») образован глагол *to barbecue* «сушить мясо» [31, р. 45].

Слово *bonanza* (< исп. *bonanza*, название серебряного рудника в Неваде) становится впоследствии нарицательным именем со значением «скопление богатой руды», «богатый залеж» [5, стр. 142].

Несмотря на наличие отдельных ценных замечаний по вопросу о лексической ассимиляции испанских слов в английском языке, в целом эта проблема еще ждет своей разработки.

Количество слов, заимствованных из португальского языка, несколько меньше в соответствии с относительно меньшей ролью, которую сыграла Португалия в истории европейской культуры и американской колонизации. Из португальского в английский язык проник ряд важных слов, в том числе *cobra*, *madeira*, *port* «портвейн», *molasses*, *pimento*, *tank*, *dodo* «дронт» (птица, букв. «глупый»).

В ср. англ. период из португальского языка было заимствовано лишь одно слово *magalade* < порт. *magalo* «айва».

В XV ст. португальские исследователи обогнули африканское побережье вокруг Мыса Доброй Надежды и достигли Индии. В XVI ст. португальцы захватили колонии на побережье Гвинеи, на восточноафриканском побережье и в Индии. Именно в этих областях английские моряки и купцы, а впоследствии чиновники и солдаты, заимствовали большинство португальских слов, хотя некоторые из них попали в английский язык из самой Португалии и из португальских колоний, расположенных на американском континенте, и особенно из португальских поселений в Бразилии и Гвинее.

В XVI в. непосредственно из португальского языка были заимствованы слова *geis*, *padre*. С запада в английский язык проникло слово *flamingo* < порт. *flamengo*; с востока *buffalo* «буй-

вол» < порт. *bufalo* < инд. *buffalo*; *typhoon*, возможно, < *tūfiān* из языка урду; на современную английскую форму повлияло латинское слово *typhōnus* < греч. *typhōn*; *mandarin* < порт. *mandarin* через индусский или малайский язык < санскритского *mantrin* «советник»; *bayadere* «индусская танцовщица» < порт. *bailadaria* «танцор».

Регулярная торговля с Индией привела к установлению более близких контактов между португальцами и англичанами. Это благоприятствовало проникновению в английский язык таких слов, как *caste* < порт. *casta* «раса», «происхождение»; *comprador* «слуга», «туземец» или «управляющий» (на Востоке); *pagoda* < порт. *pagoda* «пагода».

В XVIII ст. было заимствовано мало португальских слов: к ним относятся *palaver* «болтовня», «лесть» < порт. *palavra*, вначале оно означало «переговоры с местными жителями», затем перешло в матросский жаргон; *veganda* < порт. *vegandah* (индийского происхождения). В целом количество слов португальского происхождения невелико. Однако португальский язык, наряду с испанским, послужил каналом, через который в английский и другие европейские языки проник ряд слов из языков народностей Америки и Африки, познакомивших европейцев с многими новыми для них понятиями. О том, какими сложными разнообразными путями эти слова попадали в английский язык, свидетельствует, например, заимствование из португальского языка индийских слов *coolie* и *сиггу*, южноафриканских *банана* и *пегго* и малайских *амуск*, *bamboo*, *сокатоо* [42, p. 68].

Много слов испанского и португальского происхождения вошло в состав других европейских языков, немалое их количество существует и в русском языке. Некоторые из них приобрели общенародную употребительность, другие отражают особенности жизни Испании, Мексики и Южной Америки (армада, негр, гранд, ренегат, флотилия, хунта, парад, граната, сигара, сигарета, эмбарго, ваниль, москит, каноэ, коралл, баррикада, мулат, креол, херес, пикадор, тореадор, корвет, сомбреро, гитара, домино, кастаньеты, кадрили, фетиш, кафетерий, танго, томат, аллигатор, табак, маис, карамель, банан и др.).

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ

Проблема русских заимствований в английском языке рассмотрена поверхностно и односторонне в зарубежном языковедении. Она по существу сводится к неполному изложению слов, заимствованных из русского языка почти исключительно в дореволюционный период. Ряд авторов (Линделеф, Гринаф и Киттридж, Кларк, Богхольм и др.) в своих работах вообще не затрагивают этого вопроса. Брэдли указывает заимствования из русского языка: *knout, verst, steppe* [48, p. 103].

Мэк Найт мимоходом упоминает о том, что в более ранний период различными путями английский язык заимствовал из языков славянской группы слова *calash, cravat, siskin* (голл. *sijksen* < русс. «чижик»), *slave, coreck, ukase* и др.

По мнению Несфильда, русские заимствования более многочисленны по сравнению с немецкими. Он, как и Мэк Найт, не различает заимствований из русского и других славянских языков и приводит в числе других слова *mammoth* «мамонт», *gouble, vampire, czar* [73, p. 44].

В последние десятилетия число заимствований русского происхождения в английском языке особенно возросло. Зарубежные языковеды сознательно закрывают глаза на этот естественный и неизбежный процесс, замалчивают широту этих заимствований. Это свидетельствует о серьезной недооценке и в ряде случаев о преднамеренном принижении роли заимствований русского происхождения, особенно в послереволюционный период, в пополнении словарного состава английского языка. Не рассмотрены также вопросы, касающиеся ассимиляции русских заимствований и их употребительности в английском языке.

Проблема русских заимствований в английском языке была творчески разработана в трудах советских языковедов. В большинстве работ, посвященных этому вопросу, влияние русского языка на английскую лексику делится на два больших периода — заимствования дореволюционной и советской эпохи. В кандидатской диссертации В. В. Акуленко [4] история взаимодей-

ствия русского языка с языками Запада (в том числе и английским) разделяется на пять периодов.

Первый период охватывает влияние древнерусского языка эпохи Киевской Руси на древне- и частично среднеанглийский язык.

Второй период влияния русского языка на английский, связанный с развитием торговых и политических отношений России и Англии, ростом могущества русского государства, начинается со второй половины XVI и продолжается до середины XIX.

Третий период начинается с 60-х гг. XIX в. и продолжается до 1917 г.

В центре внимания в этот период оказываются изменения экономических и социальных отношений в России, все нарастающая борьба сил революции с силами реакции, большие достижения в развитии отечественной науки и культуры.

Высшим четвертым периодом заимствований из русского языка является советская эпоха. Можно говорить о новом этапе в развитии политической и социально-экономической лексики русского языка, а также о дальнейшем росте его международного значения в послевоенный период в связи с возникновением могучего лагеря мира, демократии и социализма [4, стр. 7—9].

Киевское государство имело чрезвычайно широкие связи с разными народами Азии и Европы, в том числе и с древними англичанами. Но сближение языков в эту эпоху не происходило [6, стр. 327].

Небольшое количество руссизмов попало в скандинавские языки и оттуда перешло в древнеангл. язык (ср., например, старангл. *tarog-aeh*, возможно *talken*, совр. англ. *talk* [4, стр. 6].

В этой связи нам представляется не совсем правильным утверждение проф. Аракина В. Д. о том, что единственным (подчеркнуто нами. — В. С.) русским словом, проникшим в английский язык еще до XIV в., было *sable* «соболь», распространившимся тогда же и в других языках, т. к. дорогой мех этого зверька попадал во все страны от восточных славян [6, стр. 327].

К числу слов, заимствованных английским и другими германскими языками из диалектов славянских племен еще в древнейшие времена (по-видимому, в XII в.), относятся: мед, молоко, конопля, плуг — древнеангл. *meodu*, совр. англ. *mead*; древнеангл. *meolk*, совр. англ. *milk*; древнеангл. *hepar*, совр. англ. *hepar*; древнеангл. *ploz*, совр. англ. *plough* [12, стр. 141].

Проф. А. И. Смирницкий выделяет более ранние славянские заимствования в древнегерманских языках, напр.: *plat* «кусок материи», «заплата» из древнеюжнославянского — **plat*; сравните старосл. *платъ*; древнешв. *palta* вин. падеж множ. числа «куски»; новешв. *palta* «лохмот»; Древнешв. *serkr* древне-

англ. *surc, serc* «рубаха», «панцирь» происходит от старосл. *sork*; сравните русск. «сорочка».

К числу более поздних заимствований относится древнешв. *torg* (рыночная) «площадь» из древнерусск. *торгъ*, старосл. *тръг* (новшв. *torg* «площадь»). Указанные выше слова отражают раннесредневековые торговые связи между отдельными германскими народностями (шведами, немцами) и русскими славянами [36, стр. 186—188].

Ко второй половине XVI в. относится установление прямых политических и экономических отношений между Англией и Россией.

В XVI—XVII вв. между обеими странами развернулась оживленная торговля, в частности, лесом, который был нужен Англии в большом количестве для кораблестроения [6, стр. 327—328].

О возросшем интересе англичан к России свидетельствует выход в свет в 1696 г. в Оксфорде русской грамматики, написанной Лудольфом, и появление ряда географических и этнографических описаний Московской Руси, автором которых были путешественники Уиллоуби, Дженкинс, Иден, Кук. На страницах этих произведений появляются ранние руссизмы, отражающие большей частью характерные особенности русской жизни [5, стр. 144].

В XVI в. были заимствованы слова — *cossack, pud, shuba, telega, tchetvert, beluga, sterlet*; в XVII в. — *kremlin, steppe, knout*; в XVIII и в начале XIX в. *raskolnik, kibitka, barometz, borzoi, ukaze, samovar*.

Ко второму периоду относится проникновение в английский язык слов, характеризующих жизнь целого ряда стран Восточной Европы.

Отдельные русские заимствования проникали в английский язык благодаря переводам произведений великих русских писателей (напр. слово *nihilist* из романа Тургенева «Отцы и дети»), а также публикациям в английских газетах и журналах статей о России, в которых употреблялись русские слова, особенно относящиеся к политической жизни, напр. *decembrists* «декабристы», *zemstvo* и др.

В третий период возрастает количество заимствованных английским языком общественно-политических, культурных и научных терминов типа *narodnik, intelligentsia, peredvijnays exhibition, Mighty Five, Periodic law, chernozem, uralite, volhy-nite* [4, стр. 7].

В. В. Акуленко справедливо подчеркивает, что с начала XX в. в русской подпольной и полуполюгальной литературе, в трудах В. И. Ленина отшлифовывалась, имеющая международное значение терминология марксистско-ленинской философии и

партийного строительства — «кулак», «большевизм», «демократический централизм», «кадры», «ячейка», «самокритика», «линия партии» и др. Эта терминология вошла в широкое употребление и в значительной мере была заимствована западноевропейскими языками после победы Великой Октябрьской социалистической революции [4, стр. 8].

В отдельных работах советских языковедов делается попытка семантической классификации русских дореволюционных заимствований.

Так, К. Т. Баранцев делит все русские заимствования до Великой Октябрьской социалистической революции на следующие семантические группы:

- 1) меры длины, веса: arshin, sagene (сажень), verst, pood;
- 2) денежные единицы: copeck, ruble (rouble);
- 3) средства передвижения: tarantass, droshki, kubitka, troika;
- 4) природные зоны: taiga, tundra, steppe;
- 5) названия животных и рыб: mamoth, beluga, morse;
- 6) архитектурные здания: Kremlin;
- 7) товары: astrakhan «каракуль», sattin, makhorka;
- 8) одежда: sarafan;
- 9) политические направления и их представители: decembrism, decembrist, narodnik;
- 10) сословное деление населения: czar (tsar), tsarina, tsarevich, boyar, muzhik;
- 11) административное деление страны и термины управления: uyezd, volost, дума, ukas, zemstvo;
- 12) напитки: koumiss, kvass, vodka;
- 14) религиозные секты: doukhobors;
- 15) музыкальные инструменты: balalaika;
- 16) слова, отражающие царский произвол: knout, pogrom и др.

Многие дореволюционные заимствования, напр., ispravnik, migod, obrok, barschina являются в настоящее время в русском языке историческими терминами и в английском встречаются лишь при исторических описаниях или в исторических романах [19, стр. 142].

К числу слов этого периода, наиболее распространенных в английском языке, относятся sable, trumpet, taiga, steppe, intelligentsia, mammoth, tundra, partisan, astrakhan, periodic law.

Заимствования из русского языка в IV и V периоды производятся почти исключительно за счет новообразований русской политической и общественно-экономической лексики и научной терминологии. Число заимствований в этот период возрастает особенно значительно, охватывая многочисленные слова, устойчивые сочетания и формулы.

Заимствование большого количества советизмов объясняет-

ся прежде всего тем, что эти слова являются носителями идейного содержания, которое не может быть вполне адекватно выражено другими словами, поскольку они обозначают идеи, понятия, учреждения, связанные с революцией и социалистическим строительством [25, стр. 284].

Интересно отметить, что многие русские слова появляются в английском языке вскоре после появления их в русском языке. Уже в 1929 г. английские словари фиксируют употребление в английской печати слова *five-year-plan* «пятилетка», возникшего в русском языке в 1928 г. В 1936 г. слова *stakhanovite*, *stakhanovism*, возникшие в русском языке лишь в 1935 г., широко употребляются английской печатью и фиксируются в толковых словарях [19, стр. 142].

Заимствования из русского языка идут и за счет нашей передовой науки и техники. Примерами таких терминов, приобретших значительное распространение в английской прессе, могут служить *yarovisation*, *vernalisation* и *springisation* от «яровизация», *walking excavator* «шагающий экскаватор».

Значительное распространение приобрело в английском языке слово *sputnik* после успешного запуска Советским Союзом первого в мире искусственного спутника Земли в 1957 году [34].

Большую известность в английском языке приобрели многие русские собственные имена, напр., *the Kremlin*, *the Pravda*, *the Izvestia* и др. [35, p. 35].

Некоторые слова и словосочетания характеризуют возникновение после второй мировой войны всемирного лагеря социализма, усиление борьбы за мир: напр., *Countries of People's Democracies* или *New Democracies*, *peoples of good will*, *struggle for peace*, *peace champion* [19, стр. 144].

Грандиозные успехи в коммунистическом строительстве, достигнутые советским народом за последние 10 лет, миролюбивая внешняя политика Советского Союза, смелое разоблачение партией культа личности и ликвидация его последствий способствовали появлению и распространению в английском языке таких слов и словосочетаний, как *brigade of communist labour*, *the reclamation of virgin and unused lands*, *the Tselinny land*, *council of national economy* или *sovнархоз*, *the liquidation of the cult of personallity*, *the program of building communism* и др.

К. Т. Баранцев делит русские заимствования советского периода по следующим семантическим группам:

1) марксизм-ленинизм и коммунистическая партия: *leninism*, *leninist*, *bolshevism*, *bolshevik*;

2) молодежные и детские коммунистические организации: *Komsomol*, *All Union Leninist Young Communist League*, *pioneer*;

3) руководящие государственные органы: *Supreme Soviet*;

4) великие революционные события: the Great October, Socialist Revolution, Red October;

5) социалистическая перестройка промышленности и сельского хозяйства: ryatiletka, socialist industrialisation, kolkhosnik, collective farmer, machine and tractor station;

6) культурная революция: palace of culture, Lenin corner, red corner, wall-newspaper, self-education и др.;

7) Советская армия и оборона нашей страны: Red army (ист.), Soviet Army, Hero of the Soviet Union и др.

Такое разделение по группам, как признает сам К. И. Баранцев, следует признать условным, т. к. слова и словосочетания wall-newspaper, Hero of Socialist Labour, criticism, self-criticism и др. можно с неменьшим основанием отнести к другим группам [19, стр. 144].

В числе других семантических групп в работе Е. Ф. Варно и соавторов упоминается классовая борьба в нашей стране: kulak, trozkyste и др.; новое отношение к труду в стране социализма: sundying «воскресник», socialist emulation [18, стр. 108].

С точки зрения формы советские заимствования представлены в английском языке фонетическими заимствованиями (типа Soviet, Komsomol, artel, sovkhos, kolkhos и т. п.), кальками, т. е. буквальными переводами всех морфем русского слова или всех членов устойчивого словосочетания (типа labour day, political guide, People's court of justice) и пояснительными переводами (типа poor peasant «бедняк», Young Communist League «комсомол», individual peasant «крестьянин-единоличник», progressive piece-rate system «прогрессивная оплата труда», «прогрессивка» и др) [5, стр. 148].

Многие английские слова под влиянием соответствующих русских слов приобретают новые значения, наполняются новой семантикой, напр., cadres прежде «военный персонал», ныне «кадры», pioneer «первооткрыватель», «сапер», теперь «член детской молодежной организации».

Имеются также так называемые «гибридные» заимствования, т. е. образованные из русского и английского слова, напр., Soviet Union, Soviet power, Stakhanovite movement.

Под влиянием русского языка в английском языке образуются также новые фразеологические единицы, слова вступают в новые сочетания, приобретают новое для них значение (напр. Soviet democracy, socialist construction, moral-political unity [19, стр. 143].

Фонетические или полные заимствования, вошедшие в английский язык в своей исконной звуковой форме, известным образом модифицированной в соответствии с английской фонетической системой, в большинстве случаев сохраняют неизменной присущую им семантику [5, стр. 146]. Количество фонетиче-

ских заимствований русского происхождения сравнительно невелико. Отдельные способы, перечисленные выше, тесно связаны друг с другом и их довольно трудно разделить. Этим отчасти, а также недостаточной разработанностью данной проблемы объясняется наличие противоречивых высказываний в работах различных языковедов. Так, В. В. Акуленко относит к калькам случаи перевода русских слов соответствующими английскими словами, употребляющимися в новом значении, напр., *cell* «ячейка», *patronage* «шефство», тогда как Н. Н. Амосова включает их в состав фонетических заимствований.

Н. Н. Раевская считает словосочетание *Young Communist League* калькой, а Н. Н. Амосова — поясняющим переводом.

Если в течение первых двух периодов среди руссизмов преобладали непосредственно заимствованные слова, хотя встречались отдельные кальки (напр., *Slavophiles* и *Westerners* «славянофилы» и «западники»), то в третий период кальки появляются в большом количестве. В советскую эпоху калькирование становится ведущим способом заимствования русских слов и выражений английским языком (ср., например, *Soviet power*, *local Soviet*, *Council of People's Commissars*, *New Economic Policy*, *labour-day*, *Prepared for Labour and Defence badge*, *Hero of Socialist Labor*, *Land of Soviets* [35, p. 23].

Значительное количество калек (*party-nucleus*, *shockwork*) основано на переосмыслении отдельных английских слов, приобретении ими новых значений, связанных с советской действительностью. Это еще раз подтверждает то обстоятельство, что не всегда представляется возможным установить четкие грани между разными способами передачи советизмов в английском языке.

В. В. Акуленко различает несколько типов калькированных заимствований: полукалек к сложным словам и составным терминам типа *Soviet farm* «совхоз», *glei horizon* «глеевой горизонт»; полукалек к аффриксальным образованиям с заменой аффрикса или корня (напр., *michurist* «мичуринец», *stormovik* «штурмовик»). В последнем случае, по нашему мнению, речь идет не о калькировании, а о лексической ассимиляции полных заимствований, выражающейся в уподоблении заимствованного корня исконному и замене иноязычных словообразовательных элементов аффиксами, характерными для данного языка [4, стр. 11].

Образование аббревиатур от многих русских заимствований, напр. *C.P.S.U. Communist Party of the Soviet Union*, *MTS Machine and Tractor Station*) свидетельствует о широком понимании и употреблении этих слов [11, стр. 51].

Н. Н. Амосова указывает на случаи вытеснения фонетиче-

ских заимствований более общепринятыми словами-кальками (напр. Komsomol—Young, Communist League), а также неустойчивость, незакрепленность формы отдельных советизмов (ср. maternity centre — consultative centre, sovkhos — soviet farm и др.). В то же время иногда стремление к точному воспроизведению структуры русского словосочетания приводит к смысловой нечеткости, напр., калька production learning, передающая словосочетание «производственное обучение» — неудачна, т. к. в английском языке production означает не только «производственный», но и «эффективный», «плодотворный» [5, стр. 148—149].

Большое количество советизмов отличается широкой употребительностью в английском и других западноевропейских языках. Многие из них превратились в интернациональные слова в их непосредственной русской форме или посредством их калькирования. Примеры:

английский	французский	немецкий
Leninism	leninisme	Leninismus
bolshevik	bolshévik	Bolschewik
Komsomol	Komsomol	Komsomol
Kolkhoz	kolkhoz (e)	Kolchos
socialist	émulation	sozialistischer
competition	socialiste	Wettbewerb [11, стр. 53].

Как указывает В. И. Ленин: «Наше русское» слово «Совет» — одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски. (соч. т. 30, стр. 392).

Часть советизмов отражает понятия, характеризующие определенный, прошедший этап развития советского общества, и не употребляется относительно современной действительности как в русском, так и в английском языках (ср. NEP, gabfac, Goelro, Council of People's, Commissars, Red army и др.).

В кандидатской диссертации Г. Ю. Балль. «Влияние русского языка послеоктябрьской эпохи на словарный состав английского языка» в числе других вопросов освещается проблема лексического усвоения заимствованных слов, проявляющегося в особенностях их семантического развития, а также роста их словообразовательной продуктивности.

Отдельные замечания относительно лексической ассимиляции русских заимствований дореволюционной эпохи имеются в работах других советских авторов.

От некоторых руссизмов путем аффиксации и конверсии образованы новые слова, напр. nagodism, nihilist, to knout «бить кнутом», sable (как прилагательное) «черный».

Древнее славянское заимствование sable приобрело в английском языке дополнительное значение «соболий мех», «траурное

платье», «одеяние»; у прилагательного *scorbutic* (от слова «скорбеть») в английском языке возникло более узкое значение «цынготный», «тот, кто страдает от цынги» [11, стор. 49].

Интернациональное слово *partisan*, означавшее в английском языке «сторонник», «приверженец какой-либо партии», после Отечественной войны 1812 г. приобрело новое значение и в этом новом значении перешло в английский язык.

Некоторые старые русские заимствования подверглись значительным преобразованиям. Так, например, *bagometz* — это отражение русского существительного «баранец»; существительное *boуag* вошло в английский язык без словообразовательного суффикса -ин [5, стр. 45].

Из современного русского языка заимствуются только те слова и только в тех значениях, которые связаны с новыми и важными для данного народа понятиями, не имеющими своего обозначения в языке, напр., *Soviet* в значении «орган власти пролетариата и сельской бедноты», в настоящее время «орган власти трудящихся в СССР». Прямое значение слов «кулак», соответствующее англ. *fist*, и «спутник» — англ. *fellow-traveller* не переходит в английский язык.

Большинство русских слов, попадая в английский язык, сохраняет свою семантику неизменной, однако отдельные заимствования приобретают и новые, дополнительные значения, т. е. подвергаются известному переосмыслению. Так, слово *Soviet* в форме множественного числа служит иногда для наименования советского государства, а иногда употребляется в значении «советская власть» (напр., *under the Soviets* «при советской власти»), слово *bolshevik*, кроме своего прямого значения «член коммунистической партии Советского Союза», употребляется в характерном для буржуазной идеологии переосмыслении «человек крайних революционных взглядов». Слово *komsomol* употребляется иногда в значении «комсомолец».

Наблюдаются отдельные случаи использования слова *sputnik* в переносном значении, что возможно лишь с хорошо известным словом (напр., *to fire a verbal sputnik at the politicians*) [34, стр. 25].

Г. Ю. Балль связывает приобретение советизмами новых значений в английском языке с процессом их ассимиляции, что само по себе правильно, однако не следует при этом также забывать о возможности сознательного искажения семантики тех или иных слов со стороны представителей буржуазной идеологии.

Г. Ю. Балль останавливается на явлениях опрошения, характерных для значительного количества слов, заимствованных из русского языка. Так, слово *bolshevik* в первое время своего существования в английском языке не разлагалось в сознании

говорящих на составные морфологические части. Об этом свидетельствуют приводимые рядом словарей (ПЕД и другими) формы *bolshevikism*, *bolshevikise*, *bolshevikian*, в которых суффикс присоединяется ко всему слову в целом. Возможно, впоследствии это слово начало делиться на элементы *bolshev—ik*, чему благоприятствовало наличие ряда заимствованных русских слов с суффиксом *-ик*, *-ник*, обозначающим деятеля (*-ik*, *-nik*, напр. *udarnik*, *menshevik*), а также наличие целого ряда производных и сложных слов, содержащих корень *bolshev* — (*-ism*, *-ist*, *-ise*, *-phobic* и др.).

От русских заимствованных слов создаются новые производные, согласно имеющимся в языке словообразовательным моделям, напр. *five year planning*, *collective farming*, *colectivisation*, *sovietic*, *sovietism*, *YCL-er*, *pioneer leadership*.

Р. З. Гинзбург различает заимствования, оформленные по нормам английского словообразования, в том числе и слова русского происхождения, напр. *to jarovise—jarovisation* по типу, широко распространенному в современном английском языке (ср. *nationa.ise*, *nationalisation*, *dramatise—dramatisation*) [20, стр. 23].

Ряд производных был создан в последние годы от слова *sputnik*: *sputnikist*, *pre-sputnik era* [34, стр. 88].

Русские заимствования могут также подвергаться конверсии (ср. напр., прилагательное *Soviet*, образованное от соответствующего существительного), а также прилагательное *kolkhoz* в словосочетании *kolkhoz statute*, *kolkhoze member*. Во всех случаях наблюдается один и тот же вид конверсии: образование прилагательного от существительного. Другие виды конверсии у русских существительных, заимствованных в советский период, не встречаются [10, стр. 10].

Несмотря на стремление зарубежных лингвистов и лексикографов умалить значение русских заимствований в современном английском языке, в чем, в конечном счете, находит свое выражение идеологическая борьба в области языкознания, эти слова приобретают все большее распространение в языковом сознании широких народных масс. Поскольку на путь строительства коммунистического общества, по которому идет советский народ, неизбежно вступят все народы мира, исследованию непрекращающегося русского языкового влияния на английскую лексику должно быть уделено самое серьезное внимание.

Из польского языка заимствовано слово *mazurka*, из чешского — *robot* < чеш. *robotiti* «работать».

В числе заимствований из других европейских языков следует также отметить отдельные слова венгерского происхождения: *hussar*, *gulash*, *shako*, *szardas*, *paprika*, *coach*, *tokay* и др.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ЯЗЫКОВ ДРУГИХ ЧАСТЕЙ СВЕТА

В эпоху великих географических открытий и в последующий период в связи с усовершенствованием средств транспорта, небывалым ростом мировой торговли, втягивавшей в свою орбиту наиболее отсталые страны, английский язык заимствовал большое количество слов из языков народов, населяющих Азию, Африку, Северную и Южную Америку и Австралию. В современном английском языке, по утверждению зарубежных языковедов, имеются заимствованные слова примерно из 50 языков. Одной из причин этих заимствований является рост торговли со всеми частями мира, и поэтому значительная часть заимствований представляет собой названия иностранных изделий, попавших в Англию вместе со словами, которые их обозначают.

Положение Англии в мировой торговле укрепилось уже с XIV века. В XV—XVI вв. английские купцы добивались захвата новых рынков и ограбления колоний. С XVII в. начинается колониальная экспансия Англии, которая привела к захвату ею огромных территорий, порабощению и жестокой эксплуатации народов, находящихся на разных ступенях экономического и политического развития. Несмотря на распространение английского языка в Австралии, Новой Зеландии, Канаде, США, он, как правило, не смог вытеснить языки народов, населяющих порабощенные страны. Мощное антиимпериалистическое движение бывших колониальных и полуколониальных народов за свое освобождение знаменует собой крах колониальной системы, наносит сокрушительный удар мировому империализму. За последнее время десятки стран Африки, Азии и Южной Америки обрели независимость и отстаивают ее в ожесточенной борьбе с силами империализма.

Освобождение народов от колониального господства нанесло непоправимый удар замыслам американо-английских империалистов превратить английский язык в «мировой язык» и, по признанию самих зарубежных языковедов, ослабило его позиции в странах, освободившихся от колониального гнета. Тесные политические, экономические и культурные связи англичан с на-

родами бывших зависимых и полузависимых стран не прошли бесследно для английского языка, который заимствовал значительное количество слов, выражающих новые понятия из жизни других народов.

По мнению И. В. Арнольда, большинство слов, заимствованных в связи с колонизаторской деятельностью англичан, употребляются только тогда, когда речь идет о той стране, откуда эти слова заимствуются, вне этой сферы они не используются и ощущаются как иностранные [8, стр. 228].

Утверждение И. В. Арнольда не совсем точно: имеются заимствования их языков поработенных прежде народов, получившие всеобщее распространение в силу важности выражаемых ими понятий, напр., tea (кит), shawl, chess, lemon, check (перс.); coffee (тур.), pepper, verandah (инд.); canoe, mocassin, potato, tomato, tobacco, hurrigane, maize (из языков народов Америки) и др.

Английский язык заимствовал значительное количество иноязычных элементов неевропейских языков. Вне пределов Европы мы сталкиваемся прежде всего с семитской группой языков, включая арабский и древнееврейский.

Арабские заимствования составляют наибольшее количество слов восточного происхождения в английском языке. Всего их насчитывается около 170, из них около 50 прямых и 120 непрямых заимствований [31, р. 47].

Эти слова отражают многообразные культурные и торговые связи Европы с Востоком.

Значительное количество слов арабского происхождения относится к области математики и химии благодаря высокому развитию этих наук на арабском востоке в эпоху средневековья, напр. alcohol < ср. лат. < араб. alcoh'l XVI в.; alchemy < араб. al kimia XIV в.; algebra < араб. al jebg, дословно «сложение сломанных частей» [76, р. 134].

Некоторые слова арабского происхождения выражают понятия, характерные для жизни на востоке, напр. emir, bedouin, fakir < араб. faqir «бедный человек»; gazelle, giraffe < фр. < исп. < араб. zarafah; harem < араб. haram; houri < перс. huri < араб. hawira «быть черноглазой, как газель»; lute, myrrh, sheikh < араб. shaikh «старик», visier.

Наибольшее количество арабских слов было заимствовано в XIV—XVI вв. В основном они представляют собой научные термины или обозначают предметы торговли, особенно восточные товары. Некоторые из них являются названиями лиц или связаны с мусульманской религией. Часть этих слов по своей семантике не поддается какой-либо классификации, ср. XIV в.—camphor «камфора» < ст. франц. < араб. kafur; alkali «щелочь» < араб. al quali; tartar «винный камень»; zenith < франц. <

< исп. < араб. samt arras «путь сверху»; azimuth < франц. < араб. as-sumut; amber «амбра» < фр. < араб. anbar; tara < фр. < исп. < араб. tarhan taraha «выбрасывать».

XV в. — alcoran, mosque < фр. < араб. masjid и др.

XVI в. — arsenal < араб. dar as-sinah, первоначальное значение этого слова в английском языке «док для ремонта кораблей»; calibre < франц. < араб. galib; mameluke < араб. mamluk; sultan < араб. aultan; muezzin < араб. muatzzin, причастие от a ana «превозглашать»; magazine < франц. < араб. makazin «склады»; jar «кувшин» < фр. jarre < исп. < араб. jarrah.

В XVII, XVIII и XIX столетиях количество арабских заимствований незначительно, к ним относятся allah, sandy < фр. < араб. < перс. quand «сахар», minaret < араб. manaret и несколько других неассимилированных слов.

Слова арабского происхождения almanac, arsenal, calibre, cipher, cotton, nadir, zenith, zero и др. получили широкую известность в английском языке.

Часть арабских слов попала в английский язык из греческого и итальянского языков, другая — из Испании, где мавры, говорившие на арабском языке, господствовали в течение 700 лет. Некоторые слова прошли более дальний путь — из Испании во Францию и лишь оттуда проникли в английский язык. В числе последних слов следует упомянуть admiral, которое произносилось Мильтоном как amiral < араб. amir-al-bahr, дословно «начальник моря», antimony, arabesque, artichoke, assasin, bedouine, caliph, caraway, coffee, cotton, garbage, garble, jasper, mask, masquerade, mattress, saracin и т. д. Арабы часто были посредниками, при помощи которых древнегреческая (эллинская) культура проникала в Западную Европу, где она была в то время еще мало известна, о чем свидетельствуют слова alchemy, alembic, carat, eleksir, talisman, в конечном счете, древнегреческого происхождения, заимствованные из арабского языка.

К числу прямых заимствований из арабского языка относятся albatross, altar, hegira, hookah, iman, islam, khalif, koran, mohair, moslem, mufti, nadir, simmon, sofa и др.

О различных путях заимствования арабских слов свидетельствует возникновение отдельных дублетов арабского происхождения. Так, арабское слово в значении «напиток» было введено в английский язык непосредственно из арабского в двойной форме sherbet и shrub. Заимствованное из арабского испанским, а затем французским языком то же слово появляется в форме cipher. Таким же путем арабское слово sifr (cipher) через испанский и французский языки достигает английский в форме cipher, Через нижнелатинский (Low Latin) и итальянский оно попадает в английский язык в форме zero [71, p. 145].

В английском языке имеется около 80-ти слов **древнееврейского происхождения**. Из этого числа 30 библейских слов представляют собой прямые заимствования, остальные 50 проникли в английский язык окружным путем [31, р. 57]. Некоторые из этих слов дают представление о жизни в восточных странах (camel, cassia, cinnamon, elephant, hyssop, sapphire, cider, ebony, shekel, nitre, simon, sodom, leviathan, jubilee).

Несфильд в числе слов древнееврейского происхождения указывает balsam (более древняя форма balm < франц. языка), alphabet (< др. греч. языка), bedlam «дом для умалишенных» (искаженная форма Bethlehem), maudlin (искаженная форма magdaline), jockey (искаженная форма от jасkey, уменьшительное от jack < древнеевр. jас-ob) [73, р. 44].

Из древнееврейского языка было заимствовано небольшое количество слов, относящихся к области религии: amen, cherub, halleluja, Yehovah, lazар, manna, pharisee, rabbi, satan, shabath, shibboleth, seraph.

Из **персидского языка** заимствованы слова: pasha, todgy, magic, satrap, tiara, gherkin, scimitar, taffeta, julep, rook (в шахматах), checkers, chess, chicanery, shawl, lemon, lilac, van (wagon), borax, calabash, spinach, [71, р. 146], bazar, caravan, dervish, paradise, bezique, divan, orange, check или cheque, exchequer, jackal, jujube, checkmate < перс. shahmat «король мертв».

Общее количество слов персидского происхождения в английском языке достигает 100, из них 75 не прямых заимствований.

К непрямым заимствованиям относятся: giaour, margarine, parhta, pyjamas, sandal, saraband и др. Некоторые из этих слов прошли длинный путь прежде, чем попали в английский язык, напр. rice < франц. < ит. < лат. < греч. < перс.; tulip, turban < < франц. < ит. < турецк. < перс. Tulip и turban происходят от одного и того же персидского корня. Согласно О.Е.Д. г в turban появилось, по-видимому, благодаря употреблению этого корня в португальских колониях в Индии [31, pp. 47—48].

В XIII в. через французский язык было заимствовано слово scarlet, в XIV в. tiger, azure и через латынь arsenic, salamander [19, стр. 151].

Некоторые персидские слова вошли в английский язык двояким путем: прямо из персидского и через французский, напр. shah некогда было заимствовано из старофранцузского в форме eshec «шахматы» [5, стр. 158].

Многие слова персидского происхождения проникли в европейские языки и выражают широко распространенные понятия (ср. в русском языке: пижама, шахматы, шаль, тюльпан, базар, караван, диван, чек, оранжевый и др).

К числу слов, проникших в английский язык из **Сирии**, отно-

сятся abbess, abbot, abba «отец», damask, damson, muslin, Mosul (название города), mammon (о богатстве), messiah «помазанный» и др.

Количество заимствований **турецкого происхождения** невелико (менее 20). Они относятся, главным образом, к особенностям жизни и быта Турции, хотя отдельные слова приобрели более широкое применение в английском и других европейских языках. В числе турецких заимствований можно назвать bosh «вздор», turkey «индюк», uhlan, coffee, bey, caftan, kiosk, adalisque, effendi, horde, ottoman «основатель Турецкой империи», yataghan, yanyazy, aga или agha «турецкий военачальник», caïque «ялик», dolman «длинное турецкое платье».

В противоположность Мэк Найту и Брэдли, Кунин относит слова turkey и horde к **татарским заимствованиям**, упоминая в числе последних также khan и koumiss [31, p. 48].

Робертсон отмечает, что заимствования из турецкого языка слабо ассимилированы английским языком и выражают понятия, характерные для жизни на востоке [76, p. 336].

Заимствования из **китайского языка** отличаются своей малочисленностью — jinseng «женьшень», china «фарфор», paikoen «сорт материи» от географического названия Nankeen; sampan «лодка», kaolin «фарфоровая глина», возможно, silk «шелк».

Некоторые китайские слова попали в английский язык через французский, например, bonze «бонза», serge «саржа» и другие. Из небольшого количества слов китайского происхождения пять обозначают различные сорта чая (bohea, congou, hyson и др.), а шестое (tea) служит названием самого чая. В более полных словарях английского языка попадаются и другие китайские заимствования, хотя едва ли можно утверждать, что они ассимилированы английским языком.

К словам **тибетского происхождения** относятся lama «высокопоставленный буддийский священник в Лхассе», yak «бык».

Из **японского языка** происходит слово gickshaw «рикша». Заимствование в последнее время таких слов, как samurai, kimono, haori-kiri, jiu-jitsu, mikado свидетельствует, по мнению Мэк Найта, что в ближайшем будущем следует ожидать введения новых слов из японского языка [71, p. 147].

Слова японского происхождения soy < яп. shoyu «соя», geisha < яп. geisha «гейша», букв. «искусница» появились в английском языке раньше, чем в других европейских языках [5, стр. 157].

Много слов было заимствовано из **языков народов Индии**. Некоторые из них попали в европейские языки в более ранний период и в какой-то мере характеризуют вклад восточных народов в мировую цивилизацию. Примерами таких слов, попавших в английский язык различными путями, являются pepper «перец»,

beryl «берилл», sandal «сандал», cashmere «кашемир» (сорт ткани), chintz «узорчатая хлопчатобумажная ткань», calico «коленкор», ghee «масло из буйвола», punch «пунш», rupee «рупий», и др.

К числу заимствований санскритского происхождения относятся banuap «сорт дерева», camphor «камфора», crimson «малиновый» (цвет), ginger «инбирь», hemp «конопля», indigo «индиго», jute «джут» и др.

К более поздним, большей частью прямым заимствованиям из языков Индии принадлежат bandanna «способ окраски тканей»; brahmin «брамин», bungalow «бунгало», cot «хижина», jungle «джунгли», loot «грабеж», khaki «хаки», rugree «тюбан», pundit «индусский ученый», punkah «опахало», rajah «раджа», serou «сипай» (индусский солдат на службе у европейцев), swaraj «движение за представление Индии автономии» todny «сорт вина», veranda «веранда» и др.

Несфильд разграничивает слова, заимствованные из языков Северной Индии — Hindustani — от заимствований из языков Южной Индии — Dravidian.

К первым принадлежат bangle «браслет», chutny «острая приправа», dacoit «разбойник», к последним — curry «соя», cheroot «сорт сигары», coolie «кули», mango «плод мангового дерева», pariah «пария» и некоторые другие [73. pp. 44—45].

Из языков племен Австралии заимствованы слова boomerang «бумеранг», kangaroo «кенгуру», paramotta «легкая материя», соеу клич, распространенный у исконного населения, который переняли и колонисты (употребительный, напр., в обороте be within соеу of Sydney).

В английском языке имеется около 236 слов из языков северных индейцев, хотя многие из них отличаются слабой употребительностью и выпали из его словаря.

От североамериканских индейцев заимствованы не только географические названия, являющиеся характерной чертой американской топонимии, но и группа слов — названий животных, продуктов питания и особенностей жизни и быта исконного населения.

Из слов североамериканского происхождения следует упомянуть row wow «шаман», hickory «сорт орешника», moccasin «мокасцин», moose «американский олень», opossum «сумчатая крыса», racoon «енот», skunk «скунс», calumet «курительная трубка», squaw «туземная менщина», toboggan «сани», tomahawk «томагавк», totet «тотем», wigwam «хижина» и др. [73, p. 45; 71, p. 147].

Щука больших размеров была названа в Северной Америке словом muscalunge из языка племени обжибва; woodchuck < алгонкинского wejack, животное из породы сурков серовато-

бурого цвета, живет в северо-восточных штатах; в этом слове видно действие народной этимологии, приспособившее алгонкинское слово *węjack* к английской семантике [7, стр. 62].

Из индейских языков заимствовано определенное количество слов, характеризующих особенности политической жизни США, предвыборную кампанию различных партий. Многие слова индейского происхождения при этом подверглись переосмыслению, изменили свое значение. Напр. *wigwam* означает не только «хижина», «театр», «жилище индейцев», но также и «большое сооружение для политических собраний». *Wigwam* (с большой буквы) означает *Tamanny Hall*, от *Tamanny*, имени вождя индейского племени деливаров XVII—XVIII вв., прославившегося своей мудростью и дружественным отношением к белым; в настоящее время этим словом называют организацию демократической партии в Нью-Йорке [17, р. 19].

Индейское слово *saucus* обозначает «предварительное собрание политической партии»; слово *wigwam* — человека, который проводит самостоятельную политику, не считаясь с решением или мнением партии [7, стр. 63—64].

Отдельные композиты и обороты были образованы путем калькирования индейских слов, отражающих обычаи и воззрения индейцев, напр., *fire-water*, *pale-face*, *pipe of peace*, *war-paint* (т. е. «краска, накладываемая индейцами на лицо, указывающая, что они выступают на войну», в переносном смысле «церемониальный костюм», «парадное облачение»); *war-path* «тропа, по которой идут во время военного похода», отсюда *to be on the war-path* «находиться в состоянии войны», «идти на войну» [31, pp. 49—50].

Чаще всего эти кальки употребляются в переосмыслении и имеют соответствующие эквиваленты в других языках (ср. в русском языке «бледнолицый», «трубка мира» и др.).

Хотя многие индейские заимствования, напр. *wigwam* и *squaw*, употребляются только применительно к жизни североамериканских индейцев, немалое их количество (*toboggan*, *moccasin* и др.) получило широкое распространение в английском языке [48, р. 104].

Много слов заимствовано из языков **народов, населяющих Центральную и Южную Америку** (в основном через испанский и португальский языки). Так, из Мексики взяты слова *chocolate*, *sasaо*, *soral* «копал», «копальная медь», *sasotin* «енот», *chickle* «одна из составных частей жевательной резинки», из Кубы и Вест-Индии *cannibal* «людоед», *hammock* «гамак», *hurricane* «ураган», *maize* «кукуруза», *potato*, *tobacco*; из Перу *alpaca* «альпака» (растение), *coca* «кока», отсюда *cocaine*, *condor* «кондор», *llama* «лама», *prairie* «широкая равнина с травяным покровом в Южной Америке», ср. *prairie* в США, «степь» в СССР,

рита «пума», quinine «хинин»; из Бразилии и других южноамериканских областей, bussapeer «охотник за быками», saueppe «сорт перца», jaguar «ягуар», tapioca «маниочная крупа».

Как отмечает проф. Ильиш Б. А., примерами **негритянских слов** служат banjo в конечном счете греческого происхождения, а также picapinny «негритянский младенец» из испанского *pequeño* «младенец» [25, стр. 272].

Непосредственно из языков народов Африки или от голландских или португальских переселенцев заимствованы слова baobab, gnu, Hottentot, negus, voodoo и zebu.

К числу слов **египетского происхождения** принадлежат behemot, sack, уменьшительное < satchel; gum «камедь», «смола», gypsy «цыганка», oasis, paper < papyrus, pharaoh.

Несфильд различает слова **североафриканского происхождения**: barb «конь», скакун», Магоссо (от названия страны), fez «феска»; из западноафриканских языков: chimpanzee, guinea, gorilla, yam «сладкая картошка» [73, p. 45].

Наиболее распространенные египетские заимствования пришли в английский язык, главным образом, через латинский или французский (напр., ibis < копт. hibōi, лат. ibis «ибис»), pyramid (фр. pyramide, лат. pyramis, егип. pirōmī «пирамида») [5, стр. 157].

Слова из различных африканских языков слабо распространены в английском языке.

Общее количество слов **малайского происхождения** в английском языке достигает сорока, хотя большинство из них известно ограниченному числу людей Брэдли, Поттер и Амосова Н. указывают в их числе bamboo, gingham «индийская бумажная материя», gong, gutapercha, lory «попугай», orang-utang, amuck «безумный», ketchup «соус», sago «саго», «саговая пальма», beri-beri «болезнь», betel «растение», cassowari «род страуса», caddy «чайный ящик», cockatoo «какаду», mangrove «мангифера», paddy «сорт риса», rattan «тростник» и др.

Из числа полинезийских языков заимствованы слова taboo, tatoo, которые приобрели всеобщее распространение в английском и других языках.

Многие из приведенных заимствований вошли в состав ряда европейских языков. Так, англ. potato соответствует франц. patate и нем. Potato и Potaske, хотя и во французском и в немецком языках для выражения данного понятия обычно употребляются слова, состоящие из исконных элементов (франц. pomme de terre, обычно в сокращенной форме pomme и нем. Erdapfel или Kartoffel). Пример со словом potato характеризует предпочтение французского и особенно немецкого языка к использованию исконного лексического материала для выражения новых понятий. Широкое распространение в немецком языке приобре-

ли слова *Anschovis, Zigarre, Känguruh, Kamel, Kannibale, Kanoe, Absenth, Azur, Gazelle, Jasmin, Tulap, Karawane, Guttapercha, Orang-Outang, tattowieren, Almanach, Quinine, Gummi, Basalt, Zebra, Kakao, Kautschuk, Tabak, Tamarinde, Tamtam*. Большинство указанных слов прослеживается в русском языке (кенгуру, каное, газель, жасмин, тюльпан, караван, гутаперч, альманах, хинин, зебра, какао, каучук, табак, тамаринд и др.) и является частью интернациональной лексики.

Рассмотрение заимствований из языков народов, населяющих разные части света, убеждает нас в том, что их число довольно значительно, однако о серьезном влиянии этих заимствований на английскую лексику говорить не приходится, так как большинство из них (за исключением ряда терминов арабского происхождения и названий продуктов из Америки, получивших всеобщее распространение) отличается слабой употребительностью и крайне ограниченной сферой применения. Это так называемая экзотическая лексика, степень ассимиляции которой ничтожна. Общим недостатком большинства работ, в которых рассмотрен данный вопрос, является описательность, что проявляется в простом перечислении различных слов и в отсутствии анализа их употребительности в языке. Вопрос о лексической ассимиляции данных слов в советском языкознании, как и в работах зарубежных лингвистов, не разработан.

ЛИТЕРАТУРА

Классики марксизма-ленинизма

1. К. Маркс. Письма. М., 1931.
2. Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. М., 1935.
3. В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1947.

Специальная литература

4. Акуленко В. В. Влияние современного русского языка в связи с развитием его словарного состава на западноевропейские языки (на материале английского языка). Диссертация Харьков, 1955.

5. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка, М., 1956.

6. Аракин В. Д. Очерки по истории английского языка. М., 1955.

7. Аракин В. Д. К вопросу об английском языке в Америке. «Иностранные языки в школе» 1937, № 1.

8. Арнольд И. В. — Лексикология современного английского языка. М., 1955.

9. Ахманова О. С., Мельчук Н. А., Падучева Р. М., Фрумкина Р. М., О точных методах исследования языка. М., 1961.

10. Балль Г. Ю. Влияние русского языка послеоктябрьской эпохи на словарный состав английского языка. М., 1952.

11. Баранцев К. Т. Курс лексикології сучасної англійської мови. К., 1955.

12. Белецкий А. А. Лексическая ассимиляция как один из законов развития языка. Тезисы доклада на XI научной конференции КГУ.

13. Белозерова Е. Н. Об ассимиляции латинских прилагательных на -ate в английском языке XVI—XVII вв. Сб. исследования по английской лексикологии. Моск. гос. пед. ин-т им. Ленина, М., 1961.

14. Бروفман М. В. К вопросу о заимствовании французских слов в английском языке XVII (на материале произведений Д. Драйдена). Ученые записки Алма-Атинского пед. ин-та иностранных языков. Т. II, вып. I. Алма-Ата, 1957.

15. Бروفман М. В. Лексическая ассимиляция французских заимствований в английском литературном языке XVII—XVIII веков. Ученые записки Алма-Атинского педагогического ин-та.

16. Бروفман М. В. О роли и удельном весе французских заимствований в английском литературном языке. Ученые записки Алма-Атинского пед. ин-та иностранных языков. Т. II, вып. 12.

17. Булавин Н. Н. Об американском варианте английского языка. «Иностранные языки в школе», 1953, № 2.

18. Варно Е. Ф. — Лексикология английского языка.

19. Гальперин И. Р. и Черкасская Е. Б. Лексикология английского языка. М., 1956.

20. Гинзбург Р. О пополнении словарного состава языка. «Иностранные языки в школе», 1954, № 1.
21. Грузинская И. А. Парные синонимы и повести Диккенса *The Cricket on the Hearth*. «Иностранные языки в школе», 1938, № 1.
22. Жданова И. Ф. К вопросу о скандинавских заимствованиях в словарном составе английского языка. Диссертация, М., 1953.
23. Звегинцев В. А. История народа и развитие языка. «Иностранные языки в школе», 1953, № 3.
24. Иванова И. П. Семантика английских слов в связи с французскими заимствованиями в эпоху становления национального литературного языка». Ученые записки ЛГУ, 1949.
25. Ильиш Б. А. История английского языка.
26. Ильиш Б. А. Современный английский язык. М., 1948.
27. Карпова В. Н. Развитие в английском языке группы глаголов основного словарного фонда, заимствованных из французского языка в период с конца XII века по I четверть XIII века. Диссертация, М. 1955.
28. Қилимова Н. Н. К вопросу о влиянии французского языка на лексику современного английского языка М., 1960.
29. Костюченко Ю. П. Історія англійської мови. К., 1953.
30. Крейн И. М. Французские заимствования XIX века в английском литературном языке (Опыт статистических исследований) Диссертация М., 1963.
31. Коопин А. English Lexicology. М., 1940.
32. Мельцер М. М. К вопросу о процессах словообразования современного английского языка (на материале неологизмов последних 2-х десятилетий). «Иностранные языки в школе», 1957, № 4.
33. Педченко Е. Д. Роль скандинавских существительных в процессе обогащения словарного состава национального английского языка (на материале скандинавских существительных, выделенных из Кентерберийских рассказов Чоссера). Диссертация М., 1956.
34. Почепцов Г. Г. Sputnik в английском языке. «Иностранные языки в школе», 1959, № 6.
35. Рауевска N. English Lexicology. К., 1961.
36. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М., 1955.
37. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1956.
38. Шахрай О. Б. Греческий элемент в лексике английского языка. Очерк истории слов греческого происхождения и их оформление в английском языке. Диссертация, Л., 1963.
39. Ядова А. В. Ассимиляция французских заимствований в английский язык во второй половине XII века. Ученые записки Московского пед. ин.-та им. Н. К. Крупской, т. XIV, 1958.
40. Ядова А. В. Французские заимствования второй половины XVII века (слова из области быта). Москва.
41. Ярцева В. Н. К вопросу об историческом развитии системы языка. Сб. «Вопросы теории и истории языка». М., 1952.
42. Barfield O. History in English Words. London, 1954.
43. Vaugh A. A. History of the English Language, London, 1959.
44. Biard A. Langue Anglaise. Grammaire de revision. Paris-Bordeaux, 1894.
45. Björkman E. Scandinavian Loanwords in English. Halle, 1900.
46. Bladin V. A Study on Deminative Verbs in English. Uppsala, 1919.
47. Bgholm N. English Speech from an Historical Point of View Copenhagen, London, 1939.
48. Bradley H. The Making of English. London, 1943.
49. Brander M. The Englishing of French Words. Oxford, 1921.
50. Brook G. A History of the English Language. New-Jersey, 1958.
51. Clark J. W. A Study of Old and Middle English. London, 1957.
52. Clover B. The Mastery of the French Language in England. New-York, 1888

53. Dauzat A. Etudes de linguistique française L'attraction paranimique dans le français. Paris, 1946.
- 54. Derocquigny J. A Contribution to the Study of the French Element in English. Lille, 1904.
55. Einkenkel E. Geschichte der englischen Sprache. Straßburg, 1916.
56. Emerson O. The History of the English Language. London, 1915.
57. Feist R. Beiträge zur englischen Philologie-Studien zur Reception des französischen Wortschatzes im Mittelenglischen. Leipzig, 1934.
58. Francke O. Was haben die Engländer für die Reinheit ihrer Sprache getan. Weimar, 1890.
- 59. Greenough J. and Kitteridge D. Words and Their Ways in English Spech. London, 1907.
60. Graf L. Landwirtschaftliches im Altenglischen Wortschatze. Breslau, 1909.
- ← 61. Groom B. A Short History of English Words. London, 1934.
62. Hasse A. Studien über die englische Volksetymologie. Straßburg, 1904.
63. Huchon R. Histoire de la langue anglaise. Paris, 1923.
64. Jespersen O. Growth and Structure of the English Language. Oxford, 1935.
65. Kaluza M. Historische Grammatik der Englischen Sprache. Berlin, 1907.
66. Ksoll A. Die französischen Lehn- und Fremdwörter in der englischen Restaurationszeit. Breslau, 1933.
67. Lindelöff N. Grundzüge der Geschichte der englischen Sprache. Leipzig und Berlin, 1928.
68. Lounsbury T. English Language.
- + 69. Matthews B. The Englishing of French Words. Oxford, 1921.
- 70. Marsh G. The Origan and History of the English Language and of the Early History it Embodies, London, 1862.
71. Mc Knight G. English Words and Their Background. New--York, 1923.
72. Morris. Historical Outlines of English Accidence. London, 1903.
73. Nesfield J. Historical English and Derivation. London, 1931.
- + 74. Orr J. The Impact of French upon English. Oxford, 1948.
75. Potter S. Our Language. Harmondsworth, 1951.
76. Robertson S. The Development of Modern English. London, 1936.
77. Skeat W. A Primer of English Philology. Oxford, 1905.
78. Skeat W. Principles of English Etymology.
79. Serjeantson M. A History of Foreign Words in English. London, 1937.
80. Schwarz W. Studien über die aus dem Lateinischen entlehnten Lehnwörter der englischer Sprache. London.
81. Smith L. The English Language. New-York, 1922.
82. Stern G. Meaning and Change of Meaning. Götteborg, 1932.
83. Thommerel J. P. Recherches sur la fusion du Franko-Normand et de l'Anglo-Saxon. Paris—Londres, 1842.
- 84. Toller M. A. Outlines of the History of the English Language. Cambridge, 1927.
- 85. Vallins G. H. Words in the Making. London, 1935.
86. Vising J. Anglo-Norman Language and Literature. London, 1923.
87. Voltmer B. Die mittelenglische Terminologie der ritterlichen Verwandtschafts und Stadsrverhältnissen nach den höfischen Epen und Romanzen des XIII und XIV Jahrhunderts, Heidelberg, 1888.
- 88. Wyld H. The Growth of English. London, 1910.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
Кельтские заимствования	5
Завоевание Британии германскими племенами.	5
Кельтские элементы в словарном составе английского языка.	6
Кельтские элементы в географических названиях.	7
Характеристика кельтских ранних заимствований	8
Поздние заимствования из кельтских языков.	9
Проблема классических заимствований	12
Классические континентальные заимствования	12
Завоевание Британии римлянами. Господство римлян в Британии.	
Классические заимствования 1-го периода (из кельтского языка).	16
Классические заимствования в древнеанглийском языке (II период).	17
Применение исконных слов для выражения новых понятий. Соотношение исконной и заимствованной лексики в древнеанглийском языке.	21
Лексическая ассимиляция классических заимствований в древнеанглийском языке.	22
Классические заимствования в среднеанглийский период	24
Классические заимствования эпохи Возрождения	26
Пути введения классических заимствований	28
Заимствования греческого происхождения в английском языке	29
Лексическая ассимиляция классических заимствований.	31
Оценка влияния классических языков на английский язык эпохи Возрождения.	36
Классические заимствования в современном английском языке	37
Французские заимствования.	42
Французские заимствования до норманского завоевания	42
Норманское завоевание Англии и его лингвистические последствия.	42
Влияние французских заимствований на словарный состав английского языка	46
Поздние французские заимствования в современном английском языке	53
Вопрос о соотношении исконной и заимствованной лексики французского происхождения	60
Синонимия французских заимствованных слов и исконной лексики	62
Проблема лексической ассимиляции французских заимствований в зарубежном языкознании.	67
Проблема синонимии и лексической ассимиляции французских заимствований в английском языке в трудах советских лингвистов.	77
Проблема скандинавских заимствований	90
Скандинавское завоевание Англии и его последствия	90
Отношения двух языков	92
Скандинавские заимствования и их характер	95
Семантические заимствования скандинавского происхождения	99

Поздние скандинавские заимствования	101
Явления синонимии скандинавской и исконной лексики	101
Лексическая ассимиляция скандинавских заимствований	103
Немецкие заимствования	110
Нижненемецкие элементы в английском языке	114
Итальянские заимствования	117
Лексическая ассимиляция итальянских заимствований	120
Испанские и португальские заимствования	124
Русские заимствования	129
Заимствования из языков других частей света	139
Литература	148

Всеволод Петрович
Секирин

Заимствования в английском языке

Редактор *Ручко Н. М.*
Художник *Обуховский В. П.*
Художественный редактор *Егоров В. А.*
Технический редактор *Окопная Е. Д.*
Корректоры *Борейко Т. А., Наumenко Л. Ф.*

Сдано в набор 11/IV 1964 г. БФ 02456. Зак. № 1110. Тираж 5000. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Физ. печ. лист. 9,5. Условн. печ. лист. 9,5. Учетно-издат. лист 9,5. Бум. лист. 4,75. Подписано к печати 3/VII 1964 г. Цена 60 коп.
Т. П. — 1964 — поз. 53.

Киевская книжная типография № 5 Государственного Комитета Совета Министров УССР по печати, Киев, Репина 4.